

О. Н. Чюмина (Михайлова).

СТИХОТВОРЕН

1892—1897 гг.

Удостоены почетного отзыва ИМПЕРАТОРСКОЙ Акад.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ
СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ «НОВОСТЕЙ»
Б. Морская, 17.
1900.

Digitized by Google

О. Н. Чюмина.

О. Н. Чюмина (Михайлова).

СТИХОТВОРЕНІЯ

1892—1897 гг.

Удостоены почетнаго отзыва ИМПЕРАТОРСКОЙ Академі

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ
СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ «НОВОСТЕЙ»
В. Морская, 17.

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Traumbilder.

На страж
Наканунѣ увяданья
Разлука
Осенняя мелодія
Sérénade d'automne

Изъ зимняго альбома.

Первый снѣгъ
Проблескъ
Безсонной ночью
Въ бурю
Утренняя звезда
Въ вечерній часъ
У моря
Въ полдень
На закатѣ
Двойная жизнь
Отраженіе
Минуты свѣтла
Сфинксъ
О, не смѣйся надъ пѣснью печали

Провансальскіе мотивы.

Менестрель
Châtelaine

Арфа	Стр.	30
Въ саду		—

Изъ кавказскаго альбома.

Въ горахъ	32
Бездна	33
Горная дорога	—
Памяти Лермонтова	35
У провала	—
Нитогескен	37

Миниатюры.

У болота	43
Соловей	45
Умирающая художница	47
Три любви	49
Осенніе листы	52
Подсвѣжникъ	57
Въ старомъ замкѣ	59
Вальсъ	61

Изъ прежнихъ лѣтъ.

Любовь—мечта и мы ее не знаемъ	67
Черезъ рѣки быстроводныя	—
Я безумной слышу оттого	68
Октавы	69
Пастъ борцомъ на полѣ битвы	70
Занималась заря	71
Молитва	—
И не клянупы испытанныхъ страданій	72
Фантазія	73
Передъ грозой	74
И не вѣрю возможности счастья	—
Могилка скромная	75
Элегія	76
Не плачь, мой другъ	—
Онъ отсіялъ	77

У моря	
Въ неволѣ	
Фантазія	
Все отвѣтотъ	
Осенній ясный день	
Падающая звѣзда	
Художникъ	

Отклики.

Поэтъ и пѣснь	
Если снѣжныя вершины	
Тучки воздушно-туманныя	
Достойные жрецы	
Пловецъ	
Водоворотъ	
Орелъ	
Кумиръ	
Когда послѣно зерно	

Изъ иностранныхъ поэтовъ.

Изъ Тениссона.

Замокъ Локелли	
Поэтъ	
Когда засну	
Разбиваясь волной	
Прощанье	
Чѣмъ смѣлѣй бушуютъ грозы	
Владѣлица Шалота	
Маріана	
Двѣ сестры	
Идуэрдъ Грай	

Изъ Лонгфелло.

Приговоръ	
Псаломъ жизни	

	Стр.
Стрѣла и пѣсни	131
Золотой закатъ	132
Духъ и плоть	—
Вальтеръ Ф. Д. Фогельвейде	133

Изъ Байрона.

Пѣсни къ Тирсъ	135
--------------------------	-----

Изъ Вальтеръ-Скота.

Козыбельная пѣснь	139
Эпиграфи	—
Боевая пѣснь	140
Смерть Барда	141
Джэкъ Газельдинъ	142
Клятва Лэди Нормы	143
Паллгримъ	145

Изъ Роберта Бернса.

Видѣнiе	153
Смерть	154
Довольство судьбой	155
Мольба	—
Осеннiй туманъ	156
Солнце и мѣсяцъ	157
На чужбинѣ	—
Избранники	158
Красавицъ	—
Въ грозу	159
Пѣснь	160
Неровнiя	—
Лордъ Грегори	161
Дженни	162
Веселый вдовецъ	163

Изъ Роберта Гамерлинга.

Голосъ ястны	164
------------------------	-----

Лилосъ и Лебедь	—
Два облака	—
Звѣзды	—
Если бы сонмы	—
Подъ гнетомъ	—
Сонетъ	—
Къ птицѣ	—
Изъ старыхъ мелодiй	—
Звукъ и слово	—
Оалесъ	—
Разладъ	—
Несомомъ жизни	—
Завѣщанiе	—
Служенiе красотѣ	—
Сила любви	—
Орелъ	—
Ночныя вѣтви	—
Одиночество	—
Жрецъ богини Герты	—

Изъ В. Гюго.

Поэтъ	—
Когда осквернена святыня	—
Сожалѣнiе	—
Муза	—
Ожиданiе	—
Певѣста	—
Сильфъ	—
Побѣднотелъ	—
Бѣдные люди	—

Изъ Леконтъ-де-Лилля.

Небесная лампада	—
Умирающему поэту	—
Безсмертное благоуханiе	—
Альбатросъ	—
Послѣднiй Олимпiецъ	—
Тайна бытiя	—
Судъ графа	—

Изъ Теофиля Готье.

	Стр.
Бездна	218
На высотѣ	219
Друзьямъ	220
Воспоминанія	221
Честолюбіе	—
Сосна	222
Сонетъ	—
Пляска смерти	223
Эскуріаль	224
Прометей	225
Венеціанскій карнавалъ	226
Ручей	230
Ожиданіе весны	231
Ты сердцемъ живешь	232
Карменъ	233
Новіо	234
Греческая дѣвушка	235
Зимняя фантазія	—

Изъ Ф. Коппе.

Который изъ двухъ	238
Двѣ гробницы	240
Мадьяръ	241
Дуэль	242
Бездомная собака	244
Донъ-Жуанъ	245
Сонетъ	248
Сочувствіе	249
Приговоръ	250
Падающая звѣзда	—
Изъ дневника	251
Вдали	252
Гаданье	—
Старинный сонетъ	253
Человѣкъ-афиша	254

Изъ Сюлли Прюдома.

	Стр.
Роса	262
Желаніе	—
Ласточка	263
Два смѣлыхъ путника	264
Статуя и женщина	—
Кто скажетъ	266
Ворьба	—
На стражѣ	267
Одиночество	268
Сосѣдство	269
Ревность	—
Идеи и форма	270
Просьба	271
Силенъ	272
Идеаль	273
Въ лѣтнюю ночь	274
Былое	—
Искусство и любовь	275
Сонетъ	276
Воспоминанія	277

Изъ Катюль-Мендеса.

Въ путь-дорогу	278
Инстинктъ жизни	279
Поэтъ	—
Пѣсни	280
Сочувствіе	—
Ученикъ Будды	281
Милосердіе	282
Мать-земля	283
Левъ	284
Во имя долга	285

Изъ Хозе-Марія де-Эредіа.

Смерть орла	287
-----------------------	-----

	Стр.
Горныя вершины	—
Триумфатору	288
На Циднѣ	289
Автоній и Клеопатра	—
Рабъ	290
Элегія	—
Лебедная пѣснь	291
Подражаніе Петраркѣ	292
Догаресса	—
Поддѣль	293

Изъ Армана Сильвестра.

Безсмертіе	294
Желаніе	295
Закатъ	296
Послѣдній листъ	297
Поздняя любовь	—
Sérénade d'automne	298

Изъ Жана Экара.

Отверженный	300
Сказка	301

Изъ Жана Ришпена.

Пробужденіе	304
Любовь (трилогія)	305
Послѣдніе листы	307
Тогда и теперь	—
Эхо	308
Безъ исхода	—

Изъ Жана Рамо.

Лунный лучъ	310
-----------------------	-----

Изъ А. де-Виньи.

Гнѣвъ Самсона	—
-------------------------	---

Изъ Венгерскихъ поэтовъ.

Въ чардѣ	—
На чужбинѣ	—
Лунная ночь	—

Изъ Арани.

Листъ въ плѣну	—
--------------------------	---

Изъ Андрея Сабо.

Не тотъ Сидякъ, кто	—
Три скорби	—
Сонеты Петрарки	—

ОПЕЧАТКИ.

Напечатано:

Слѣдуетъ:

	Стр.	Строка		Стр.	Стр.
Прыви	24	1	Порыви	24	
Еци	25	11	Еще	25	
, Нимъ,	26	22	нимъ,	26	
акъ	47	15	Какъ	47	
упрямств	54	11	упрямство	54	
поднимается	74	12	Поднимется	74	
Плѣвлявшн	75	10	плѣвлявшн	75	
пѣтъ	80	15	пѣтъ	80	
самозванц мѣ	128	30	самозванцемъ	128	
клеиторъ	141	2	клеиморъ	141	
роди Ѳ	144	12	родной	144	
вѣшннй	159	3	вешннй	159	
неземною	170	5	неземного	170	
горяча,	189	12	горяча	189	
ночь	196	5	ночью	196	
И съ краскою,	199	14	И съ краскою	199	
развѣшанныхъ	200	14	развѣшенныхъ	200	
свомъ	225	6	своимъ	225	
арабесковъ	227	10	арабесокъ	227	
Порою ѡются	235	20	Порою ѡются	235	
Роетмес	238	2	Роетмес	238	
Вейнбогу	238	3	Вейнбергу	239	
Иштланъ	244	11	Иштванъ	244	
И	246	8	Въ	246	
вспыхнуть	248	26	вспыхнуть	248	
тоть же лучъ	264	9	Имъ тотъ же лучъ	264	
Что не знававшй	268	21	Кто не знававшй	268	
Что упоенный	268	25	Кто упоенный	268	
преклонюсь	271	11	преклонись	271	
Отдай	286	14	Открой	286	
триумфатору	288	11	Триумфатору	288	

ОТДѢЛЪ I.

Т R A U M B I L D E R.

1894—1897 г.

На странѣ.

Сказать прости всѣмъ обольщеньямъ жизни,
Гдѣ злоствуемъ и боремся, и лжемъ,
Найти пріютъ въ невѣдомой отчизнѣ
За рубежемъ?

Но души есть, гдѣ истина—все таже,
Гдѣ тотъ же свѣтъ божественной любви,—
И если вы, стоящіе на стражѣ,
Погасите свѣтильники свои;

И если вы бѣжите съ поля брани—
Кто въ сумеркахъ, сгустившихся кругомъ,
Укажетъ намъ невѣдомыя грани,
Различье межъ добромъ и зломъ?

Кто воскреситъ забытые восторги,
Возвышенно прекрасныя мечты?
И отъ толпы, бушующей на торгѣ—
Насъ приведетъ къ святынѣ красоты?

Пусть небеса удушливы и мрачны;
Чѣмъ гуще тьма—тѣмъ путнику нужнѣе
Сіяющій во тьмѣ огонь маячный,
Отраднѣй свѣтъ сторожевыхъ огней!

Наканунъ увяданья.

1.

Обвѣялъ утренникъ суровый
Своимъ дыханіемъ цвѣты,
Межъ темной зеленью дубовой
Мелкнули желтые листы;

Цвѣтущій лугъ ужъ дважды скошенъ
И обмельзла глубь озеръ,
Но такъ сіяющъ и роскошенъ
Природы царственный уборъ;

Такъ ослѣпительны въ немъ краски,
Такая жизни полнота,
Такая прелесть тихой ласки
Въ ея улыбка разлита;

И на канунъ разрушенья
Такъ обаятеленъ разцвѣтъ—
Какъ будто смерти дуновенья
Надъ нею не было и нѣтъ.

2.

Какъ прежде, ясенъ сводъ лазури,
Она прозрачно глубока,
И лишь предвѣстниками бури
Вдали клубятся облака.

Въ лучахъ заката рдѣютъ клены,
И гроздья красныя рябины
И улыбаются піоны
Изъ темной зелени куртинъ

Въ разгаръ ликующаго лѣта
Природа, дивно молода,
Такого пышнаго разцвѣта
Не достигала никогда.

И, подъ угрозою пенастья,
На пиръ послѣдній убрана—
Изъ кубка жизни, кубка счастья
Еще полнѣе пьетъ она.

3.

Блеклые листья, дрожа, осыпаются съ вѣтокъ,
Землю вокругъ устилая пурпурнымъ ковромъ,
Всюду—узоръ паутины серебряныхъ сѣтокъ,
Небо раскинулось блѣднымъ шатромъ.

Смокли съ зарею призывы пастушьей свирѣли,
Вѣетъ тоской отъ безмолвныхъ покинутыхъ гнѣздъ,
Гроздья рябины все ярче въ саду заалбли,
Ярче почвами сіяніе звѣздъ.

Легкая мгла, какъ куренья подъ сводомъ моленъ,
Къ небу клубится и таетъ въ его высотъ,
Листъ уцѣлѣвшій попержнему яркъ и зеленъ,
Нѣтъ только жизни въ его красотъ.

Все такъ прекрасно, но странной красой увядающа,
Все говоритъ о покоѣ, о тихомъ концѣ,
Въ блѣдной лазури осенняго солнца сіянье
Словно улыбка на мертвомъ прекрасномъ лицѣ.

4.

Осенніе вихри и грозы
Смѣшились холоднымъ дождемъ;
Осенняя частая слезы
Струятся на землю ручьемъ.

И это—не ливень весенній,
Шумящій въ лѣсу молодомъ,
Сбивающій завязь спретеней
И сохнущій съ первымъ лучомъ.

Не дождь благотворный, обильно
Пролившійся вдругъ на поля,
Когда изпывала безсильно
Отъ лѣтняго зноя земля.

Поникнувъ уныло вѣтвями,
Шумитъ растревоженный боръ,
Осенними плачетъ слезами
Небесъ омраченныхъ просторъ.

Какъ сумракъ и смерть неизбежны,
Струятся они сквозь туманъ,
Какъ старость—они безнадежны,
Печальны — какъ счастья обманъ.

Р а з л у н а.

Ты помнишь, какъ ночью беззвѣдной
Мы шли надъ шумящею бездной?
Туманъ заволакивалъ дали
И волны во мракъ рыдали.

Ты помнишь, какъ ночью безлунной
Съ мечтою прекрасной и юной
Мы долго безмолвно прощались,
Сквозь слезы мы ей улыбались?

И ропотъ валовъ мопотонный
Звучалъ, какъ нагѣвъ похоронный,

Какъ позднее къ счастью воззванье,
Какъ скорбное съ счастьемъ прощанье.

И волны тоскливо шумѣли,
Имъ вторили жалобно ели,
Одни лишь, подъ гнетомъ печали,
Мы въ часъ разставанья молчали:

Какъ узникъ, подвергнутый мукамъ,
Не выдавъ ни словомъ, ни звукомъ
Того, что въ душѣ мы таили,
Что здѣсь навсегда хоронили.

Осеннія мелодіи.

1.

Сизыхъ тучекъ плывутъ караваны,
Опустилися низко къ землѣ;
Непогода и мракъ, и туманы,
Капли слезъ на стеклѣ...

Потускнѣли блестящія краски,
И, какъ будто въ несбыточномъ снѣ,
Вспоминаются старыя сказки
О любви, о веснѣ.

Вспоминаются лѣтнія грезы
Фантастическихъ бѣлыхъ почей,
Ароматъ распустившейся розы,
Тихій шопотъ рѣчей.

Въ бѣлой мглѣ затопуванія дали,
Вереницы безмолвныхъ домовъ.
Въ сердцахъ полномъ любви и печали—
Звуки пѣсни безъ словъ.

Гдѣ теперь эти милыя тѣни
Фантастическихъ бѣлыхъ почей?
Все исчезло, какъ рои сновидѣній,
Въ блескѣ первыхъ лучей.

Но съ сознаньемъ мучительной боли
Помню я эти сны наяву.
Если пѣть и не будетъ ихъ болѣ—
Для чего я живу?

2.

Хмурый день. Надъ темной далью лѣса
Съ пожелтѣвшей рѣдкою листвою —
Опустилася сѣрай завѣса
Капель влаги дождевой.

Какъ дитя, осеннее несчастье,
Не смоякая, плачетъ за окномъ—
О быломъ ли невозвратномъ счастьѣ,
Промелькнувшемъ чуднымъ сномъ?

О красъ-ль благоуханной лѣта,
О веснѣ-ль, царицѣ молодой?
Но звучитъ во тьмѣ рыданье это
Надрывающей тоской.

И подъ шумъ и стонъ осенней бури,
Въ безконечно долгиe часы,
Тщетно жду я проблесковъ лазури,
Какъ цвѣтокъ—живительной росы.

И въ мечтахъ, увы, неисполнимыхъ,
Жажду сердцемъ солнечныхъ лучей,
Какъ улыбки чьихъ то устъ любимыхъ,
Какъ сіянья дорогихъ очей.

3.

Сегодня послѣ дней холодныхъ и ненастныхъ,
Побѣдно разогнавъ гряду тяжелыхъ тучъ,
Привѣтомъ лѣтнихъ дней, безоблачныхъ и ясныхъ,
Опять съ небесъ сіяетъ солнца лучъ.

Листва ласкаетъ взоръ богатою окраской
И, позабывъ туманъ и стужу, и дожди,
Что кажутся теперь несбыточной сказкой —
Неволью ждешь тепла и свѣта впереди.

Сегодня, послѣ дней тяжелыхъ ожиданья,
Тревоги за тебя и ежечасныхъ мукъ,
Читаю я слова завѣтнаго посланья
И отдыхаю вновь душою, милый другъ.

Теперь недавній страхъ мнѣ кажется ничтожнымъ,
Въ душѣ, какъ въ небесахъ, становится яснѣй,
И снова счастье является возможнымъ
И вѣрю я опять возврату прежнихъ дней.

4.

Лѣса еще шумятъ обычнымъ лѣтнимъ шумомъ —
Могучимъ, радостнымъ, задорно молодымъ,
И осень блѣдная въ величїи угрюмомъ
Ихъ не обвѣяла дыханіемъ своимъ.

Все также полдень жгучъ, но стали дни короче,
Среди послѣднихъ розъ на зелени куртинъ
Пестрѣютъ лепестки роскошныхъ георгинъ;
Свѣтлѣй — созвѣздія, и гуще — сумракъ ночи.

Земля — въ разцвѣтѣ силъ и пышной красоты,
И только кое-гдѣ своею желтизною,
Какъ преждевременной печальной сѣдиною —
Смущаютъ взоръ поблекшіе листы.

Межъ яркой зеленью такихъ листовъ немного,
Но, несмотря на свѣтъ, на солнце и тепло —
Мнѣ что то говорить, что лѣто ужъ прошло,
Что осень близится, а съ нею — день итога.

Sérénade d'automne.

Нисходитъ ночь, блѣднѣетъ день,
Стустились облака,
И все мрачнѣй ночная тѣнь,
Мучительнѣй — тоска.

Но вновь къ завѣтной сторонѣ
Летитъ моя мечта,
И мнится: что то шепчутъ мнѣ
Любимыя уста.

Уходитъ ночь, свѣтлѣетъ день,
Но нѣтъ тебя со мною —
И мнится мнѣ: покрыла тѣнь
Собою свѣтъ дневной.

Но въ тѣмъ ночей, въ сіяньѣ дня
И въ жизненной борьбѣ —
И свѣтъ и счастье для меня
И жизни цѣль — въ тебѣ.

Изъ зимняго альбома.

Первый снѣгъ.

1.

Забѣлѣло... снѣжною пустыней
Кажется заманчивая даль;
Небеса прозрачны, какъ хрусталь,
Блещетъ шней.

Снова—царство холода и льда
И безмолвья, словно все живое
Застываетъ въ мертвенномъ покоѣ
Навсегда.

Лѣтнихъ дней волненіе и нѣга,
Боль сомнѣній, трепеть юныхъ силъ—
Все мертво... Холодный саванъ снѣга
Все покрываетъ.

Но непрочны зимнія оковы,
Мертвый сонъ забвенья не глубокъ,
И растопитъ снѣжные покровы
Бурныхъ слезъ прорвавшійся потокъ.

Смоется осенними слезами
Принужденья тягостнаго гнетъ
И растаетъ съ частыми дождями
Снѣга перваго палеть.

Проблескъ.

2.

Темныя тучи по небу ночному
Быстро надъ снѣжною поляною клубились,
Грусть навѣвавшая сердцу больному—
Думы въ умѣ проносились.

Выплывъ надъ степью таинственно бѣлой,
Робко луна изъ за тучъ проглянула;
Въ сумрачномъ сердцѣ на мигъ просвѣтлѣло,
Въ сердцѣ надежда блеснула.

Мигъ незабвенный, какъ былъ онъ недологъ—
Свѣта желаннаго проблескъ летучій!
Снова задернулся дымчатый пологъ,
Въ сердцѣ и въ небѣ—попрежнему тучи!

3.

Ночь темна, догораетъ лампада,
Хлопья снѣга стучатся въ стекло,
Всѣ тропинки сосѣдняго сада
Замело.

Только вьюги я слышу рыданье,
Только ночь безконечно длинна!
Ни движенья, ни звука... Молчанье,
Тишина...

Я томлюся тяжелымъ кошмаромъ,
Шумъ въ ушахъ, холодѣютъ виски,
И сжимается сердце не даромъ
Отъ тоски.

И боюсь, что во тьмѣ непроглядной,
Разгоняя ее предъ собой,
Не блеснетъ, ожидаемый жадно,
Свѣтъ дневной.

И боюсь, что вьюгой холодной
Замело для меня всѣ пути
И дорогу изъ тьмы безысходной—
Не найдти...

4.

Вечерь... Отблескъ отъ каминна
Мягко стелется кругомъ,
Только тамъ, въ углу, картина
Темнымъ кажется пятномъ.

На коверъ ложатся тѣни,
Словно нити на каймѣ,
И дрожатъ листы растеній
Въ этой мягкой полутьмѣ.

Не одна я... Здѣсь незримо
Дорогихъ видѣній рои,
Въ этотъ часъ неуловимо
Возстающихъ предо мной.

Это—призраки мечтаній,
Свѣтлыхъ грезъ и милыхъ лицъ,
Это—призраки страданій
И восторговъ безъ границъ.

И видѣнья эти снова
Что то шепчутъ мнѣ безъ словъ,
Но понятнѣй рѣчь былого
Всѣхъ на свѣтѣ голосовъ.

Безсонной ночью.

Покой и безмолвье... Лишь ночь голубая
Глядитъ беспощадно въ окно,
И сердце томитъ тишина гробовая,
И мнится: все ею полно.

Лишь мѣсяца отблескъ изъ щели оконной
Ложится пятномъ на полу,
И маятникъ старый стучитъ монотонно
И мыши скребутся въ углу.

Исчезли волшебнаго міра видѣнья,
Перо выпадаетъ изъ рукъ,
И послѣ короткой минуты забвенья—
Томитъ безнадежныи педутъ.

Мучительнѣй жаждетъ душа переменъ,
И къ свѣту стремится изъ тьмы,
И кажется: давятъ меня эти стѣны,
Какъ своды тюрьмы.

Возможно-ль, что жизнь существуетъ иная
Съ тревогой, страстями, борьбой?
И сердце гнететъ тишина гробовая
Еще безнадежныи собой.

Свѣча догорѣла,—лишь мѣсяцъ уныло
Сіянье дрожащее льетъ,
И сердце то бьется съ удвоенной силой,
То сразу замреть...

Въ бурю.

Холодная снѣжная буря
Всю ночь бушевала сурово,
И думалось, очи зажмури,
Что слышу я стоны больного.

Всю ночь забавлялася вьюга,
Зловѣщею тѣнась играю,
И голосъ далекаго друга,
Казалось, я слышу порою.

Казалось, я слышу: уныло
Звенить колокольчикъ дорожный,
И сердце болѣло и ныло,
И билось сердце тревожно.

Рыданья полпной метели
Кругомъ наметавшей сугробы—
То жалобой тихой звенѣли,
То крикомъ ликующей злобы.

И буря-ль во мракѣ рыдала,
Столбомъ поднимая снѣжнымъ,
Иль въ сердцѣ она бушевала,
Проснувшись въ порывѣ мятежномъ?

И бѣлая хлонья, взлетая,
Кружились надъ снѣжной поляной,
Иль призраковъ бѣлая стая
Изъ тьмы поднялася туманной?—

Не знаю... Но въ вихрѣ унылойъ,
Рыдающемъ въ полѣ открытомъ—
Мнѣ чудились слезы о миломъ,
О чемъ то еще не забытомъ...

Утренняя звѣзда.

Въ небесахъ одиноко звѣзда
Мнѣ сияетъ серебрянымъ свѣтомъ,
И мечтой упохусь я туда,
Гдѣ мерцаетъ, блѣднѣя съ разсвѣтомъ,
Одинокому та же звѣзда.

Поблѣднѣла небесная даль,
Предразсвѣтною дымкой объята,
И рождается въ сердцѣ печаль
О быломъ—можетъ быть безъ возврата.
Отошлдемъ въ туманную даль,

Не сіянія блѣдныхъ лучей
Одинокой звѣзды предразсвѣтной—
Вдохновеньемъ согрѣтыхъ рѣчей
Жаждетъ сердце во мглѣ непривѣтной
Этимъ первыхъ холодныхъ лучей.

Въ вечерній часъ.

(з. ю. яковлевой).

1.

Темнѣло. Капной серебристой
Спустился надъ паркомъ туманъ,
И вѣяло влагой душистой
Съ зеленыхъ луговъ и полянъ.

Померкли блестящія краски
Вечернихъ небесъ. Тишина
Какой то загадочной ласки
И грусти казалась полна.

Чуть слышно листы трепетали,
Чуть слышно журчала вода;
Мы шли, сознавая едва-ли,
Какъ долго идемъ и куда?

То было ли грезой минутной,
Иль годы прошли и вѣка?
Все было неясно и смутно,
Какъ въ небѣ ночью облака.

Въ душѣ, въ сочетаніи странномъ,
Сливались восторгъ и печаль,
Какъ небо—съ вечернимъ туманомъ,
Какъ съ лѣсомъ—стемнѣвшая даль.

2.

Спокойно прозрачнаго озера воды
Дремали въ серебряномъ свѣтѣ луны,
И грезились въ лепетѣ сонномъ природы
Волшебные сны.

Безшумно волна омывала ступени,
Безшумно плескалась въ края береговъ,
Ложились далеко прозрачныя тѣни
Отъ темныхъ холмовъ.

Вся даль потонула въ серебряномъ блескѣ,
Огни, догорая, погасли вездѣ,
Причудливо лунныхъ лучей арабски
Дробились въ водѣ.

Когда же луна исчезала за тучей,
На мигъ омрачавшей собой небосводъ—
Туманъ поднимался волпою зыбучей
Надъ зеркаломъ водъ.

И сразу, окутанъ покровомъ тумана,
Мѣнялъ выраженъе знакомый пейзажъ,
И все въ пемь казалось такъ призрачно странно,
Какъ дальній миражъ.

Не такъ ли и въ жизни—сіянье и тѣни
Идутъ чередою другъ другу во слѣдъ,
Но длятся въ нихъ странной, загадочной смѣнѣ—
Лишь тѣни—не свѣтъ...

У м о р я.

1.

Мы шли трошнкою несчаной и тѣнистой,
Отъ сосенъ вѣковыхъ кругомъ ложилась тѣнь,
Дышала жадно грудь прохладой смолистой
И тихо догоралъ, и гасъ тревожный день.

Надъ нами въ вышинѣ отгѣнками она
И блѣднымъ золотомъ сіяла глубь небесъ,
Мы тихо шли впередъ и все кругомъ молчало,
И лишь задумчиво шумѣлъ сосновый лѣсъ.

Но вдругъ, послышался, вначалѣ еле внятный,
Сливаясь съ шорохомъ и шелестомъ вѣтвей—
Какой то странный гулъ, глухой и непонятный,
Но разроставшійся могучѣй и сильнѣй.

То не былъ тихій стонъ подавленнаго горя;
О, нѣтъ! Торжественный и равномерный шумъ,
Звучавшій откликомъ, стихійныхъ силъ и думъ—
Его узнали мы. И то былъ голосъ моря!

2.

Въ своей красотѣ и величьи суровомъ
 Лежало оно у прибрежныхъ песковъ;
 Холодныя волны съ отливомъ свинцовымъ,
 Шумя, разбивались среди тростниковъ

Здѣсь вѣтеръ, гуляя, игралъ на свободѣ,
 Волну за волною гоня предъ собой,
 И вторило вѣтру шумѣвшее море,
 И вторило гудѣвшій во мракѣ прибой.

Темнѣло... Тонули въ туманѣ зыбучемъ
 И воды и дальнихъ небесъ синева,
 И здѣсь, передъ голосомъ моря могучимъ,
 Невольно въ устахъ замирали слова...

Одинъ только голосъ непрежнему внятно
 Звучать несмолкаемо въ сердцѣ моемъ,
 И властно твердить оцѣ—тебѣ непонятно—
 О чемъ?

Въ полдень.

1.

Связаны полдневнымъ зноемъ,
 Лепестки свернули розы,
 Надъ кустами вылся раемъ
 Легкокрылая стрекоза.

Все заснуло въ полдень знойный,
 Изъ гнѣзда не слышно плеска,
 Затихла струя споконный
 Изъ ручья въ тучныхъ плывень.

Обессиленна, пошели
 Молодыя вѣтвой плыомы,
 Все охваченасть мысли
 Безотчетнымъ чувствомъ дрема.

Въ полуснѣ лежу я странномъ,
 И картина изъ белого
 Легкимъ призракомъ туманнамъ
 Предо мной проходитъ снова.

Вижу взоръ очей любимыхъ,
 Слышу звукъ рѣчей, мнѣ милыхъ,
 Можетъ быть невозвратныхъ,
 Но что я забыть не въ силахъ.

Эти обрива и трезва
 Такъ порой блаженствъ живна,
 Что глаза туманить слеза,
 На устахъ дрожать признанья...

Позабить покой безразрѣтна,
 Слова живны съ жетою въ спорѣ!
 Билась снова близокъ счастье,
 Настоящее ли горе?

2.

Летний день веселый бѣлы и дымъ розетки,
 Какъ и вѣдомыя златъ день веселый!
 Взоры и улыбки, чуждые сомнѣнья
 И рѣчей же завилахъ дородъ звуки.

О, чуждай мнѣ жить жизни миражъ озорный,
 Пусть моя душа въ тучномъ сонномъ
 Ожаритъ надеждой сухарь вѣтеръ сухой
 И сунулъ на клубокъ я иду съ улыбкой.

Какъ языкъ отчизны—страннику въ изгнаньѣ,
 Какъ священный пламень—для жрецовъ искусства,
 Дорого мнѣ это молодое чувство,
 Дорого о счастье мнѣ воспоминанье.

Не порывомъ страсти, бурнымъ и мятежнымъ,
 Какъ лѣсныя грозы—было чувство это:
 Отъ него мнѣ вѣсть чѣмъ-то милымъ, нѣжнымъ,
 Чѣмъ-то гармоничнымъ, какъ мечта поэта.

Но пришла разлука, длится ожиданье...
 Не было-ли счастье слишкомъ мимолетно?..
 И страшусь я сердцемъ робкимъ безотчетно—
 Послѣ дней разлуки—новаго свиданья.

На закатѣ.

1.

Умиралъ ароматъ засынающихъ травъ,
 Замирали слова вдохновенныхъ рѣчей,
 И, какъ скорбный напѣвъ въ тишинѣ отзвучавъ,
 Отъывались въ душѣ потрясенной моей
 Отголоски печальныхъ рѣчей.

И вечернихъ огней догоравшій костеръ
 Поблѣднѣлъ и погасъ въ наступающей мглѣ,
 И презрѣнья огнемъ загорался твой взоръ,
 Ты блѣднѣлъ, говоря о ликующемъ элѣ
 Въ наступившей безрадостной мглѣ.

Тосковала душа,—и отъ тайнъ бытія
 Порывалась въ иной, неразгаданный міръ,
 И, казалось, мечта прозрѣвала твоя
 За предѣломъ, гдѣ блещетъ небесный эфиръ—
 Этотъ чудный таинственный міръ.

2.

Прозрачною дымкой подернулись дали,
 Какъ будто простясь съ умпрающимъ днемъ;
 Иронія странной и странной печали
 Скользили отбѣнки во взорѣ твоемъ.

Земныя тревоги: и злоба и нѣжность
 Казались въ тотъ мигъ отъ тебя далеки,
 Они уходили куда-то въ безбрежность,
 Какъ волны катящейся къ морю рѣки.

Въ тиши, напоенной дыханіемъ вешнимъ,
 Въ таинственно чуткой вечерней тиши—
 Къ невѣдомой грани, къ предѣламъ нездѣшнимъ
 Стремилась пытливыя очи души.

Блѣднѣли и меркли небесные дали,
 И плещущей тихо о берегъ волнѣ—
 Чуть слышно деревья о чемъ то шептали
 Въ своемъ заколдованномъ снѣ.

Двойная жизнь.

1.

Двойною жизнью я живу,
 Одна изъ нихъ—печаль и радость,
 Разгаръ борьбы, побѣды сладость
 И грезы счастья на яву.

Другая—сонъ, покой забвенья,
 Невозмутимый мирный сонъ,—
 Увы, чѣмъ дольше длится онъ,
 Тѣмъ тяжелѣе пробужденье.

П рывы смѣлые и пыль —
Онъ все оковываетъ дремою,
И воли нѣтъ и нѣту силъ
Бороться съ тяжкою истомою.

Такъ витязь спитъ на дигъ морскомъ,
Надъ нимъ шумятъ, смыкаясь, волны,
Но иногда, тревоги полный,
Онъ смутно грезитъ о быломъ.

Онъ рвется въ бой, онъ слышитъ ясно
Полузабытыя слова...
Но мигъ прошелъ,—и безучастно
Опять поникла голова.

Въ душѣ смолкаетъ вѣщій голосъ,
Нѣтъ воли двинуться впередъ,
И все, что смутно въ немъ боролось —
Навѣки можетъ быть заснетъ.

Отраженіе.

Все, что душу собою живило,
Все, чѣмъ сердце усиленно билось —
Въ звукахъ нѣсни съ чудесною силою
Вдохновеньемъ живымъ отразилось.

Что извѣдано въ счастьѣ и мукахъ,
Что царило, подобно кумиру —
Отраженное въ краскахъ и звукахъ,
Все художникъ повѣдаетъ міру.

Но во мглѣ исчезаетъ безслѣдно,
Не оплакано имъ, не восхито —
Все, мелкнувшее въ жизни поэта
Только тѣнью туманной и блѣдной.

* *
*

Минуты свѣтлыя—подобны сновидѣнью;
Едва наставшія—онъ ужъ пронеслись
Волшебной грезой, неуловимой тѣнью,
И власти нѣтъ такой, что бы сказать мгновенью:
Остановись!

Когда исполненнымъ завѣтное желанье
Свое увидѣть намъ порою суждено —
Неволью даже тутъ рождается сознанье,
Что счастія ужъ нѣтъ, и лишь въ воспоминаньѣ
Живетъ оно.

Порой слова любви еще не отзвучали,
А сожалѣніе идетъ на встрѣчу имъ,
И радости любви смѣняетъ тѣнь печали,
При мысли, что онъ наполовину стали
Пережитымъ.

И все-же, какъ дитя—конца любимой сказки,
Мы жадно счастія отравленного ждемъ,
И, безсознательно слѣдующе къ развязкѣ,
Воспоминаніемъ о мимолетной ласкѣ
Живемъ.

С ф и н к с ъ.

(о. а. гнѣдичъ).

Я знаю женщину: съ прекраснымъ сфинксомъ схожа,
Загадкою живою является она,
Пытливые умы волную и тревожа.
И взоры синихъ глазъ, прозрачныхъ, какъ волна

И межъ густыхъ бровей задумчивая складка,
И строгія черты—все необычно въ ней,
Все обаятельно и странно, какъ загадка,
Какъ переливній блескъ сверкающихъ огней.

Успѣхъ ли дорогъ ей и обаянье власти?
Ей чуждо ли все то, что привлекаетъ мѣръ?
Попятенъ ей призывъ краснорѣчивыи страсти,
Иль долгъ, суровый долгъ—одишь ей кумиръ?
Скрываетъ ли она подъ свѣтлою улыбкой
Сомнѣнья жгучія иль тайную печаль?
Кто, подъ завѣсой мглы, причудливой и зыбкой,
Способенъ разглядѣть заманчивую даль?
Кто, обольщаемый тревожною догадкой,
Проникнетъ въ глубь небесъ и въ бездну синнихъ волнъ?
Не вѣчно-ль онъ стоитъ, недоумѣнья полнъ,
Предъ перѣшенной имъ, тревожною загадкой!

* * *

О, не смѣйся надъ пѣснью печали
И меня за нее не кори:
Тѣмъ, кто долго во мракѣ блуждали,
Тѣмъ не вѣрится блеску зари.

Если сразу темницы затворы
Упадутъ передъ, нимъ, зазвезя,—
Непривычные узника взоры
Ослѣпляетъ сіяніе дня.

Онъ не вѣритъ концу испытаній,
И въ словахъ восхищенья живыхъ,
Въ свѣтломъ гимнѣ его ликованій—
Слышно эхо печалей былыхъ.

Такъ не смѣйся-жъ и ты надо мною,
Малодушіемъ дѣтскимъ коря,
Если взоры, что свыклись со тьмою—
Ослѣпляетъ мнѣ счастья зоря.

Провансальскіе мотивы.

Менестрель.

У насъ, въ землѣ Прованса,
Гдѣ все полно значенья,
На родинѣ романса,
Въ отчизнѣ вдохновенья,
Нѣжнѣй рокочуть струны,
Сильнѣе—ароматы,
И зори вѣчно юны
И радостны закаты.
Глядятся здѣсь твердыни
Во влагѣ водъ зеркальныхъ,
Когда цвѣтутъ въ долинѣ
Кусты цвѣтовъ миндальныхъ.
Тревожа и волнуя
Тревогою опасной,
Здѣсь пламя поцѣлуя
Сжигаетъ нѣгой страстной.
Оно—какъ солнце юга,
Какъ жгучіе мистральи!
У насъ, любя другъ друга,
Весь міръ позабывали, —

У насъ въ землѣ Прованса,
Невѣдомы сомнѣнья,
На родинѣ романса,
Любви и вдохновенья

Châtelaine.

Пойдемъ бродить съ тобою
Дорогою тѣнистой,
Гдѣ лацдышь серебристыи
Блѣветъ межъ травой.

Пойдемъ искать на волѣ
Отъ суеты докучной:
Ты—рифмы сладкозвучной,
А я—фіалокъ въ полѣ.

Я превращу въ букеты
Фіалокъ рои пахучіи,
А ты—красу созвучіи
Преобразишь въ сонеты.

И въ свѣтлый день союза
Весны съ цвѣтущимъ лѣтомъ—
Пускай я буду муза,
А ты—мой поэтъ.

А р ф а.

Есть арфа у меня: при имени завѣтномъ,
 Гармоніи полна,
 Созвучьемъ въ ней звучить, восторженно отвѣтнымъ
 Мнѣ каждая струна.

И гѣнѣ съ вѣщихъ струнъ полетѣла неземное,
 Когда упомяну
 Я имя той — для сердца дорогое —
 Кого люблю одну,

Но если имя той порою съ устъ сорвется,
 Кѣмъ я любимъ—
 На арфѣ золотой струна не отзовется
 Мнѣ звукомъ ни однимъ!

Въ саду.

Во мракѣ почи южной
 Смолкаетъ гѣснь цикады,
 Подъ дымкою жемчужной
 Спокойно дремлетъ садъ.

Въ запущенной бесѣдкѣ
 Фонтанъ замолкъ давно.
 И лишь магнолій вѣтки
 Къ намъ тянутся въ окно.

И лишь на кровлѣ дома,
 Скрываясь межъ вѣтвей,
 Весь—нѣга, весь—истома,
 Вдыхаетъ соловей.

Но я, ему внимая,
 Боюсь, что гѣсни звукъ
 Тебя въ тиши лаская,
 Разбудить, милый другъ.

Что ночью благовонной
 Магнолій пышный кустъ
 Любовью упоенный,
 Твоихъ коснется усть.

Изъ кавказскаго альбома.

1.

Въ горахъ.

Какъ царь развѣчанный, печальны эти горы,
Величья дикого напрасно ищутъ взоры:
Ихъ недоступности и мощи ихъ—конецъ,
Съ тѣхъ поръ, какъ вторгся въ нихъ непрощенный пришлецъ.
Гдѣ прежняя краса, съ ихъ прежнею свободою,
Когда, лицомъ къ лицу, съ могучею природою
Легко дышалось тутъ, и горные орлы
Одни лишь рѣяли надъ выступомъ скалы,
И смѣло имъ во слѣдъ неслася мысль поэта
Въ обитель горнюю, въ страну любви и свѣта!

Порою воскресить пытаюсь я мечтою
Былую красоту въ ея величьи прошломъ,
Но будничная жизнь, во всеоружьи пошломъ,
Съ ея шумихою и пестрой суетою—
Въ мѣръ дивныхъ призраковъ вторгается побѣдно,
И гаснутъ образы волшебные безслѣдно,
Какъ отблескъ золотой—въ вечернихъ небесахъ,
Какъ отголоски арфъ—въ крикливыхъ голосахъ.
И поднимая взоръ, печалью омраченный,

Къ темнѣющимъ вокругъ, развѣчаннымъ горамъ—
И вижу въ нихъ—толпѣ на жертву обреченный,
Когда то славный храмъ.

2.

Бездна.

Темная бездна влечетъ неотступно меня.
Тщетно стремлюсь я къ сіянію свѣтлаго дня,
Тщетно слѣжу за игрой золотистыхъ лучей:
Сердцу милѣе, милѣй для усталыхъ очей
Сумракъ ущелья, гдѣ—бѣшено дикъ и глубокъ—
Съ шумомъ и плескомъ бѣжитъ своенравный потокъ.
Чутко душою ловлю я таинственный гулъ:
Смѣхъ и рыдающаго, веселья безумный разгулъ,
Странныя чары, несбыточно дивные сны—
Грезятся мнѣ въ переливахъ мятежной волны.
Шепчутъ мнѣ волны: «Любуешься розами ты;
„Знаи же: прекраснѣй—волшебные бездны цвѣты.
„Тотъ, кто вдохнулъ опьяняющій ихъ ароматъ,
„Вѣчно томится, желаніемъ смутнымъ объять.
„Онъ, презирая доступный для смертнаго даръ,
„Жаждетъ душою иныхъ, неизвѣданныхъ чаръ;
„Все въ этомъ мѣрѣ и чуждо ему, и мертво:
„Темная бездна влечетъ неотступно его“.

3.

Горная дорога.

Полдень жжетъ. Иду я въ гору...

Каменистыя громады!

Нѣтъ нигдѣ отрады взору.

И для сердца нѣтъ отрады.

Тяжелѣе—путь песчаный,
Смѣны нѣтъ камнямъ и зною,
Отъ акацій запахъ пряный
Разливается волною.

По дорогѣ каменистой,
Поднимая за собою
Тучу пыли золотистой,
Побрели воли съ арбою.

Коростель неугомонный
Все твердитъ мотивъ знакомый,
Умъ охваченъ полусонной,
Непонятною истомой.

Шагъ еще—и полной грудью
Вновь дышу я на вершинѣ,
И къ безмолвью и къ безлюдью
Всей душой я рвуся нынѣ

Здѣсь стихаетъ гулъ нестройный,
Отзвукъ шума городского,
Величавый и спокойный—
Вижу я Кавказъ былого.

Небо, горы... Надъ пустыней
Паръ клубится изъ расщелинъ,
Вьется онъ въ лазури синей,
Какъ куренья изъ молеленъ.

Гдѣ раздоры? Гдѣ насилья?
Гдѣ борьба за крохи хлѣба?
Духъ людской, расправивъ крылья,
Какъ орелъ, уходитъ въ небо!

Памяти Лермонтова.

Тянутся горы далекою цѣпью,
Коршунъ въ лазури кружится надъ степью,
Вѣтеръ качаетъ ковыль,
Вѣтеръ повѣялъ вечернею лаской,
Въ сердцѣ воскресла волшебною сказкой
Старая быль.

Здѣсь, у подножья горы великана,
Въ заревѣ молній, во мглѣ урагана,
Паль онъ—нѣвецъ молодой,
Тамъ, гдѣ пышнѣй разрослася осока,
Высится въ горной стени одиноко
Камень сѣдой.

Люди, въ стремленіи къ наживѣ упорномъ,
Путь проложили къ вершинамъ нагорнымъ,
Грозный разрушивъ оплотъ;
Умеръ Кавказъ непокорный и дикій,
Пали твердыни,—одинъ лишь великій
Геній поэта—живетъ.

У провала.

Темные своды пещеры,
Темно-лазурный родникъ!
Символь спасительный вѣры—
Кроткій Владычицы ликъ.

Мрачнымъ иду переходомъ,
Давить суровый гранитъ,
Душно подь каменнымъ сводомъ,
Ужась меня леденить.

Къ свѣту и солнцу—скорѣе!
Къ тверди небесъ голубой!
Тамъ, въ глубинѣ галлерей,
Слышу шаги за собой...

Грезы ли смутной видѣнье
Ваоры смущаетъ и слухъ,
Мститъ ли за это вторженье
Горный разгнѣванный духъ?

Нѣтъ, изъ волшебной пещеры
Духъ непокорный исчезъ,
Людямъ лишь запахомъ сѣры
Мститъ изгоняемый бѣсъ.

Развѣ бѣсенокъ порою,
Тайно забравшійся въ гротъ—
Тѣшась лукавой игрою,
Камнемъ въ прохожихъ швыряеть.

Духи подверглись изгнанью;
Нынче, впуская „господъ“,
Сторожъ посильною данью
Ихъ облагаетъ за входъ.

Humoresquen.

1.

Какъ онъ странно обезличенъ,
Поэтическій Кавказъ!
Тщетно, къ дѣлу непривыченъ,
Красоты здѣсь ищетъ глазъ.

Увѣнчали здѣсь кіоски,
Горъ высокихъ алтари,
И въ цыганскіе обноски
Облеклись сазандари.

Гдѣ сражались наши предки,
Гдѣ виталъ поэтовъ духъ—
„Леденистыя конфетки“
Услаждаютъ нынче слухъ.

Гдѣ, воинственно отважный,
Прежде высился аулъ—
Слышенъ грохотъ экипажный
И бульвара дальній гулъ.

Не внушаетъ больше страха
Горець, мраченъ и угрюмъ—
Ихъ черкеска и папахъ—
Опереточный костюмъ!

На водахъ страшнѣй кинжала
И опаснѣй во сто разъ—
Прожужжавшей сплетни жало,
Или взоръ прекрасныхъ глазъ.

Какъ избитые мотивы—
 Все прискучило вокругъ;
 Даже долготерпѣливый
 Нынче хмурится Машукъ;
 И бульварнымъ карнаваломъ
 Ежедневно раздражёнъ,
 Къ ночи ливнемъ небывалымъ.
 Разразится нынче онъ!

2.

На горѣ я... Тамъ, у склона.
 Полновѣсная матрона
 Ищетъ Лермонтова гротъ,
 И съ рѣшеткой видя входъ,
 Раздражается сугубо...
 Безъ сомнѣнья, это грубо,
 Но вопросъ не разрѣшенъ:
 „Для чего ему Гекуба!
 Для чего Гекубѣ онъ?“

ОТДѢЛЪ II.

—***—
 МИНИАТЮРЫ.

Провансальская баллада.

Въ росписныя стекла оконъ
Свѣтъ струится полосой,
Золота небрежно локопъ,
Королевы молодой.

Королева молодая,
Словно лилія блѣдная,
Тихо гаснетъ, увядая,
Молчалива и грустна.

Отуманились тоскою
Темносніе глаза,
И блистаетъ въ нихъ порою
Набѣжавшая слеза...

А кругомъ—какъ будто въ сказкѣ—
Мраморъ, золото, атласъ...
Очертанія и краски
Веселятъ невольню глазъ.

Птицы рѣдкія, растенья,
Ткани яркія ковровъ,
На стѣнахъ—произведенья
Знаменитыхъ мастеровъ.

Чу! рокочуть тихо струны
Подъ искусною рукой...
Это пажъ играетъ юный
Королевѣ молодой.

Бѣлокурый, свѣтлоокій,
Онъ по возрасту—дитя,
Но сіяетъ взоръ глубоокій,
Станнымъ пламенемъ блестя.

Здѣсь, отъ свѣта отлученный,
Страсть безумную тая,
Онъ проводить, восхищенный,
Цѣлый день у ногъ ея.

Не маять его ни слава,
Ни веселый блескъ двора,
Ни охотничья забава,
Ни турниры, ни игра.

Онъ, слѣди порою взоромъ
За полетомъ журавлей,
За блестящимъ метеоромъ
Иль за бѣгомъ кораблей—

Не завидуетъ ихъ долѣ,
Предпочти всему, всему:
Жизни, счастью на волѣ—
Золоченую тюрьму!

А она? Склонясь устало
На подушку головой,
Уронила онахало
На коверъ передъ собою...

Снится ей король влюбленный,
Снится, будто во дворецъ
Къ ней—забытой, оскорбленной
Онъ вернулся наконецъ!

Будто, вновь любуясь ею,
Шепчетъ онъ любви слова,
И склонилась передъ нею
Эта гордая глава...

Звуки пѣжнаго напѣва
Раздаются въ тишинѣ,—
Тихо дремлетъ королева,
Улыбаяся во снѣ...

У болота.

(И. А. Козлову).

У пруда съ зеленой тиною,
Надъ которымъ молчаливо
Наклонилась вершиной
Зеленѣющая ива.

На коврѣ изъ мха пушистомъ,
Гдѣ кувшинчиковъ не мало,
Подъ весеннимъ небомъ чистымъ
Птичка мертвая лежала.

А кругомъ, тѣсня другъ друга,
Ужъ слетались пичужки
И въ болотѣ, съ перепуга,
Громко квакали лягушки.

— Какъ? Убилась? Добровольно?
Вотъ такъ случай! И съ чего-бы?
Возмущались неволью
Царства птичьяго особы.

— Вѣдь народъ то нынче спятилъ!
Гдѣ приличія законы?—
Возгласилъ суровый дятель.
— Вѣрно:—каркнули вороны;

— Случай просто небывалый,
(Дайте мнѣ понюхать соли...)
И другіе вѣдь пожалуй
Пожелаютъ также воли;

И другимъ пожалуй скоро
Лѣсъ покажется нашъ тѣсенъ—
Не найдутъ онѣ простора
Для своихъ безумныхъ пѣсенъ...

Съ жаждой солнечнаго свѣта,
Съ жаждой „новаго“ чего то,
Улетятъ онѣ, какъ эта,
Отъ родимаго болота!—

— Что имъ въ солнцѣ—не пойму я? —
Молвилъ сычъ, сердито хмурясь;
— Въ темнотѣ всегда живу я
И отъ солнца только жмурюсь.—

— Безполезно это пѣнье!—
Крикъ слышался насѣдки;
— Лишь въ курятникѣ спасенье,
И всего нужнѣе—дѣтки...—

— Жизнь дана для наслажденья!—
Молвилъ чижъ, съ цвѣткомъ въ петличкѣ,
Поощренный, безъ сомнѣнья,
Взоромъ ласковымъ синички.

— Ахъ, что слышу я?—крикнуво
Тутъ вмѣшалася сорока,
Не сдержавъ нетерпѣливо
Словъ язвительныхъ потока;

— Глупость—эти дарованья
И поэзія и чувство...
Въ мірѣ есть одно призванье—
Акушерское искусство!

Нѣтъ почетнѣе занятя
И прекраснѣе и выше,—

И объ этомъ прокричать я
Хоть сейчасъ готова съ крыши!...

Такъ, собравшись толпою
Подъ весеннимъ небомъ чистымъ,
Птицы, споря межъ собою,
Оглашали воздухъ свистомъ...

А подъ сѣнью ивъ зеленыхъ
Птичка мертвая лежала,—
И сужденіи просвѣщенныхъ,
Къ сожалѣнью, не слыхала...

1889

Соловей.

(А. Н. Плещеву).

Каждою весною майскими ночами
Изъ дубравы темной, съ звонкими ключами,
Съ тѣнью липъ цвѣтущихъ и дубовъ вѣтвистыхъ,
Съ свѣжимъ ароматомъ ландышей росистыхъ,
Разносясь далеко падо всеи равниной—
Слышались раскаты пѣсни соловьиной:
И внимали пѣснѣ все лѣсныя пташки,
Бабочки на вѣткахъ и въ травѣ букашки,
И подъ звуки эти распускались розы,
Разцвѣтали въ сердцѣ золотыя грезы;
Легче всемъ жилося: звуки пѣсни чудной
Облегчали многимъ бремя жизни трудной.

Но однажды какъ то, вовсе безъ причины,
Раздражилъ лигушекъ рокотъ соловьиный,
Разсердился также и надменный дятель,

Что внимая пѣснѣ, время даромъ тратилъ.
 А за ними слѣдомъ повторили галки,—
 Что, молъ, пѣсни эти и скучны и жалки,
 Что давно ихъ слушать прочимъ надоѣло
 И онѣ мѣшаютъ только дѣлать дѣло...
 Зрѣло недовольство съ каждою минутой,
 Соловья извѣстность находя раздутой,
 Накопецъ созвали общее собранье
 И пѣвцу рѣшили объявить изгнанье.

Но бѣды не чуя, нашъ пѣвецъ смиренный,
 Изливая душу въ пѣснѣ вдохновенной,
 Не видалъ, какъ злоба разросталась глухо,
 Какъ его повсюду принимали сухо,—
 И когда впервые вѣсть о приговорѣ
 До него достигла—онъ, скрывая горе,
 Выслушалъ спокойно злая нареканья
 И не отвѣчая, улетѣлъ въ изгнанье.
 А друзья, что втайнѣ о пѣвцѣ жалѣли,
 Заявить объ этомъ громко не посмѣли.

Съ соловьемъ разставшись, не шутя сначала
 Темная дубрава вдругъ возликовала.
 Но не долго длилось это увлеченье,
 Пробудилось смутно чувство сожалѣнья
 И невольной скуки, многимъ очевидно
 Стало вдругъ неловко и какъ будто стыдно...
 Не лились, какъ прежде лѣтними ночами
 Соловья напѣвы звучными волнами,
 А съ закатомъ солнца изъ лѣсной опушки
 Рѣзко и крикливо квакали лягушки,
 Стрекоталъ кузнечикъ, и дрозды бесплодно
 Подражать пытались пѣснѣ благородной,
 Пѣснѣ соловьиной... Заскучали розы,
 Лепестки роняя на траву, какъ слезы...

Сумрачно и пусто стало въ этой чащѣ
 Безъ знакомой пѣсни, звучной и бодрящей.
 Тутъ, сначала втайнѣ, а потомъ и гласно
 Раздалися крики, что совсѣмъ напрасно
 Соловья изгнали; начались споры,
 (Дѣло доходило до открытой ссоры),
 И въ концѣ рѣшили: слать гонца за море—
 Соловью повѣдать о всеобщемъ горѣ,
 Умолять вернуться будущей весной,
 Примирясь на вѣки съ чащею родною...

И пѣвецъ вернулся. Онъ великодушно
 Все простилъ душою, дѣтски простодушно.
 И по всей дубравѣ какъ его встрѣчали,
 Какъ неудержимо громко ликовали!
 Какъ луга одѣлись пышною травою,
 А дубы и липы—яркою листвою,
 Какъ благоухали синія фіялки,
 И въ пылу восторга стрекотали галки,
 Какъ ручьи журчали, и царицы-розы
 Съ лепестковъ роняли радостныя слезы!

1890.

Умирающая художница.

(Памяти М. Ванькиной).

1.

Охвачена минутнымъ забытьемъ,
 Покоилась она—бѣлѣ лиліи
 И ландышей, что въ комнатѣ кругомъ
 Свой ароматъ чарующій струили...
 Съ ея лица та скорбная черта,
 Что говорить о мукахъ затаенныхъ,

Сомнѣнiяхъ и о почаяхъ безсонныхъ—
 Изгладилась, и блѣдная уста
 Раскрылися улыбкою счастливой,
 Какъ будто ей счастливый снился сонъ,—
 И свѣтлый умъ, тревожный и пытливый,
 Сомнѣнiями такъ часто удрученъ—
 На все нашелъ отвѣтъ и разрѣшенiе,
 И за борьбой пришло успокоенье...

2.

Вокругъ нея ея—созданiй рядъ:
 Ряды картинъ, начатыя творенья,
 Гдѣ съ полотна на зрителя глядятъ
 Ея идеи живыя воплощенья.
 Отъ мелкихъ драмъ изъ жизни бѣдняковъ,
 Записанныхъ и схваченныхъ съ натуры,
 Гдѣ все живетъ: и лица и фигуры
 И говоритъ краснорѣчивѣйи словъ,
 До чудныхъ сценъ евангельскихъ преданiй,
 Или эпопеи Рима роковой
 И Греции: весь циклъ ея созданiй—
 Все истиной проникнуто одной.
 „Святая жены“, „Цезарь“, „Навзикая“—
 Повсюду—мысль—вездѣ—душа живая.

3.

И снится ей: опасность далека
 И снова грудь больная дышетъ смѣло.
 Работать! Жить! Вѣдь жизнь такъ коротка,
 Такъ коротка, а въ ней такъ много дѣла!
 Ужели же не суждено облечь
 Ей въ образы задуманное ею?
 Ужель оно погибнетъ вмѣстѣ съ нею?

И ей восторгъ не суждено зажечь
 Въ сердцахъ людей, чтобъ глядя на творенья
 Художницы, могъ каждый оцѣнить,
 Постигнуть могъ душою ихъ значенье,
 И вмѣстѣ съ ней и мыслить и любить?..
 Какъ? Умереть? Когда желаешь страстно
 Творить и жить, и жизнь сама—прекрасна!

4.

Со стономъ вдругъ очулася она!
 Какъ тяжело! Какъ ноетъ грудь больная!
 Сомнѣнья нѣтъ: она осуждена
 И близится минута роковая...
 Такъ все любить: природу и людей,
 Искусство, жизнь, и тишину, и грозы,
 И смѣхъ, и грусть, и радости, и слезы,
 Сiянье дня, безмолвiе ночей—
 И—умереть!.. Кто плачетъ? Кто, рыдая,
 Склонился къ ней? Не надо! До конца,
 Она, ни въ чемъ себѣ не измѣняя,
 Увидитъ смерть съ рѣшимостью борца,
 И не „рабомъ лукавымъ и лѣнивымъ“,
 Передъ судомъ предстанетъ справедливымъ...

1889 г.

Три любви.

(Испанская поэма).

Тамъ, въ стѣнахъ Севильи старой,
 Что прославили поэты,
 Гдѣ съ пѣвучею гитарой
 Звонко спорятъ кастаньеты,

Въ романической Севильѣ,
Гдѣ украдкой мечутъ взоры
Изъ подъ кружева мантильи
Сеньориты и сеньоры,

Гдѣ, въ безмолвіи соборовъ,
Назначаются свиданья,
И любовь сильнѣй затворовъ,
И восторгъ сильнѣй страданья—

Въ гордомъ домѣ донъ-Раширо,
Благороднаго вельможи,
Для кого сокровищъ міра
Родовая честь дороже---

Три прекрасныхъ сеньориты,
Что рожденьемъ и красою
Были равно знамениты,
Говорили межъ собою

О любви, о тайной мукѣ,
О блаженствѣ юной страсти,
И о томъ, что у разлуки
Нѣтъ надъ нею ни силъ, ни власти...

Увлекаясь сильнѣе,
Тутъ онѣ вступили въ преню:
Кто изъ нихъ въ любви вѣрнѣе,
Въ комъ сильнѣй ея влеченье?

И сказала донья-Анна
Вызывающе и гордо:
— Нѣтъ въ любви моей обмана
И обѣтъ храню я твердо.

Быть женою донъ-Фернандо
Для меня дороже славы
Стать сейчасъ сунругой гранда,
Кавалера Калатравы.

Но когда бъ себя дѣяньемъ
Запятналъ онъ недостойнымъ—
Отъ него съ негодованьемъ
Отвернуса я спокойнымъ.

— То не страсть—одно безсилье,
'Страхъ одинъ предъ мнѣньемъ свѣта!—
Пылко донья-Ипецилья
Возразила ей на это.

— За любовь его готова
Я была бъ на всѣ мученья,
За одно пошла бы слово
На позоръ, на униженье!

И сжимая онахало
Задрожавшею рукою,
Донья-Клара тихо встала,
Глядя вдаль передъ собою.

Только щеки на мгновение
Поблѣднѣли, какъ отъ боли,
Только голосъ отъ волненья
Обрывался противъ воли...

— Какъ цвѣты, что къ небу страстно
Ароматы шлютъ волною,—
Такъ и я, увы, не властна
Не любить его душою.

Пусть не вѣдаю участья,
Пусть не буду я любима,—
Я люблю, и въ этомъ—счастье
И оно—непобѣдимо!

1890.

Осенніе листы.

(Поэма XVIII вѣка).

1.

Октябрьскій день, но солнце свѣтитъ ярко.
 Какъ тихо все и въ глубинѣ долинъ
 И въ сумракѣ задумчиваго парка!
 Межъ зеленью желтѣющихъ куртинъ
 Пестрѣеть рядъ роскошныхъ георгинъ;
 Старинный домъ, воротъ массивныхъ арка —
 Окутаны какъ складками плаща,
 Гирляндю зеленого плюща.

2.

И все кругомъ: пурпуровой окраской
 И золотомъ сквозящія листы,
 И солнца лучъ своею поздней лаской
 Чарующій осенніе цвѣты —
 Все дышетъ здѣсь полузабытой сказкой,
 Подобіемъ минувшей красоты, —
 И солнца лучъ одинъ тому виною,
 Что можно счесть осенній день — весною.

3.

Лучъ солнечный! великій чародѣй!
 Ты блескъ и жизнь всему даешь собою,
 Увядшій листъ, дрожащій межъ вѣтвей
 Ты надѣлил обманчивой красою.
 Надеждою и радостью былою

Плѣнивъ сердца усталыхъ людей,
 Ты воскрешаешь радужныя грезы,
 Какъ на щекахъ, давно увядшихъ — розы.

4.

Внося съ собою отраду и тепло,
 Волшебный лучъ скользнулъ въ окно графини,
 Лѣтъ двадцать пять съ тѣхъ поръ уже прошло,
 Какъ прелестью, достойною богини,
 Къ ней все сердца и помыслы влекло.
 Красавица состарѣлася нынѣ,
 И прежній блескъ и счастье прежнихъ дней —
 Казались ей все дальше, все блѣднѣй.

5.

Но въ этотъ день, охвачена порывомъ
 Невѣдомымъ, проснулася она.
 Въ душѣ ея, волшебнымъ переливомъ,
 Звучала вновь замолкшая струна,
 И чѣмъ-то юнымъ, бодрымъ и счастливымъ,
 Напомнившимъ былыя времена,
 Напомнившимъ природы свѣтлый праздникъ —
 Въ душѣ ея повѣялъ лучъ проказникъ.

6.

Нѣтъ, то не сонъ, не зрѣнія обманъ!
 Лучъ солнечный, причудливый и зыбкій,
 Разсѣявшій непасть и туманъ —
 Опять вернулъ устамъ ея улыбки.
 Сегодня ей не надобно румянъ,
 Глаза блестятъ, и станъ изящно гибкій
 Плѣнителемъ, какъ въ прежніе года, —
 Она опять прекрасна, молода!

7.

И въ паркѣ, гдѣ все осталось неизмѣннымъ,
 Какъ въ дни ея веселья и побѣдъ —
 Она сошла, шумя атласнымъ треномъ.
 Ей вспомнился маркизъ, ея сосѣдъ,
 Вернувшійся недавно... Онъ смиреннымъ.
 Поклонникомъ ея былъ много лѣтъ,
 И здѣсь она изъ устъ его слыхала
 И бредъ любви, и шепотъ мадригала.

8.

Здѣсь къ озеру они спускались внизъ
 Въ вечерній часъ. И что ихъ разлучило?
 Кокетство ли, упрямство или капризъ?..
 Графиня вздохъ чуть слышный подавила,
 И — вздрогнула... Предъ ней стоялъ маркизъ!
 Казалось, таинственная сила,
 Могучее природы волшебство —
 Въ знакомый паркъ вновь привели его.

9.

Онъ шляпу снялъ съ изысканнымъ поклономъ.
 Въ маркизѣ все, отъ граціи манеръ,
 До вышитыхъ камзоловъ, съ ихъ фасономъ
 Изысканнымъ — все ставилось въ примѣръ.
 Наружностью, осанкою и тономъ
 Онъ и теперь былъ свѣтскій кавалеръ, —
 И вспомнивъ все, что было такъ... недавно,
 Она въ отвѣтъ ему присѣла плавно.

10.

Онъ предложилъ ей руку, — и они
 Пошли впередъ... Знакомая аллея!

Черезъ столько лѣтъ здѣсь снова, и — одни!
 Онъ говорилъ; она, слегка краснѣя,
 Ему внимала, какъ въ былые дни,
 Въ душѣ мечту завѣтную лелѣя;
 Но вотъ скамья знакомая и вязъ...
 Тутъ слышалъ онъ изъ устъ ея отказъ.

11:

Онъ преклонилъ предъ ней одно колѣно.
 Опять огнемъ горитъ, какъ прежде, кровь.
 Что предъ тобою и годы, и нѣмѣна,
 Волшебница, всеильная любовь?
 Онъ умоляетъ, пылко и смиренно,
 Она въ отвѣтъ притворно хмуритъ бровь,
 Но грудь ея волнуется сильнѣе,
 И влажный взоръ все мягче, все нѣжнѣе.

12.

Вотъ, наконецъ, онъ овладѣлъ рукой
 Трепещущей... О, мигъ невозвратимый!
 Все расцвѣло минувшею красотою, —
 О, счастье — любить и быть любимой!
 Гдѣ времени полетъ неумолимый?
 Она сіяетъ прелестью былой,
 А онъ — совсѣмъ не измѣнился даже.
 Да, онъ все тотъ, она сама — все та-же!

13.

Но вдругъ небесъ померкла синева,
 Среди вѣтвей осенній вихрь летучиѣт
 Вмигъ прошумѣлъ, и желтая листва
 Посыпалась, и закружилась тучей...

И замерли признанія слова
 На ихъ устахъ, и, какъ туманъ зыбучій,
 Разсѣялось мгновенно волшебство:
 Лучъ отсіялъ, и снова все мертво!

14.

Какъ сумрачны небесъ померкшихъ своды,
 Какъ падаютъ увядшіе листы!
 Но гдѣ-жъ расцвѣтъ ликующей природы,
 Гдѣ призракъ ихъ минувшей красоты?..
 Ихъ взоръ угасъ, поблекли ихъ черты,
 Все унесли неумолимо годы,
 И ясно имъ, что грезамъ прежнихъ лѣтъ,
 Какъ юности — увы, возврата нѣтъ!

15.

Они сидятъ съ покорной и печальной
 Улыбкою, застывшей на устахъ.
 Но солнца лучъ — ихъ ласкою прощальной
 Дарившій здѣсь — опъ скрылся въ облакахъ.
 И въ вянущихъ среди куртинъ цвѣтахъ,
 И въ тишинѣ природы погребальной,
 Въ листахъ деревъ, поблекшихъ и сухихъ —
 Имъ чудится эмблема жизни ихъ.

1895 г.

Подснѣжникъ

(А. Э. Готской-Даниловичъ).

Ah, l'espérance cruellement précoce!
 C'est comme le givre au temps du re-
 nouveau.

1.

Вмѣстѣ съ первыми зорьками алыми,
 На прогалинѣ чащи лѣсной,
 У березъ, межъ сугробами тальными,
 Распустился цвѣтокъ голубой.

Помнитъ онъ, какъ за стужей томительной.
 Оковавшей надолго луга,
 Солнца лучъ, золотой и живительный,
 Растопилъ на полянахъ снѣга.

Передъ этою сплою побѣдною
 Зашумѣли въ долинахъ ручьи
 И съ улыбкою, нѣжной и блѣдною,
 Лепестки развернулъ онъ свои.

И волнуемъ надеждою сладостной,
 Притаясь у подножья корней,
 Полуробко онъ ждетъ, полурадостно
 Этихъ солнечныхъ ясныхъ лучей...

Въ нихъ — отрада и цѣль и значеніе
 Кратковременной жизни его,
 И безъ нихъ, въ эти дни возрожденія,
 Для него все въ природѣ мертво!

Непонятнымъ томленьемъ взволнованный,
Цѣлый день и въ ночной полумгльъ,
Онъ все грезить о нихъ, очарованный,
Кольхаясь на тонкомъ стеблѣ...

2.

Но съ разсвѣтомъ грядою свинцовою
Потянулись тучи на югъ,
Вновь повѣяло стужей суровою,
Все притихло и замерло вдругъ.

И подспѣжникъ въ тревогѣ мучительной
Ожидаль, чтобы снова изъ тучъ
Проглянуль на мгновенье живительный,
Ободряющій солнечный лучъ.

Но дыханіе вѣтра морозное
Все покрыло плащомъ снѣговымъ,
Непривѣтное, мрачное, грозное—
Разстлалось небо надъ нимъ.

И луча не дождавшися яснаго,
Тосковавшій безумно цвѣтокъ
Ожиданья не вынесъ напраснаго,
Онъ свернулъ лепестки и поблѣкъ...

Не боясь новыхъ бурь и ненастія,
Холодовъ роковыхъ для него,
Слишкомъ рано повѣрилъ онъ въ счастье,
И оно обмануло его.

1894 г.

Въ старомъ замкѣ.

К. К. Случевскому.

1.

Въ старой залѣ замка вѣкового
Раздается звонъ веселый чаръ:
Угощаетъ гостя дорогого
И сосѣда гордый графъ Бернаръ.

Льются вина... Трубы и фанфары!
Раскраснѣлись лица у гостей,
Все быстрѣи кругомъ обходятъ чары,
Разговоръ... хвастливѣи и шумнѣи.

Словно громъ звучать раскаты смѣха,
Гулъ растетъ, какъ грозный ураганъ,
И ему въ долигѣ вторить эхо,
И пугаетъ графская потѣха
Инокѡвъ и скромныхъ поселянъ.

Графъ Бернаръ не любитъ иѣснопѣннѣи,
Но зато ему бываетъ любѣи
Шумъ пировъ, и въ грохотѣ сраженнѣи—
Звонъ мечей и переливы трубъ.

Ненавистны де-Лотреку нынѣ:
Женскіи правъ, причуды и любовь,—
И порой, при мысли о графинѣ,
Графъ Бернаръ сурово хмуритъ бровь...

2.

Далеко отъ этой шумной залы
Заперлась графиня. На щекахъ
Пятнами горитъ румянецъ алыи
И сверкаютъ слезы на глазахъ.

И когда ликующіе звуки
Долетятъ порою до нея—
Поблѣднѣвъ, она сжимаетъ руки,
И презрѣнья гордаго и муки
Полонъ взоръ тоскующій ея...

Много лѣтъ страдавшей молчаливо,
Не встрѣчая радости нигдѣ—
Тяжко ей, какъ горлицѣ пугливой
У орла стервятника въ гнѣздѣ!

Ей, рожденной на цвѣтущемъ югѣ,
Не мила суровая Бретань,
Ропотъ волнъ и завыванье вьюги,
Мрачныхъ скалъ чернѣющая грань.

И склонясь усталой головою
Къ амбразурѣ узкаго окна,
Далеко крылатою мечтою
Унеслась въ прошедшее она.

Передъ ней—роскошнаго Прованса
Города и рощи, и сады,
Запахъ розъ, мелодія романса
И любви веселые суды...

При дворѣ—поэтовъ состязанья,
Пѣсни ихъ и лютни ритурнель,
Чудный день, цвѣты, рукоплесканья,
Побѣдитель, юный мепестрель...

Присужденъ ему вѣнокъ побѣдный
Изъ руки ея,—и передъ ней
Онъ стоитъ, черноволосый, блѣдный,
Съ чуднымъ взоромъ бархатныхъ очей.

И опять чарующія грезы
Расцвѣли въ больной душѣ ея,
По щекамъ струятся тихо слезы,—
А изъ залы хохотъ и угрозы
Долетаютъ глухо до нея...

1894 г.

Вальсъ.

(монологъ).

Въ разгарѣ балъ, и я его царица,
Поклошниковъ толпою окружена,
Извѣстныя во всѣхъ салонахъ лица,
Знакомыя beau mond'у имена...
Мои хъ таблетокъ первая страница
Фамиліями ихъ испещрена,—
Но жаль тѣхъ дней, когда взамѣнъ бывало
Я имя здѣсь завѣтное встрѣчала.

Шесть лѣтъ назадъ! Возможно ли? Ужели
Не цѣлый вѣкъ—прошло всего шесть лѣтъ?
Какъ помню я мой первый выѣздъ въ свѣтъ,
Блестящій балъ, аккорды ритурнели,
Мой дѣвственный воздушный туалетъ...
Онъ также былъ, восторженно горѣли
Его глаза, и этотъ мой успѣхъ
Дороже былъ, милѣй успѣховъ всѣхъ.

Играютъ вальсъ... Вы говорите: старый,
Но хорошо мнѣ памятный мотивъ;
Мелодіи тоскующій призывъ
Опять звучитъ, воспоминаній чары
Въ душѣ моей собою пробудивъ,

И подъ него опять несутся пары
И каждый звукъ напоминаетъ вновь
Мнѣ молодость и первую любовь.

Все—прежпее, и залъ все тотъ же самый,
И вотъ опять встають передо мной,
Какъ милый ликъ изъ пожелтѣвшей рамы:
Восторгъ любви панвно молодой,
Подробности полузабытой драмы...
Какъ въ забытьѣ, съ блестящею толпою
Я уношусь впередъ,—но что же это?

Мнѣ кажется, какъ будто волны свѣта
Померкли вдругъ и музыка слышна
Издалека, какъ ропотъ водопада...
Мнѣ дурно?.. Нѣтъ, слегка утомлена,
Благодарю, мнѣ ничего не надо.
Вы испугались? Развѣ я блѣдна?
Здѣсь хорошо! Душистая прохлада
И вѣтерокъ... Вотъ такъ, шесть лѣтъ назадъ,
Когда то съ нимъ сошла я въ темный садъ.

Мы также здѣсь стояли, какъ теперь,
И полосою свѣтъ ложился лунный,
И музыка въ растворенную дверь
Неслася къ намъ, и также пѣли струны
Намъ пѣснь любви, и опъ шепталъ мнѣ:—Вѣрь!
Какъ были мы неопытны и юны;
Года прошли,—но ясно до сихъ поръ
Я помню все: его улыбку, взоръ...

Я чувствую всю прелесть ночи звѣздной
И теплое пожатіе руки...
Въ душѣ—приливъ восторга и тоски
Мучительной и горько бесполезной.
Но эти дни блаженства—далеки.

Прошедшее непроходимой бездной,
Преградою глубокою легло
Межъ тѣмъ что есть и тѣмъ что быть могло.

Смолкаетъ вальсъ... конецъ очарованью...
Гдѣ милый ликъ? Гдѣ милыя слова?
Зачѣмъ нельзя сказать воспоминаью:
— Умри и ты, когда любовь мертва?
Скорѣй туда—къ восторгу, къ ликованью!
Недаромъ я—царица праздника.
И жажду блеска, лести, поклоненья,—
И все отдамъ за мигъ одинъ—забвенья!

1895 г.

ОТДѢЛЪ Ш.

— 00000 —

ИЗЪ ПРЕЖНИХЪ ЛѢТЪ.

1889—1892 г.

* * *

Любовь—мечта и мы ея не знаемъ,
 Она—миражъ, видѣнїе, туманъ;
 То, что мы всѣ любовью называемъ—
 Лишь тѣнь любви, одинъ самообманъ.

Любовью мы считаемъ увлеченье,
 Капризъ ума, фантазїи игру;
 Но часъ придетъ, а съ нимъ и убѣжденье,
 Что золотомъ мы звали мишуру.

Но есть любовь. Въ созданїяхъ поэта
 Она горитъ немеркнущей звѣздой,
 Съ любовью льетъ и солнце волны свѣта,
 Что цѣлый міръ животворятъ собой.

Съ любовью льетъ цвѣтокъ благоуханье,
 Какъ фимїамъ, къ стемнѣвшимъ небесамъ;
 И шумъ лѣсовъ, и свѣтлыхъ водъ журчанье,
 Стремящихся къ прибрежнымъ тростникамъ,

И птички нѣсъ съ зарею золотистой—
 Въ природѣ все любовію полно,—
 Но той любви, возвышенной и чистой,
 Здѣсь на землѣ узнать намъ не дано.

* * *

Чрезъ рѣки быстроводныя, чрезъ синїя моря,
 Чрезъ пустоши безплодныя, надеждою горя,
 Давно стремятся витязи, презрѣвъ ночную тьму,
 Къ далекой правдѣ—истицѣ въ высокомъ терему,

Трудна туда дороженька: дремучіе лѣса,
Тумановъ бѣлыхъ саваны, почные голоса...
А въ поченки печастныя—не свѣтъ лучистыхъ звѣздъ,
Но свѣтъ огней блуждающихъ мерцасть имъ окрестъ.

Идутъ все дальше витязи, но такъ же лѣсъ дремучь,
По прежнему опасностью грозятъ имъ скаты кручь,
Ночная тьма кромѣшная сгущается и—глядь—
Рѣдѣеть, разсыпается отважная ихъ рать.

Однихъ пугаетъ въ сумракѣ зловѣщій крикъ совы,
Другіе, поскользнувшись, не сносятъ головы,
А третьи, обезсилены, вернулись съ поль-пути,—
Непогнѣмъ лишь назначено до терема дойти...

* * *

They tell: I am mad...

Я безумной слыву оттого, что мнѣ кажется тѣсенъ
Этотъ будничныи міръ, полный мелкихъ тревогъ и заботъ,
Оттого, что душа жаждетъ свѣта, простора и нѣсенъ
И свободной мечтой я стремлюся свободно впередъ.

Я безумной слыву оттого, что болѣзненно чутко
На чужую печаль, на чужой откликаюсь призывъ,
Оттого, что—взаимъ хладнокровныхъ рѣшеній разсудка—
Признаю я всегда лишь горячій сердечный порывъ.

Я безумной слыву оттого, что открыто и смѣло
Я неправду и зло никогда и ни въ комъ не щажу,
Оттого, что въ борьбѣ за любимое кровное дѣло
Я всѣ силы свои, да и самую жизнь положу.

Октавы.

Настала ночь. Тайственно журчащій
Почти смолкалъ въ травѣ росистой ключъ,
И по вѣтвямъ полужаснувшей чащи,
Влестя порою изъ набѣгавшихъ тучъ,
Причудливый, чаруще манящій,
Скользилъ дрожа блестящій лунный лучъ,—
И озаривъ на мигъ кусты сирени,
Спѣшилъ впередъ—къ фіалкамъ и вервѣнъ...

Влестящій лучъ увидѣлъ мотылекъ.
Его красой безумно увлеченный,
Съ цвѣтка на вѣтвь и съ вѣтви на цвѣтокъ,
Онъ за лучемъ погнался, ослѣпленный,—
Но уловить нигдѣ его не могъ.
И онъ упалъ—разбитый, утомленный,
А лучъ, скользя надъ яблоней въ цвѣту,
Его дразнилъ, казалось, на лету...

Ты, жаждущій душой идеала—
Таковъ порою и твой удѣлъ, поэтъ!
Тебя его сіянье ослѣпляло,
Манилъ къ себѣ его отрадный свѣтъ,—
Надеждъ и силъ растрачено не мало...
А для тебя не сталъ онъ ближе, нѣтъ!
Ты шелъ впередъ, мечтою окрыляемъ,—
Но и теперь онъ все жъ недосыгаемъ!

* *

Пасть борцомъ на полѣ битвы—
Лишь избранникамъ дано,
Имъ—народныя молитвы,
Имъ безсмертье суждено.

* *

Пасть героически подъ ударомъ,
Пасть съ оружіемъ въ рукахъ,
Знать, что отдалъ жизнь не даромъ.
И не знать что значить страхъ.

* *

Отдаваться всей душою
Упоенію борьбы,
Не склоняясь предъ судьбою,
Какъ трусливые рабы.

* *

Всѣхъ примѣромъ увлекая,
Жить и биться до конца—
Какъ завидна смерть такая,
Смерть героя и борца!

* *

Но бываетъ смерть иная:
Это—жизнь среди болотъ,
Это—тина роковая
И покой стоячихъ водъ.

* *

Гдѣ пигмен такъ велики,
Гдѣ сплотилась ихъ семья,
Гдѣ, увы! лягушекъ крики
Заглушаютъ соловья...

* *

Гдѣ вокругъ царитъ всецѣло
Непробудный, тяжкій сонъ,
Гдѣ живетъ одно лишь тѣло,
Духъ же—смерти обреченъ.

* *

Занималась заря и весеннія пѣсни звучали,
Не смолкали онѣ на безпечныхъ и юныхъ устахъ,
Отрывались кругомъ необъятно широкія дали
Въ лучезарныхъ мечтахъ.

Жизнь манила къ себѣ, облекаяся въ яркія краски,
Вся—сіянье и свѣтъ—увлекала, манила впередъ,
И казалось нѣтъ, какъ царевичу юному въ сказкѣ,
Недоступныхъ высотъ.

Но померкла заря, набѣжали вечернія тѣни,
И закрыли онѣ необъятно широкую даль,
Звукъ пѣсенъ живыхъ заглушаетъ то голосъ сомнѣній,
То укоръ и печаль.

Отлетѣли мечты, потускнѣли блестящія краски,
Все окутала собой, все покрылъ непроглядный туманъ...
Вмѣсто грезъ золотыхъ, вмѣсто грезъ очарованной сказки—
Мишура и обманъ!

Молитва.

Тучи темныя нависли
Низко надъ землей,
Сонъ оковываетъ мысли
Непроглядной мглой...

Воли нѣтъ, слабѣютъ силы,
 Тишина вокругъ...
 И спокойствіемъ могилы
 Охватило вдругъ.
 Замираютъ въ сердцѣ муки...
 На борьбу опять
 Опустившіяся руки
 Нѣту силъ поднять.
 Голова въ изнеможенѣ
 Клонится на грудь...
 Боже мой! Услышь моленье,
 О, не дай заснуть!
 Этотъ сонъ души мертвящій
 Буреѣ разгони,
 И зажги во тьмѣ царящей
 Прежніе огни.

* * *

Я не клянусь испытанныхъ страданій,
 Тѣхъ, кто ихъ далъ—я также не клянусь,
 Хоть жаль до слезъ несбывшихся мечтаній,
 Какъ жаль зимой погибшую весну.
 Да, не легко бороться ежечасно,
 Къ отчаянью отъ грезъ переходить,
 Любить и ждать и вѣрять напрасно,
 Но и страдать—вѣдь также значить жить.
 Есть жизнь въ борьбѣ, въ порывѣ силъ кипучихъ,
 Въ прибоѣ волнъ, что бьются объ утесъ,
 Въ дыханіи бурь, въ ударахъ грозъ могучихъ
 И въ горечи невыплаканныхъ слезъ...

Фантазія.

Онъ людямъ пѣлъ о чудныхъ странахъ,
 О краѣ томъ, гдѣ онъ царилъ,
 О феяхъ дивныхъ, о титанахъ,
 О ходѣ царственныхъ свѣтилъ.

— Тамъ блескъ небеснаго эфира
 Синій и чище бирюзы,
 Тамъ, въ царствѣ счастья и мира,
 Не проливалось слезы.

Тамъ шумно плещутъ водопады
 И бѣломраморныхъ дворцовъ
 Бѣлѣютъ чудно колоннады
 Среди невиданныхъ садовъ.

Тамъ нѣтъ нужды, не знаютъ кары,
 Тамъ все—и пѣсни и цвѣты—
 Сулитъ нѣвѣдомыя чары,
 Полно волшебной красоты.

Тамъ неизвѣстны наши муки;
 Тамъ нѣтъ понятія о злѣ,
 Тамъ раздаются пѣсенъ звуки,
 Какихъ не слышать на землѣ.

И этой чудною страной
 Лишь я владѣю, я одинъ!
 Тамъ все живетъ и дышетъ мною,—
 Я—полновластный властелинъ!—

Такъ пѣлъ поэтъ.—Владѣеть краемъ?
 Смѣялись многіе кругомъ;
 Какъ будто мы его не знаемъ!
 Самъ ходитъ въ рубищѣ одномъ,

Вносить голодь и лишенья...
 Безумецъ жалкій—нашъ поэтъ!
 Ну гдѣ лежать его владѣнья?
 Вѣдь и страны подобной нѣтъ.—

Передъ грозой.

Темнѣеть... Черныхъ тучъ несутся вереницы,
 Долина и холмы окутаны мглой,
 И съ крикомъ носятся испуганныя птицы,
 Кружась низко надъ землею...

Все стихло—странною, зловѣщей тишиною,
 Но скоро молнія блеснетъ изъ темныхъ тучъ,
 И вихрь поднимается надъ сонною рѣкою,
 И грянетъ громъ—ужасенъ и могучъ.

И сердце у меня такою же мглой объято,
 Такія жъ облака сулятъ и мнѣ бѣду,
 И въ страхъ перваго громоваго раската
 Я также жду...

* * *

(М. Л. Вейвбергъ).

Я не вѣрю возможности счастья
 Въ эти дни непогоды и бурь,
 Я не вѣрю, что послѣ ненастья
 Въ небесахъ засіяетъ лазурь.

Я не вѣрю, что-бъ новою краскою
 Разцвѣтая, воскреснуть могло
 Все, что душу живило собою
 И—какъ все на землѣ—отцвѣло...
 Но, увы, если-бъ даже и слова
 Возвратились "минушіе" дни—
 То появились бы тѣнью былого,
 Только блѣдною тѣнью они.
 Таковы и осенія розы,
 Красотою плѣвавшія взглядъ,
 Но въ которыхъ убили морозы
 Всю ихъ свѣжесть и весь аромать.

(Памяти моея няни В. В. Ф.):

Могила скромная въ тѣни дубовъ зеленыхъ
 И скромный бѣлый крестъ
 Среди крестовъ другихъ, вѣтвями осѣненныхъ,
 Что въ полѣ широко раскинулись окрестъ.

Могила скромная, гдѣ травка полевая
 Изъ подъ оттаявшей пробилася земли,
 И легкій вѣтерокъ, со вздохомъ пролетая,
 Колышетъ тонкіе стебли.

Въ ней ты нашла себѣ успокоенье;
 Живя не для себя, ты знала лишь одинъ
 Труды, страданія и самоотверженье...
 Миръ праху твоему! Спокойно отдохни.

Элегія.

Отцвѣтають красавицы розы,
Осыпая траву лепестками . . .
И росы серебристыя слезы . . .
Холоднѣй и обильнѣй утрами.
Холоднѣе сіяють утрами
И лучи золотые восхода,
Подъ осенними солнца лучами
Тихимъ сномъ засыпаетъ природа.

Засыпаетъ неслышно природа,
Какъ царевна прекрасная сказки,
И лагури небеснаго свода
Поблѣднѣли блестящія краски.

Поблѣднѣли блестящія краски,
Но смирилась и горечь сомнѣній,
Сердце полно смягчающей ласки
И покоя и грусти осенней.

* * *

Не плачь, мой другъ, о счастья отлетѣвшемъ,
Его, увь, слезами не вернуть!
Оно огнямъ подобно догорѣвшимъ,
Тебя на мигъ, на кроткій мигъ согрѣвшимъ—
Прости.. забудь...

Забудь о томъ, какъ счастье нежданно
Тебя своимъ коснулося лучомъ,
И вмѣсто мглы, холодной и туманной,
Повѣяло вѣсной благоуханной,
Пахнуло вновь и свѣтомъ и тепломъ.

Забудь о томъ, какъ жизнь тебѣ предстала
Въ красѣ цвѣтовъ и звуковъ и лучей,
Во всей красѣ былого идеала,—
И сердце вновь собою очаровала
Гармонія и взоровъ и рѣчей.

Забудь. какимъ страданьемъ и тоскою
Полна теперь измученная грудь,
Какой пришлось платить тебѣ цѣною . . .
За счастья мигъ, у жизни взятой съ бою!
Забудь, забудь!

* * *

Огнь отсіялъ—лучъ солнца золотого,
Огнь отгорѣлъ—твой лучезарный день!
И жизнь грустна, какъ тяжкій бредъ больного
И жизнь мрачна, какъ гробовая сѣнь.

Зачѣмъ же вновь встаетъ неумолимо
Минувшее, какъ призракъ предъ тобой?
Оно прошло, оно невозвратимо,
Со всѣмъ его блаженствомъ и тоской,

Со всѣмъ его очарованьемъ жгучимъ
И сладкою отравой рѣчей,
Со всѣмъ его волненіемъ кипучимъ
И счастьемъ навѣкъ минувшихъ дней.

Они прошли—волшебныя мгновенья.
Ихъ не вернуть: такъ было суждено...
Но нѣтъ душъ желаннаго забвенья
И не придетъ оно!

У м о р я:

1.

Пеленою темносиною,
 Безконечною пустынею
 Море стелется вдали,
 Кое-гдѣ, какъ чайки бѣлыя,
 Перелетныя и смѣлыя,
 Чуть бѣлѣютъ корабли...

Величавое, безбрежное,
 Въ бури грозное—мятежное
 И спокойное въ тиши —
 Море—это отраженіе
 Ощущеній и волненія
 Человѣческой души...

Море съ вѣчными приливами,
 Ураганами, отливами,
 Съ прихотливою красой,
 То чарующее дасками,
 Заколдованными сказками,
 То грозящее бѣдой —

Я люблю его въ ласкающемъ
 Блѣдно-алымъ и мерцающемъ
 Свѣтѣ утреннихъ лучей,
 Я люблю его и сонное,
 Луннымъ свѣтомъ озаренное
 Въ мягкомъ сумракѣ ночи...

Но когда валы сердитые
 Бьются, пѣною покрытые,
 У подножія камней,
 И какъ свѣточи огнистые,
 Влещутъ молніи змѣистыя —
 Я люблю его сильнѣй!

2.

Въ бессонныя ночи
 Стараясь заснуть,
 Усталыя очи
 Пытаясь сомкнуть,
 Я слышу, какъ море
 Шумить и роветь
 И пѣсно о горѣ
 Тяжеломъ поеть...
 Въ ней: звуки моленія,
 Безумный порывъ,
 И голосъ сомнѣній
 И смѣлый призывъ...
 И рокоть сердитый
 И тихій отвѣтъ
 И жизни разбитой
 Прощальный привѣтъ.
 Воскресло бывшее,
 Какъ смутные сны,
 Подъ говоръ прибоя
 И ропотъ волны.
 И грозное море
 Шумя подъ окномъ,
 Все плачетъ о горѣ,
 О горѣ быломъ...

В ъ н е в о л ѣ.

Подобно узнику, печально въ тѣсной кѣткѣ
Томится поймаанный въ неволю соловей,
Тотъ самый соловей, что пѣлъ въ саду, на вѣткѣ,
Весною, въ сумракѣ чарующемъ аллеи.

О, какъ онъ пѣлъ тогда въ ночи благоуханной,
Когда лежитъ кругомъ жемчужная роса!
И пѣснь его лилась, пока зарей румяной
Не загорались починья небеса.

Онъ пѣлъ о счастьи, о юности, о волѣ,
Пѣснь торжествующей и радостной любви,—
Теперь же онъ замолкъ, его не слышно болѣ
И пѣсни навсегда онъ позабылъ свои.

Отчаянье его все неотступнѣй гложетъ
И съ каждымъ днемъ сильнѣй томится соловей;
Въ тюрьмѣ онъ не поетъ, въ тюрьмѣ онъ нѣтъ не
Свободный даръ пѣвца не созданъ для цѣпей.

Фантазія.

(На мотивъ С. Прюдома).

Словно свѣтомъ зари побѣжденная тьма,
Непосильной разбита борьбою—
Въ яркихъ солнца лучахъ умирала зима,
Побѣжденная юной весною.

И въ лазури небесъ и въ морской синевѣ
Ей насмѣшка мерещилась злая,
И казалось ей, что въ своемъ торжествѣ
Говорить ей весна молодая:

—Уходи, уходи... Я съ собою несу
Новыхъ силъ пробужденье и трепеть...
Слышишь клики и шумъ на поляхъ и въ лѣсу,
Этотъ гомонъ, журчанье и лепеть?

Я сломила твой гнетъ. Уходи, уходи...
Вмѣстѣ съ жаждой жизни весенней,
Станетъ легче дышать наболѣвшей груди
Посреди аромата сиреней.

И со вздохомъ въ отвѣтъ прошептала зима:
— Для счастливыхъ—твое ликование!
Для иныхъ же милѣе мой холодъ и тьма,
Чѣмъ весенняго солнца сіянье.

Подъ унылый напѣвъ разыгравшихся вьюгъ,
Подъ немолчную жалобу моря—
Легче бремя тоски, одиночества мукъ,
Легче гнетъ безъисходнаго горя.

Но едва небеса заблестятъ синевой,
Какъ душа, порываясь куда то,
Затоскуетъ сильнѣй неотвязной тоской,
Жаждой свѣта и солнца объяга.

Станетъ снова манить эта синяя даль,
Увлекая несбыточной грезой
И невольно въ душѣ обновится печаль
Вмѣстѣ съ первой разцвѣтшею розой.

Ты счастливымъ несешь новыхъ силъ полноту,
Новой жизни несешь упоенье;
Я же—тѣмъ, кто извѣдалъ ея пустоту,
Кто давно схоронилъ за мечтою мечту—
Холодъ смерти, покой и забвенье.

* * *

Все отцвѣтеть и все кругомъ увянуть,
Глухая почъ идетъ на смѣну дню,
Но пусть меня грядущее обманеть —
Былому я во вѣкъ не измѣню.

Оно ушло—быть можетъ слишкомъ скоро,
Ушло какъ все, чѣмъ жизнь была красна,
Но все же я не шлю ему укора,
Въ моей душѣ царить печаль одна.

Тамъ иногда, благоуханнымъ лѣтомъ,
Во мглѣ ночей мы видимъ темный лѣсъ,
Какъ серебромъ, залитый луннымъ свѣтомъ,
Струящимся съ безоблачныхъ небесъ.

И блещетъ онъ, въ серебряномъ уборѣ
Красуясь, но вотъ проходитъ мигъ—
И лунный свѣтъ, дробясь въ далекомъ морѣ,
Къ волнамъ его ласкаясь пришикъ.

Игрои лучей небрежно прихотливой
Прибрежныхъ волнъ теперь коснулся онъ,
А темный лѣсъ по прежнему тоскливо
Стоитъ, во мглу и сумракъ погружень.

* * *

Осенний ясный день. Не шелхнутся клены
И стебли тонкіе желтѣющей травы
И солнце золотитъ причудливые тоны
Полуувянувшей пурпуровой листвы.

Поблекнувшей листвѣ какъ будто придавая
На мигъ красу и цвѣтъ—оно горитъ на ней,
Но вотъ угаснетъ день, и землю усыпая
Собою, желтый листъ посыплется съ вѣтвей.

Такъ иногда и ты, позабывая горе,
Вдругъ оживляешься: румянецъ на щекахъ,
Въ рѣчахъ— знакомый пылъ и вновь огонь во взорѣ
И снова — прежняя улыбка на устахъ.

Но это — лишь на мигъ. О томъ, что позабыто
Ты вспомнишь,—и въ очахъ померкнетъ снова свѣтъ.
Въ душѣ, тяжелыми невгодами разбитой
Нѣтъ жизни, какъ ея въ листѣ поблекшемъ нѣтъ.

Падучая звѣзда.

Въ вечернемъ сумракѣ порой слѣжу я взоромъ
За промелькнувшею падучею звѣздой,
Скатившейся съ небесъ блестящимъ метеоромъ
И съ ней тебѣ привѣтъ я посылаю свой!

Минута счастья мелкнула слишкомъ скоро—
Скорѣе, чѣмъ съ небесъ скатилась звѣзда,
Но нѣтъ въ душѣ моей ни злобы, ни укора,
Я все еще люблю, какъ прежде, какъ тогда.

И я прощаю все: всю горечь оскорбленья,
Мигъ кипутаго такъ безжалостно и зло —
За ласку прежнюю, за прежнія мгновенья,
Когда то мигъ изъ тьмы сіявшія свѣтло.

Не такъ-ли въ небесахъ: проливъ кругомъ сіянье,
Падучая звѣзда мгновенно промелькнетъ,
Но долго, при одномъ о ней вспоминаньѣ,
Свѣтлѣе кажется стемнѣвшій небосводъ.

Художникъ.

(Я. П. Полонскому).

По среди забытыхъ ломокъ
Глыба мрамора нашлася,
Это былъ простой обломокъ,
Лишь безформенная масса;

Но художникъ вдохновенный
Изваялъ изъ этой глыбы
Ликъ прекрасный и надменный,
Стана легкаго изгибы.

И плѣненъ ея красою,
Молодой ваятель слышитъ,
Какъ, сіяя бѣлизною,
Грудь волнуется и дышетъ.

Въ эту статую богини
Съ тайной думою во взорѣ
Душу онъ вдохнулъ отнынѣ, —
Но на радость, иль на горе?..

ОТДѢЛЪ IV.

ОТКЛИКИ.

1893—1897 г.

Поэтъ и пѣснь.

Не поѣ, пѣвецъ, веселья пѣсенъ,
 Къ безпечной радости маня;
 Твой даръ ильнительно чудесенъ,
 Но для другихъ, не для меня.

Твоихъ порывовъ беззавѣтныхъ
 Не въ силахъ сердцемъ я понять,
 Въ душѣ моей пѣтъ струя отвѣтныхъ,
 Могущихъ пѣсней въ ладъ звучать.

Не поѣ, пѣвецъ, и пѣснь печали;
 Лишь на разсвѣтъ нашихъ дней,
 Пока страданій мы не знали—
 Мы беззаботно внемлемъ ей.

Теперь, тоскъ безумной вторя,
 Какъ ни рыдай твоя струна—
 Но эта пѣснь любви и горя
 Сильнѣй души моей слышна.

Не поѣ, пѣвецъ, и пѣсенъ счастья,
 Счастливыхъ мало межъ людей;
 Во дни душевнаго ненастья
 Намъ тяжелы друзей участие
 И память прежнихъ свѣтлыхъ дней.

Не поѣ любовь. Она—суровый
 И жертвы жаждущій кумиръ,
 Не розъ вѣлки—вѣнецъ терновый
 Она несетъ съ собою въ мѣръ.

Не поѣ и пѣсенъ примиренья,
 И не ряди въ цвѣты обманъ,

Зови на подвигъ возрожденья
Вслѣдъ за собою насъ, баянь.

И вновь развертывая крылья,
Свои оковы сокруша,
Пусть стяхнетъ позоръ безцелья
Освобожденная душа.

Не тѣша праздною игрою,
На лучший путь насъ призови,—
Иль лучше самъ, своею рукою
На лиръ струны оборви.

* * *

Если снѣжныя вершины
Озаритъ весенній лучъ—
Разорвавъ снѣговъ плотины,
Хлынутъ съ силою въ долины
Воды съ кручь.

Если думы и волненья
Въ сердцахъ зрѣютъ, какъ зерно—
Имъ излиться въ пѣснопѣнья
Суждено.

Если плѣнь снося суровый,
На цѣпи орелъ живетъ—
Онъ когда нибудь оковы
Разорветъ.

И когда нигдѣ просвѣта
Не видать, и мракъ глубокъ—

Можетъ быть пророчить это,
Что желанный мигъ разсвѣта
Недалекъ.

~~~~~

* * *

Тучки воздушно-туманныя
Тихо клубятся во тьмѣ;
Думы тревожныя, страшныя,
Смутно проходятъ въ умѣ.

Вновь-ли воскресло забытое?
Жду-ли чего впереди?
Жало тоски ядовитое
Чувствую снова въ груди?

Близкаго-ль горя угрозою
Чуткое сердце полно?
Вновь-ли несбыточной грезой
Втайнѣ забилось оно?

Кто эти сны безотчетные,
Эти видѣнья пойметъ?
Схожи они, мимолетные,
Съ зыбью на зеркалѣ водъ!

* * *

Достойные жрецы великаго кумира
Вступаая въ храмъ его—всѣ чувства, въ ихъ груди
Когда то жившія, и всѣ тревоги міра—
Все оставляютъ позади.

Ихъ духъ неугасимъ; могучей вѣры пламень
Сіяетъ въ ихъ сердцахъ, какъ свѣтлая заря;
Ихъ воля твердая незыблема, какъ камень,
Положенный въ основу алтаря.

Они—избрапники. Но есть жрецы иные:
Тѣ въ лучезарный храмъ съ собою принесли
Воспоминанія и горести земныя
И слезы жгучія земли.

Порой въ сияющемъ и величавомъ храмѣ,
Они, простертые предъ ликомъ божества,
Въ волненіи твердятъ дрожащими устами
Соблазна полныя слова.

Безсилно на пути суровомъ совершенства
Въ сомгнѣняхъ и тоскѣ мятется духъ большой,
И безмятежнаго чуждаются блаженства
Сердца ихъ, полныя любовію земной.

Пловецъ.

Душой тревожною, какъ море,
Стремился онъ къ волненью бурь;
Ему наскучили лазурь
И дня безоблачнаго зори.

Его сильнѣй къ себѣ влекли
Порывы бурь, сѣдые шквалы,
И грознымъ призракомъ вдали
Чернѣвшія въ туманѣ скалы.

И чѣмъ бывалъ сильнѣе громъ,
Чѣмъ ярче—молніи зигзаги—

Тѣмъ больше силы и отваги
Онъ въ сердцѣ чувствовалъ своемъ.

Но дни текли и въ ежевѣсной
Борьбѣ онъ духомъ изнемогъ,
И въ гавань утлый свой челнокъ
Ввести старается напрасно.

Волна шумитъ, волна реветъ,
Сверкая пѣною сѣдою,
И немпучею бѣдою
Ему грозитъ водоворотъ.

Напрасно ждетъ себѣ спасенья
Волной кидаемый пловецъ:
Не для него успокоенье,
Онъ жаждаетъ вѣчныхъ бурь, волненья
И въ бурѣ встрѣтитъ онъ конецъ.

Водоворотъ.

Кругомъ шумитъ людской потокъ;
Въ водоворотъ волнъ
Съ собою побѣдно онъ увлекъ
И закружилъ мой челнъ.

И слышу я безумный гулъ
Несется мнѣ во слѣдъ,
Веселья бѣшенный разгулъ,
Кликъ злобы и побѣдъ.

И вижу пестрый я базаръ
Житейской суеты
И въ торжествѣ постыдныхъ чаръ—
Крушеніе мечты.

Кругомъ шумитъ водоворотъ
И опьяняетъ онъ,
Я слышу плескъ и ропотъ водъ
Какъ будто-бы сквозь сонъ...

И весла выпустивъ свои,
Все дальше я плыву,
Не сознавая въ забытѣ—
Во снѣ или наяву?

Меня теченіе несетъ
Куда? Къ какой странѣ?
И я безъ силъ плыву впередъ,
Отдавшись волнѣ...

О р е л ь .

1.

Ты рвешься въ родимыя стѣны,
Просторъ и свободу любя,
Но ты забываешь, что цѣпи
Къ землѣ приковали тебя.

Вѣрниѣ желѣза и стали
Незримыя цѣпи заботъ
Собою побѣдно сковали
Твой мощныи орлиныи полетъ.

Порою о нихъ забывая,
Ты снова паришь высоко,
Но цѣпь тяжела роковая
И съ нею летать не легко.

И тщетно могучія силы
Въ борьбѣ недостойной губя,
Ты видишь во мракѣ могилы
Желанныи исходъ для себя.

2.

Цвѣтокъ, распутившійся пышно
Подъ тѣнью зеленыхъ вѣтвей —
Жестокіе рои червей
Въ ночи подточили неслышно.

Могучии утесъ — великанъ
Царилъ надъ пучиной морскою,
Онъ грудью встрѣчалъ ураганъ, —
И рухнулъ, подточенъ волною.

Неслышно змѣя подползла,
И выпустивъ острое жало,
Ужала вѣ сердце орла
И снова во мракѣ пропала.

Среди наступающей мглы
Онъ гибнетъ, и меркнувшимъ окомъ
Слѣдитъ онъ, какъ въ небѣ высокомъ
Свободно кружатся орлы.

К у м и р ь .

Не расточай, безумно и напрасно
Любви своей сокровищъ передъ тѣмъ,
Кто съ высоты надменно, безучастно
Глядитъ на міръ, загадоченъ и нѣмъ.

Такъ, посреди сіяющаго храма,
Земныхъ страстей не зналъ и тревогъ,
Царить въ волнахъ прозрачныхъ фиміама
Таинственный и лучезарный богъ.

Пусть жрецы поютъ ему хваленья,
Пусть во прахъ смертные лежатъ —
Ни ихъ мольбы, ни жертвоприношенья
Собою холодный мраморъ не смягчатъ.

На ихъ порывъ молитвенный и страстный,
На ихъ слѣпой благоговѣйный страхъ,
Взираетъ онъ, божественно безстрастный,
Съ улыбкою на мраморныхъ устахъ.

* * *

Когда посяно зерно
Добра, и правды, и свободы —
Придетъ пора: и дастъ оно
Благіе всходы.

Когда отъ долины суеты
Стремится духъ въ обитель свѣта —
Влечетъ къ святынь красоты
Мечту поэта.

Когда сильнѣй порывы бурь,
Когда кругомъ бушуетъ вьюга —
Намъ грезятся: небесъ лазурь
И зелень луга.

Когда упасть готовы мы,
Какъ срѣзанный на нивѣ колось —
Намъ часто слышится изъ тьмы
Призывный голосъ.

И вновь — герои, не рабы —
Мы поднимаемся изъ праха,
Для жизни новой, для борьбы,
Не зная страха.

Пусть говорятъ: пророковъ нѣтъ
И къ пониманью сердце глухо —
Надъ міромъ злобы и суетъ
Есть царство духа!

Есть царство свѣта и добра;
Надъ ложью призрачной и блѣдной
Оно блеснетъ — придетъ пора —
Зарей побѣдной!

ПЕРЕВОДЫ
ИЗЪ
ИНОСТРАННЫХЪ ПОЭТОВЪ

О. П. ЧЮПНА-МИХАЙЛОВА.

Изъ Теннисона.

Замокъ Локсли.

(Locksley-Hall).

1

Здѣсь остаться на минуту я-бъ одинъ желалъ.
 Если надо—звукомъ рога дайте мигъ сигналъ.
 Предо мною—замокъ Локсли и, какъ въ тѣ года,
 Надъ его карнизомъ птицы кружатся всегда, —
 Замокъ Локсли, чья громада высится стѣной
 Надъ песками и надъ темной гладью водяной.
 Сколько разъ съ того балкона въ тишинѣ ночей
 Я съ созвѣзды Ориона не сводилъ очей.
 Здѣсь же, съ юношей гуляя у прибрежныхъ скалъ,
 Увлеченіе наукой въ немъ я пробуждалъ;
 Мигъ казался золотыми прошлые вѣка,
 Въ настоящемъ я страданій не знавалъ пока,
 И въ грядущее стараясь взоромъ проникать,
 Видѣлъ я любовь и братство, миръ и благодать.

Лишь весной такъ румяна первая заря,
 Лишь весной такъ яркъ пурпуръ перьевъ снигиря,
 Лишь весной поютъ въ дубравахъ горные ручьи
 И весной мечтастъ юность чаще о любви..
 Щеки Эмми были блѣдны, —словно у больной,

И глаза ея слѣдили цѣлый день за мной.
 Я сказалъ: кузина Эмми, всею душой любя,
 Я хочу такую-жъ правду слышать отъ тебя.
 Краска тихо разлилася на ея щекахъ,
 Какъ сіяніе разсвѣта алого въ горахъ.
 Эмми быстро отвернулась, тяжело дыша,
 Но въ глазахъ ея сіяла вся ея душа,
 И она шепнула плача:— Я любима, да?
 Я сама тебя любила эти всѣ года.—

И любовь остановила времени полеть,
 И, казалось, въ снѣ волшебномъ наша жизнь идетъ.
 Часто утромъ мы внимали ропоту волны,
 И слова ея дышали прелестью весны.
 Часто вечеромъ, гуляя между скалъ вдвоємъ,
 Уносилась мы мечтами вслѣдъ за кораблемъ.
 Мы внимали пѣнью птицы, шороху куста,
 И сливались воедино души и уста.

О, моя голубка Эмми—больше не моя!
 О, обманчивыя волны,—вамъ ввѣрялся я!
 Болѣе лживая, чѣмъ тѣни призрачныя грезъ,
 Пену гавкающая крика и пустыхъ угрозъ;
 Нерѣшительна душою, волею слаба,
 Ты въ рукахъ отца—игрушка, мачихи—раба,
 Ты не стоишь пожеланій счастья отъ меня,
 Лучшимъ чувствамъ и стремленьямъ низко измѣня!
 Да, ты будешь опускаться ниже съ каждымъ днемъ,
 И сольешься съ тою грязью, что танется въ немъ:
 Ты ничтожество въ супруги избрала себѣ,
 И оношлешься въ пошлудной, мелочной борьбѣ!
 Ужъ таковъ законъ природы: съ пошлякомъ сроднясь,
 Вмѣстѣ съ нимъ ты неизбежно окупешься въ грязь.
 А когда онъ охладѣетъ, въ мѣшинъ своемъ
 Онъ тебя поставитъ рядомъ со своимъ конемъ.

И съ охотничьей собакой... Ты, его жена,
 Погляди, вотъ задремалъ онъ, красный отъ вина,
 Подойди къ нему съ улыбкой, поцѣлуй его:
 Это входитъ въ исполненіе долга твоего...
 Мозгъ милорда тяжелѣетъ, и должны развлечь
 Силниги его твоя улыбка, ласковая рѣчь.
 Онъ отвѣтитъ... Смысль отвѣта—тотъ же, что всегда...
 О, зачѣмъ, зачѣмъ тебя я не убилъ тогда!
 Лучше-бъ мы, заслувъ на вѣки безпробуднымъ сномъ,
 Лучше-бъ мы съ тобой лежали тамъ, на днѣ морскомъ!

О, проклятье предразсудкамъ, чей тяжелый гнѣтъ
 Ни любить, ни мыслить смѣло людямъ не даетъ!
 О, проклятіе обману, пеленой своей
 Закрывающему правду отъ людскихъ очей!
 О, проклятье лживымъ формамъ! Ими искажены
 Общей матери-природы истинный законъ.
 И проклятіе двойное золотымъ мѣшкамъ,
 Придающимъ блескъ фальшивый даже мѣднымъ лбамъ.

Я любилъ тебя, какъ мало въ мірѣ кто любилъ,
 И ужели для забвенья не хватаетъ силъ?
 Нѣтъ, я вырву это чувство, еслибъ за одно
 Вырвать собственное сердце было суждено!

Я могу ли въ утѣшеніе вспоминать о ней,
 О подругѣ, мной любимой на разсвѣтѣ дней?
 Да, о той, въ комъ все казалось ясно и свѣтло,
 И къ кому неудержимо все меня влекло?
 Та, которую любилъ я,—для меня мертва,
 А любовь ея и клятвы—лишь одни слова!
 Утѣшеніе?.. Но страданье,—говоритъ поэтъ,—
 Лишь одно воспоминаше счастья прежнихъ лѣтъ.
 Ты борися также съ ними, отгоняй ихъ прочь:
 Но подъ шумъ дождя и вѣтра, въ сумрачную почь,

Ты увидишь ихъ при свѣтѣ блѣдномъ почина...
 Предъ тобою роковая явится рука
 И тебѣ укажетъ ложе, гдѣ тяжелымъ сномъ
 Засыпаешь твой избранныкъ, усыпленъ вѣномъ,
 И укажетъ эти слезы, что въ тиши ночей
 Одинокихъ, часто льются изъ твоихъ очей...
 Ты услышишь звуки пѣсень, пѣвшихся тогда,
 Ты услышишь, замирая, слово: никогда!
 Предъ тобою опять воскреснутъ золотые дни...
 О, зажмурь плотнѣе вѣки! Позабудь... Засни!

Но тебѣ пошлетъ природа утѣшенья мигъ:
 Всѣ сомнѣнья заглушаетъ первый дѣтскій крикъ.
 Я соперника въ ребенкѣ вижу своего,
 И меня ты позабудешь скоро для него.
 На отца любви избытокъ ты перенесешь...
 Ну, а сынъ? На васъ обоихъ будетъ огнь похожъ!
 Я могу себѣ представить, какъ, на склонахъ дней,
 Ты мораль читаешь строго дочери своей:
 — Увлеченія опасны... На себѣ она
 Испытала это прежде... Женщина должна
 Покоряться...—О, погибни въ пустотѣ своей,
 Въ этой пошлости ходячей будничныхъ идей!
 Ты смирилась, покоряся радостно судьбѣ,
 Ну, а я найду спасенье въ дѣлѣ и борьбѣ.

Но куда мнѣ поступаться? Гдѣ работа? Въ чемъ?
 Нынче двери отворяютъ золотымъ ключемъ,
 И просители толпою осаждаютъ ихъ.
 Чтоже дѣлать мнѣ съ запасомъ юныхъ силъ моихъ?
 Я въ кровавое сраженье шелъ-бы какъ на ширь,
 Но повсюду надъ враждою торжествуетъ миръ.

Отдохну пока душою въ думахъ о быломъ,
 На меня оно повѣсть свѣтомъ и тепломъ,

Я почувую тотъ же трепеть, тѣхъ же силъ приливъ,
 Тѣхъ же свѣтлыхъ упованій молодой порывъ.
 Я опять стремиться буду радостно впередъ,
 Словно мальчикъ, что впервые въ дальній путь идетъ,
 И, застигнутъ темнотою, видитъ все яснѣй
 Въ отдаленнѣ свѣтъ манящій городскихъ огней.
 Утомленье забывая, къ этимъ огонькамъ
 Онъ стремится, и душою—онъ давно ужъ тамъ.

Люди—труженники! Братья! Честные бойцы!
 Геніальнѣйшихъ открытій смѣлые творцы!
 Много сдѣлать и доселѣ удалось вамъ,
 Но въ грядущемъ я не вижу счета чудесамъ.
 Я въ мечтаніяхъ отрадныхъ вижу небеса,
 Гдѣ волшебныхъ галіоновъ вѣютъ паруса,
 И высоко надъ равниной плоскою земли,
 Межъ собою сцѣплясь отважно—бьются корабли.
 Въ громѣ бури слышенъ ясно и сраженья громъ,
 И на землю капли крови падаютъ дождемъ...
 Но стихаетъ гулъ орудіи съ шелестомъ знаменъ.
 Ихъ смѣняетъ миръ всеобщій и союзъ племенъ.
 Миръ настанетъ вѣковѣчный: войны прежнихъ дней
 Позабудутся и станутъ сказкой для дѣтей.

Такъ мечталось мнѣ, покуда ненависти ядъ
 Не проникъ мнѣ прямо въ сердце, затемняя взглядъ.
 Отживающимъ, подгнившимъ кажется порой
 Мнѣ общественнаго зданья прихотливый строй.
 Я извѣрился и въ знаніѣ: двигаясь впередъ,
 Черепахою наука медленно ползетъ...
 Но я вѣрю: не безцѣльно шель за вѣкомъ вѣкъ,
 Съ ихъ теченьемъ развивался духомъ человекъ.
 Если онъ не пожинаетъ плодъ своихъ трудовъ—
 Эта жатва остается для его сыновъ.
 Знаешь движется, но мудрость медлитъ на пути.
 Пусть погибнутъ единицы—лишь бы миръ спасти!

Чу! Я слышу, затрубили въ рогъ мои друзья,
 Имъ казалася постыдной эта страсть моя,
 Я и самъ ея стыжуся... Да, во мнѣ должна
 Навсегда теперь умолкнуть прежняя струна...
 О, я вижу, что до селѣ въ сердцахъ сохранить
 Всѣ стремленія былого и надежды шить...,
 И теперь же съ замкомъ Локелли я прощусь на вѣкъ,
 Я, грозюю не сраженный, гибели избѣгъ.
 Вотъ, я вижу, надъ болотомъ поднялся туманъ,
 Скоро, скоро разразится грозный ураганъ...
 Если онъ на замокъ Локелли молніей надеть—
 Я и тутъ не обернуся: я иду впередъ!

1893 г.

Поэтъ.

Поэтъ въ странѣ иной и подъ звѣздою великою
 Былъ нѣкогда рожденъ,
 Любовію къ любви и злобой къ злобѣ дикой
 Богато одаренъ.
 И все: добро со зломъ и жизнь со смертью—разомъ
 Поэта взоръ проникъ,
 И таину бытія его могучій разумъ
 Провидѣлъ и постигъ.
 Сроднясь со славою, безтрепетный и смѣлый,
 Онъ шелъ ея путемъ,
 И были думъ его высокихъ стрѣлы
 Окрылены огнемъ.
 Какъ молнія, онъ промчался надъ вселенной,
 И ихъ полетъ
 Всѣ страны озарилъ зарею вдохновенной,
 Блеснувъ съ высотъ.

Какъ сѣмена цвѣтка, онъ на землю пали
 И корни тамъ пустивъ,
 Роскошный цвѣтъ они собою дали
 На почвѣ нивъ.
 И входы поднялись, и съ сплюю могучей
 Цвѣтели вездѣ, и не одну
 Питали молодость съ надеждою кипучей
 Въ ихъ первую весну.
 И пламя истины, котораго сіянье
 Зажегъ одинъ могучій умъ—
 Передалось другимъ, будя въ нихъ начинанья
 Высокихъ думъ.
 И скоро истины священными лучами
 Объять бытъ свѣтъ,
 Борясь съ навешенными густыми облаками,
 Блеснулъ разсвѣтъ.
 Въ его сіяніи явилася свобода
 И отъ огня очей ея навѣкъ
 Всѣ формы старыя предъ взорами народа
 Растаяли, какъ снѣгъ.
 Но дѣвственнѣй ея одежды не пятнала
 Собою кровь,
 Вокругъ чела ея, какъ ореолъ блистала
 Лишь надпись: мудрость и любовь.
 Изъ устъ ея лилась не проповѣдь насилья,
 Собою тревожа міръ:
 Надъ нею вѣяли, какъ херувимовъ крылья—
 Поэзія и миръ.
 Она въ рукахъ своихъ, могучихъ и суровыхъ,
 Держала свѣточъ, а не мечъ,
 И потрясла весь міръ въ его основахъ—
 Поэта рѣчь!

1893 г.

* * *

Когда засну подъ сѣнью гробовою
 Съ печатью смерти на устахъ —
 Не приходи кропить своей слезою
 Холодный прахъ.

Спасти меня ты не имѣла силы,
 Когда вся жизнь лежала впереди,
 И слезы лить въ тѣли моей могилы
 Не приходи.

Ошибкою все было, или виною,
 Твоей виной — мигъ все равно:
 Но отдыха и жажду всей душою
 И жду давно.

Свободной будь, свободной и любимой:
 Укоровъ ты не жди.
 Но гдѣ моя могила будетъ — мимо
 Не проходи!

1893 г.

* * *

Разбиваясь волной у камней,
 Стои знакомую пѣсню, о море!
 Если-бъ такъ же я въ пѣснѣ моей
 Могъ излить накопившее горе!

Какъ рѣзвится ребенокъ бѣднякъ,
 Вдоль утеса бѣгущій съ сестренкой,
 Какъ доволенъ судьбою рыбакъ,
 Въ челнокѣ расплывающій звонко!

Издаലെка плывутъ корабли,
 Въ ожиданіи радости встрѣчи;
 Если-бъ встрѣтить привѣтомъ могли
 И меня — чьи то милыя рѣчи!

Разбиваясь у темныхъ камней,
 Стои знакомую пѣсню, о море,
 О блаженствѣ утраченныхъ дней,
 Превратившемся въ жгучее горе.
 1893 г.

Прощаніе.

Неси, ручей, серебряныя волны
 Свои морямъ! Увы, пройдутъ года,
 Но не ступлю на берегъ твой безмолвный
 Я никогда.

Бѣги, ручей, разлившился рѣкою
 Вдоль луговинъ, гдѣ разбрелся стада;
 Прощаюся съ завѣтною тропою
 Я навсегда.

Попрежнему дрожація осины
 Здѣсь зашумятъ въ грядущіе года,
 И будетъ пѣть веселый рой пчелиный
 Тебѣ всегда.

И много разъ забрежитъ надъ тобою
 Сіянье зорь въ грядущіе года,
 Но ухожу отъ мѣсть, любимыхъ мною —
 Я навсегда.

1893 г.

* * *

Чѣмъ сильнѣи бушуютъ грозы—
Тѣмъ вечерній ярче свѣтъ;
Если тѣма полна угрозы,—
Будетъ радостенъ разсвѣтъ.

Всѣхъ впередъ грядущихъ съ вѣрою—
Всѣхъ любовь благословитъ;
И воздастся полною мѣрою
Тѣмъ, кто въ битвѣ устоитъ.

Слово чуждое сомнѣнья
Намъ-залогъ поры шлои,
И въ минуту пробужденья
Пробудимся мы душой!

1892 г.

Владѣлица Шэллота.

(The Lady of Shalot).

I.

Вдоль изумрудныхъ береговъ
Дорога шла среди луговъ,
Покрытыхъ массою васильковъ,
Къ твердынямъ Камелота.
Идя дорогою, каждый могъ
Цвѣтущій видѣть островокъ,
Кому народъ въ странѣ нарекъ
Названіе Шэллота.

* * *

И вѣтра легкаго порывъ,
Собою рѣку замутивъ,
Проносится межъ темныхъ пѣвъ
Къ твердынямъ Камелота.
На берегу прозрачныхъ водъ
Черпѣтъ замка темный сводъ,
Гдѣ въ тишинѣ одна живетъ
Владѣлица Шэллота.

* * *

Мелькаютъ быстрыя суда,
Вѣла, какъ лебедь, и горда,
Плыветъ и лодка иногда
Къ твердынямъ Камелота;
Но кто изъ жителей извѣдъ
Хоть разъ видалъ ее въ окрѣдъ
И кто знавалъ во всей странѣ
Владѣлицу Шэллота?

* * *

Женцы, за жатвою трудясь,
Одни слышали въ ранній часъ
Порою пѣсеню, что неслась
Къ твердынямъ Камелота;
И въ часъ, когда надъ гладью водъ
Луна блестящая взойдетъ—
Они шептали:— то пость
Волшебница Шэллота.

II.

А тамъ, на пряхѣ съ давнихъ поръ
Она волшебный ткеть узоръ,
И ест суровый приговоръ

Не дозволяетъ бросить взоръ
 По направленью Камелота;
 И такъ, въ теченьи долгихъ дней,
 Сидитъ за пряжею своею
 Владѣлица Шэллота.

* * *

Предъ нею въ зеркалѣ съ рѣзбой
 Проходятъ тѣни чередой:
 Тамъ отраженъ и путь крутой,
 Ведущій къ Камелоту.
 Тамъ отраженъ небесный сводъ
 И на рѣкѣ—водоворотъ,
 И грушна женщина, что идетъ
 Изъ города къ Шэллоту.

* * *

Видать какъ вслѣдъ за пастухомъ
 Викарій слѣдуетъ верхомъ,
 Или пажъ въ костюмѣ дорогомъ,
 Сидѣша къ твердынямъ Камелота.
 Въ своихъ доспѣхахъ боевыхъ
 Не мало рыцарей лѣхихъ
 Мелькаютъ тамъ,—но не для нихъ—
 Владѣлица Шэллота.

* * *

Порой въ безмолвіи ночей,
 При яркомъ пламени свѣчей,
 Являлись дроги передъ ней,
 Сидѣша къ твердынямъ Камелота.
 И разъ свиданье при лугѣ
 Пришлось ей видѣть въ тишинѣ.
 — Наскучили видѣнья мнѣ!—
 Промолвила, какъ въ полуснѣ,
 Владѣлица Шэллота.

III.

Въ вооруженьѣ и бронѣ,
 Онъ ѣхалъ гордо на конѣ,
 Горѣли латы, какъ въ огнѣ
 И мечъ сэръ-Ланселота.
 И, какъ полночная звѣзда,
 Блистали сбруя и узда
 Игрою ихоптовъ, когда
 Онъ проѣзжалъ вблизи Шэллота,

* * *

Подъ яркимъ солнечнымъ лучомъ:
 И шлемъ блистающій съ перомъ,
 И мѣдный щитъ его съ сѣдломъ—
 Слились въ сѣниѣ огневомъ.

Передъ далекимъ Камелотомъ
 Онъ былъ похожъ на метеоръ,
 Что, поразивъ собою взоръ,
 Пронесся надъ Шэллотомъ.

* * *

Его прекрасное чело
 Глядѣло гордо и свѣтло,
 Чернѣли, чѣмъ ворона крыло
 Вылисы кудри. Все влекло
 Сердца къ сэръ-Ланселоту.
 Такимъ—предъ нею отраженъ—
 Поднявшись на высокіи склоны,
 Въ уборѣ ратномъ ѣхалъ онъ,
 Стремяся къ Камелоту.

* * *

Оставивъ пряжу у окна,
 Сама, какъ лилія, блѣдна,
 Привстала медленно она—
 Взглянуть на башни Камелота.

Порвалась ткань... Само собой
 Разбилось зеркало съ рѣзбой...
 — Судьба свершилась надо мной!—
 Промолвила себѣ съ тоской
 Владѣлица Шэллота.

IV.

Въ осенній день, когда рѣка
 Шумить—мутна и глубока,
 И вѣтеръ гонитъ облака
 Но направленью Камелота;
 Она сошла въ вечерней тьмѣ
 Въ челнокъ, гдѣ были на кормѣ
 Слова: „Владѣлица Шэллота“.

* *

Ея глубокій, грустный взоръ,
 Таинный горестный укоръ,
 Направленъ былъ въ нѣмой просторъ,
 Къ высокимъ башнямъ Камелота.
 Кончался день. На дно челна
 Въ безмолвіи легла она,
 И увлекла ее волна
 Отъ острова Шэллота.

* *

Въ одеждѣ бѣлой и простой,
 Сіяя странной красоты,
 Она неслась во тьмѣ ночной
 Къ высокимъ башнямъ Камелота.
 Лилась во мракъ пѣснь ея,
 И ей, дыханье затая,
 Внимали небо и земля,
 Внимали рощи и поля
 Владѣлицы Шэллота.

* *

Звучала пѣснь, какъ слабый стонъ,
 Какъ похоронный тихій звонъ,
 И взоръ печальный обращенъ
 Былъ къ башнямъ Камелота.

Туда волна ее несла,
 На очи ей одѣла мгла
 И съ этой пѣснью умерла
 Владѣлица Шэллота.

* *

И, снѣга вешняго бѣлѣи,
 Она неслася все быстрѣи,
 Вдоль темныхъ стѣнъ и галлерей,
 И башней Камелота;
 На встрѣчу ей толпою шли:
 Простой ремесленникъ въ пыли,
 Кушцы и сильные земли,
 И на кормѣ они прочли:
 „Владѣлица Шэллота“.

* *

Въ недоумѣньѣ безъ конца
 Стояли все, а изъ дворца
 Къ нимъ доносилась пѣснь пѣвца,
 И сжалось сердце Ланселота;
 И вздохъ неполный заглуша,
 Онъ молвилъ:—чудно хороша!
 Да успокоится душа
 Владѣлицы Шэллота!—

1892 г.

Маріана.

I.

Въ старомъ домѣ.

Передъ куртїною цвѣточной
Травой дорожки заросли;
Гдѣ золотился перенекъ сочный—
Подставки брошены въ пыли.
Кругомъ—обрушились строения,
Сараи—со сломаннымъ замкомъ.
Давно картину разрушенья
Собою являетъ старыи домъ.
Она вздыхаетъ:—День унылый!
Онъ не идетъ!—она твердитъ,
—Терпѣть и ждать нѣтъ больше силы..
Устала я, и тѣнь могилы
Отдохновенье мнѣ судитъ!—

* * *

Съ вечерней свѣтлою росой
Слеза катится за слезою
Изъ глазъ ея, и слезы льетъ,
Встрѣчая утренний восходъ,
Она опять къ теплу и блеску
Ей не поднять своихъ очей,
И лишь отдернувъ занавѣску
Въ глубокомъ сумракѣ почей,
Она вздыхаетъ:—Ночь уныла!
— Онъ не идетъ!—она твердитъ.
—Устала я, и лишь могила
Отдохновенье мнѣ судитъ!—

* * *

Порои, въ безмолвіи полночи
Крикъ филина се пугалъ,
Пѣтухъ, передъ уходомъ ночи,
Кричалъ, взлетѣвъ на сѣноваль.
Но и во снѣ, въ тоскѣ жестокой
Она страдала одиноко,
Пока съ разсвѣтнимъ вѣтеркомъ
Не просыпался старыи домъ.
Она вздыхала:—День унылый!
Онъ не придетъ, онъ не придетъ!
Терпѣть и ждать нѣтъ больше силы..
Устала я, во тѣмѣ могилы
Меня желанныи отдыхъ ждетъ!—

* * *

Стропила старыя на крышѣ
Весь день скрипѣли тяжело,
И за стѣной скреблися мыши
И муха билась о стекло.
Когда скрипѣла половица—
Шаги мерещилися ей,
Знакомыя глядѣли лица
Изъ старыхъ окопъ и дверей.
Она вздыхала:—Жизнь уныла!
Онъ не придетъ, онъ не придетъ!
Устала я, и мнѣ могила
Отдохновенье принесетъ.

* * *

И все: шумъ вѣтра межъ листвою,
И бой часовъ въ вечерней тѣмѣ,
И дождь, шумѣвшїи за стѣною—
Сливались у нея въ умѣ.

Но для нея ужаснѣй вдвое,
 Невыносимѣй — былъ закатъ.
 И ея сіянье золотое
 Всегда вливало въ душу ядъ.
 Она въ отчаяннѣй рыдала:
 — Нѣтъ силы долѣе терпѣть!
 Онъ не придетъ — я это знала...
 О, Боже мой, какъ я устала!
 О, Боже, если-бъ умереть! —

II.

Н а ю г ѣ .

Полднeвнымъ зноeмъ безопащнымъ
 Все словно выжжено кругомъ,
 Обвить узоромъ винограднымъ,
 Среди равнины видѣнъ домъ.
 Закрыты ставни молчаливо,
 А тамъ вдали, у береговъ,
 Сигнеть ярко гладь пролива
 На желтомъ бархатѣ песковъ.
 — Мадонна! Я томлюсь жестоко! —
 Она взываетъ. — Все стерпѣть...
 Забытой жить и одинокой,
 И одинокой умереть! —

* * *

Съ лица прозрачною рукою
 Откинувъ пряди темныхъ косъ,
 Она глядитъ съ нѣмой тоскою;
 Въ глазахъ ея не видно слезъ.
 Она глядитъ на отраженье
 Своей волшебной красоты,
 Ея прекрасныя черты

Полны печали и сомнѣнья.
 — Вотъ, тихо молвила она,
 — Краса, что онъ цѣнилъ высоко.
 И все-жъ я день и ночь одна,
 И умираю одиноко! —

* * *

Замолкла жаворонка трель;
 Объято мертвеннымъ покоемъ,
 Затихло все подъ южнымъ зноемъ.
 И смолкла дальняя свирѣль.
 Она спала, и на чужбинѣ
 Родной ей снится уголокъ:
 Трава высокая въ долигѣ,
 Ручей и свѣжитъ вѣтерокъ.
 Вдыхая тѣжко и глубоко,
 Она подумала во снѣ:
 — Мой духъ томится одиноко,
 И не найти забвенья мнѣ. —

* * *

Она спала и сознавала,
 Что это сонъ, одинъ лишь сонъ, —
 Мечта ее околдовала:
 Онъ съ нею былъ, и не былъ онъ.
 Она проснулась. Лугъ зеленый
 Исчезъ, — и былъ передъ нею:
 Просторъ нѣмой и раскаленный,
 И блескъ полуденныхъ лучей.
 — Мадонна! — молвила съ глубокой
 Оца печалью и тоскою:
 — Спаси отъ жизни одинокой
 И умереть не дай одною! —

* * *

Она взяла любви посланье —
 Кругомъ пеншанный листокъ,

И тамъ стояло:—Кто-бы могъ
Забить твое очарованье?—
Но тутъ-же чьи-то голоса
Шепнули ей съ насмѣшкою злою:
—Увяла прежняя краса,
И будешь ты всегда одною.
Она шептала:—Все стерпѣть!..
О, горечь мукъ любви жестокой!
Забитой жить и одинокой,
И одинокой умереть!—

* * *

Услышавъ вечеромъ цикаду,
Къ окну приблизилась она
И, опершись на балюстраду,
Вдыхала лѣтнюю прохладу.
Кругомъ—прозрачна и ясна,
Лежала мгла весенней ночи.
Блестѣвшія слезами очи
Она на небо возвела:
Казалось, она ждала,
И съ грустью молвила глубокою:
—Настала ночь, но для меня
Не заблеститъ сіянье дня.
И я, въ тоскѣ моей жестокой
Не буду скоро одинокой!—

1889 г.

Двѣ сестры.

(БАЛЛАДА).

Изъ древняго рода мы были съ сестрою,
Она затмѣвала меня красотою.
Какъ вѣтеръ надъ башней гудитъ угловой!..

Ее обольстилъ онъ. Несчастной паденье
Виушило мнѣ жажду глубокую мщенья.
Графъ былъ красавецъ собой.

Со смертію душу она загубила
И домъ панъ старинный позоромъ покрыла.
Какъ вѣтеръ надъ башней гудитъ угловой!..
И мыслью съ тѣхъ поръ я жила ежечасно:
Быть графомъ любимой безумно и страстно.
Графъ былъ красавецъ собой.

На ширъ я послала ему приглашенье,
И въ сердцѣ его пробудила влеченье.
Какъ вѣтеръ надъ башней гудитъ угловой!..
А ночью на ложѣ заснулъ онъ со мною,
Склоняся къ плечу моему головою;
Графъ былъ красавецъ собой.

И страстно въ безмолвьѣ и сумракѣ ночи
Ему цѣловала уста я и очи.
Какъ вѣтеръ надъ башней гудитъ угловой!
Жестокая злоба мнѣ сердце сдавила,
Но я, ненавидя, безумно любила.
Графъ былъ красавецъ собой.

Въ безмолвіи ночи неслышно я встала,
И сталь отточила сама у книжала.
Какъ вѣтеръ надъ башней гудитъ угловой!..
И что-то во снѣ прошептала онъ невинно,
А я поразила его троекратно.
Графъ былъ красавецъ собой.

Онъ такъ былъ прекрасенъ! И кудри съ любовью
Ему расчесала, склонясь къ оголовью.
Какъ вѣтеръ надъ башней гудитъ угловой!..
И матери графа—подарокъ желанный—
И трупъ отослала его бездыханный.
Графъ былъ красавецъ собой.

Идуэрдъ Грэй.

(ВАЛЛАДА.)

Эми Морлэндъ, уроженка знакомаго края,
Встрѣтивъ меня на завѣтной тропинкѣ моей,
Молвила тихо, глаза предъ мной опуская:
—Что вы не женитесь, Идуэрдъ Грэй?

Сердце свое потеряли вы здѣсь безъ возврата!—
Весь поблѣднѣвъ, отвѣчалъ я въ волненіи ея:
— Эми Морлэндъ, я любилъ всею душою когда то;
Вновь полюбить—можетъ ли Идуэрдъ Грэй!

Эллэнъ Эдэйръ, не взирая на гнѣвъ и угрозы
Строгихъ родныхъ, отдавала мнѣ сердце свое,
Нынѣ съ зарей проливалъ я обильныя слезы
Тамъ надъ холмомъ, гдѣ они схоронили ее.

Робко она все таила: и радость и горе,
Робость ея показалась холодностью мнѣ.
Боже! Пока уѣзжалъ я въ досадѣ за море—
Эллэнъ Эдэйръ по моей умирала вниѣ.

Горькій упрекъ сорвался у меня въ ослѣпленіѣ,
Горче теперь онъ въ душѣ отдается моей.
— Вы заслужили,—сказалъ я,—одно лишь презрѣніе,
Жалкой кокеткой гнушается Идуэрдъ Грэй!—

Налъ я лицомъ межъ высокою зеленою травою,
Камень могильный виднѣлся, безмолвенъ и сѣръ.
Долго я плакалъ, взывая съ безумной тоскою:
—Молви хоть слово, о жизнь моя, Эллэнъ Эдэйръ!—

Снова привставъ, я досталъ карандашъ. Имъ водили
Тихо персты и катилась слеза изъ очей.
„Эллэнъ Эдэйръ,“ написалъ я, „легла въ той могилѣ,
Сердце свое схоронилъ съ нею Идуэрдъ Грэй.“

Пусть же вокругъ разцвѣтаетъ любовь молодая,
Самъ я живу лишь мечтою о радостномъ днѣ,
Днѣ воскресенья, когда изъ загробнаго края
Эллэнъ Эдэйръ возвратится съ любовью ко мнѣ.

Слезы мои долго камень надгробный кропили,
Молча поднявшись, побрелъ я дорогою своею...
Эллэнъ Эдэйръ отдыхаетъ въ зеленой могилѣ,
Сердце свое схоронилъ съ нею Идуэрдъ Грэй.—

1893 г.

Изъ Лонгфелло.

Приговоръ.

(The birds of killingsworth).

ПОЭМА ЛОНГФЕЛЛО

1.

Была пора, когда, гнѣздо свивая,
 Поютъ въ лѣсахъ малиновка и дроздь,
 Когда собою дубравы оглашая.
 Несется гнѣздо весенняя изъ гнѣздъ,
 Когда свѣтлѣй бываетъ тьма ночная
 И ярче блескъ золотоокихъ звѣздъ,
 Когда весна развертываетъ смѣло,
 Какъ рядъ знаменъ, листочки розы бѣлой...

Была пора, когда на днѣ долины
 Едва блеститъ серебряный ручей,
 Иль, съ грохотомъ дробятся межъ камней,
 Онъ падаетъ отвѣсно со стремнины;
 Когда поетъ съ зарею каватины,
 Въ тѣни вѣтвей зеленыхъ соловей,
 И каркаетъ воронъ голодныхъ стая,
 О пропитаньѣ къ небесамъ взывая...

Черезъ проливъ, какъ шумный караванъ,
Неслися птицъ залетныхъ вереницы,
На языкъ ихъ, чудесныхъ странъ,
Казалось, болтали эти птицы,
Какъ моряки, которымъ отпускъ данъ,
Бродящія по улицамъ столицы.
Когда народъ, глазьющій на нихъ,
Дивить ихъ рѣчь и все новадка ихъ

Такъ въ Кннлингсвортъ явилася весна
Лѣтъ сто назадъ до нынѣшней эпохи,
Вороній крикъ въ такія времена
У фермеровъ способенъ вызвать вздохи.
А птицами кишѣла вся страна,
И, ратуя о хлѣбѣ и горохѣ,
Рѣшило тутъ собранье мудрецовъ
Предать на казнь грабителей пѣвцовъ.

На головы отважныхъ мародеровъ
Давно въ тиши точились ножи,
И комитетъ, безъ дальнихъ разговоровъ,
Предупредить рѣшился грабежи,
Извѣстенъ всѣмъ лукавый птицій поровъ
И подвиги въ поляхъ овса и ржи...
Не страшень имъ рядъ пугаль въ огородѣ,
Гдѣ хитрецы пируютъ на свободѣ.

Рѣшили такъ: помѣщикъ величавый
Съ надменною осанкой и лицомъ,
А съ нимъ—деканъ всегда и всюду правый,
Среди села слывущій мудрецомъ.
Онъ съиздавна такой покрылся славой,
Что улицъ, гдѣ былъ декана домъ,
Со гражданами было въ назиданье
По имени его дано названье.

Тутъ былъ пасторъ—испытанный Немродъ,
Звѣрей и птицъ великій истребитель,
Предъ кѣмъ дрожали ихъ беззащитный родъ.
Здѣсь также былъ идеалистъ—учитель,
Поэтъ въ душѣ и юныхъ думъ властитель,
Привившій имъ ученья сладкій плодъ.
Въ досуга часъ; настроивъ робко лиру,
Огъ воспѣвалъ красавицу Эльмиру.

2.

Собраніе открылъ помѣщикъ самъ,
(Онъ избранъ былъ главой единогласно),
Въ молчаніи оратора словамъ •
Внимали все кругомъ подобострастно,
И солоно пришлось тутъ пѣвцамъ:
Всѣмъ имъ вина такой казалась ясной,
Что оправдать ничто ихъ не могло;
А если такъ—съ корнями рвите зло!

Когда въ концѣ все высказали мнѣнье,
Учитель всталъ, трепещущій, какъ листъ,
Поколебать рѣшившись обвиненье,
(Недаромъ онъ въ душѣ былъ гуманнѣе);
Отъ помысловъ славолубивыхъ чистъ,
Эльмирою прекрасной, безъ сомнѣнья,
На подвигъ свой незримо вдохновенъ,
Заговорилъ краснорѣчиво онъ:

„Платонъ, боясь найти судьбу въ поэтѣ
И критика, изгналъ ихъ изъ страны,
И вы сейчасъ рѣшили въ комитетѣ
Убить гонцовъ, предѣстниковъ весны.
Пѣвцовъ полей, крылатыхъ менестрелей,
Что прелестью своихъ воздушныхъ трелей
Плѣняютъ насъ, когда нашъ духъ скорбитъ,
Какъ нѣкогда плѣнялъ царя Давидъ.

Ихъ умертвить! За пригоршню ищеницы,
 За зернышко овса пль ячменя,
 Которое ногами топчуть жницы!
 Убытокъ свой безмѣрно оцѣня,
 Вы удѣлать жалѣете крушцы
 Отъ благъ своихъ пѣвцамъ смиреннымъ днѣ,—
 Но склеванныя ягоды не слаще
 Мелодій ихъ, звучащихъ въ темной чащѣ.

Никто изъ васъ не вспоминалъ о Томъ,
 Кто создалъ ихъ, кто даромъ пѣнопѣнья
 Ихъ одарилъ, въ которомъ лишь въ одномъ,
 Ихъ думъ и чувствъ—живое выраженье!
 Забыли вы въ минутномъ ослѣпленьѣ,
 Что гнѣзда ихъ тамъ въ вышнихъ звенѣхъ,
 Невидимыхъ, таинственныхъ, чудесныхъ,
 Являются межъ дольнымъ и небеснымъ!

„Безъ пѣвчихъ птицъ печаленъ каждый садъ
 И темныя древесныя вершины,
 Гдѣ видны гнѣзды осиротѣлыхъ рядъ:
 Въ больномъ мозгу, подъ слоемъ наутини
 Безумія, порою хранятся такъ,
 Собой сгущая наступившій мракъ—
 Обрывки словъ, утратившихъ значенье,
 Безсвязныхъ думъ тревожное броженье.

„Несчастныхъ птицъ названіями:—воръ,
 Клеймите вы:—и хищникъ и грабитель,
 Но какъ неправъ подобный приговоръ!
 Вѣдь этотъ воръ—онъ лучший охранитель
 Садовъ и жатвъ,—лишь онъ дастъ отпоръ
 Ихъ недругамъ, какъ грозный истребитель
 Всѣхъ слизняковъ, улитокъ и червей,
 Губящихъ цвѣтъ и завязи вѣтвей.

„Какъ проповѣдь любви и всепрощенья,
 Я повторю моимъ ученикамъ,
 И къ жизни имъ внушу я уваженье,
 Что разлита во всемъ Его твореньѣ,
 И какъ завѣтъ Господень передамъ
 О милости къ несчастнымъ бѣднякамъ,
 Когда отцы, упорно негодуя,
 Идутъ въ разрѣзъ со всѣмъ, чему учу я?

8.

Учитель смолкъ, и ропотъ межъ собранья
 Въ мигъ пробѣжалъ, какъ легкій шумъ листвы,
 И многіе оратора воззванье
 Одобрили кивками головы;
 Но тѣхъ, кто цѣль всего существованья
 Нашелъ въ уходѣ за скотомъ—увы!
 Нельзя смягчить... Всѣ слушали охотно,
 Но былъ вопросъ рѣшенъ безповоротно.

Зато успѣхъ много рода въ школѣ
 Стяжалъ себѣ защитникъ бѣдныхъ птицъ;
 Оваціи предметомъ по неволѣ
 Явившійся со стороны дѣвицъ
 И юношей, онъ въ новомъ ореолѣ
 Предсталъ очамъ одной изъ ученицъ—
 Красавицы Эльмиры. Такъ учитель,
 Хотъ побѣжденъ, былъ все-же побѣдителемъ!

И начались убійства безъ числа.
 Сады, поля желтѣющей ищеницы
 Окутала пороховая мгла,
 И падали отъ пули вражьей птицы:
 Повсюду кровь невинная текла,
 Пятнавшая исторіи страницы.
 Вездѣ тоска и ужасъ безъ границъ:
 Варооломеевская ночь для птицъ!

Прошла весна, и наступило лѣто,
 Съ небесъ лились палящіе лучи,
 И ни такъ земля была нагрѣта,
 Что даже камни были горячи.
 На яблоняхъ погибла масса цвѣта,
 И лугъ исчезъ подъ тучей саранчи,
 А рои червей въ поляхъ и въ огородахъ
 Хозяиначалъ повсюду на свободѣ.

Какъ Иродъ, ни пожиралъ былъ,
 Весь городокъ зато, что избіенью,
 Какъ этотъ царь, невинныхъ осудилъ.
 Тамъ, гдѣ листва своею манила тѣнью,
 Рои гусеницъ пріютъ надежныи свилъ,
 И, къ общему испугу и смущенью,
 На головы гуляющихъ съ вѣтвей
 Вдругъ падалъ дождь улитокъ и червей.

Нашествіемъ ужасныхъ насѣкомыхъ
 Испуганныи, задумался народъ,
 И многіе сознали сразу промахъ;
 Произошелъ въ умахъ переворотъ;
 Кто обвинялъ начальство и знакомыхъ,
 А кто искалъ желаемый исходъ,
 Но каждый былъ въ смущеніи немало,
 Какъ ученикъ, съ дурнымъ пришедшии балломъ.

И осень къ нимъ явилась въ томъ году,
 Не золотомъ одѣта и багрянцемъ,—
 Листы, кой гдѣ висѣвшіе въ саду
 И отъ стыда сгоравшіе румянцемъ,
 Спѣшна опасность, топилъ въ пруду
 И августъ имъ казался самозванецъ мѣ.
 А буйный вихрь на сотни голосовъ
 Оплакивалъ замолкнувшихъ пѣвцовъ.

Прошла зима, и вотъ съ весною новою
 Былъ пораженъ спокойный городокъ,
 (Рѣшили все что случая такого
 И старожилъ запомнить бы не могъ).
 Большою фургомъ, родъ ящика простого,
 Въѣзжалъ туда. Онъ вдоль и поперекъ
 Устанавливалъ рядами новыхъ клѣтокъ,
 Гдѣ стали птицъ рѣзались между вѣтокъ.

Сюда, со всей окрестной стороны
 Собрали ихъ. Открылась дверь темницы
 Ихъ временной—и отыскать вольны
 Пристаннице, взвилъ къ небу птицы;
 И по лѣсамъ тотчасъ ихъ вереницы
 Разсѣялись, какъ вѣстники весны,
 А пѣня ихъ, скажу я между нами,
 Насмѣшкою звучала надъ властями.

Но радости на слѣдующій день
 Неслись ихъ серебряныя трели,
 Когда вступалъ съ Эльмирою подъ сѣнь
 Церковную—учитель. Звонко пѣли
 Колокола, изъ дальнихъ деревень
 Спѣшилъ народъ, и наши мещстрели,
 Къ безоблачнымъ взвиваясь небесамъ,
 Ихъ пѣсню благословляли тамъ!

1893 г.

Псаломъ жизни.

1.

Не твердите мнѣ съ тоскою:
 „Жизнь безцѣльна и пуста“.
 Стыдъ мертвящему покою!
 Жизнь бываетъ не такою,
 Какъ рисуешь намъ мечта.
 Жизнь правдива! Жизнь сурова,
 Не въ могилѣ— цѣль ея.
 „Въ прахъ земной отыдешь снова“—
 Не о духъ это слово
 Возвѣстилъ намъ Судія.
 Не печаль, не наслажденье
 Человѣка въ жизни ждетъ,
 Но работа, но движенье,
 Неустанное—впередъ!
 Краткій срокъ судьбы закономъ
 Людямъ данъ, и стукъ сердець
 Служить маршемъ похороннымъ,
 Съ каждымъ часомъ проведеннымъ
 Намъ пророчающимъ конецъ...
 Трудъ же дологъ. Въ ежечасной
 Битвѣ жизненной со зломъ,
 Ты не стоишь, какъ рабъ безгласный,
 Равнодушный, безучастный,—
 Будь героемъ и бойцомъ.
 Ты не вѣрь мечтамъ блестящимъ,
 И о прошломъ не скорбя,
 Дѣлай дѣло въ настоящемъ,
 Вѣря въ Бога и себя.

Намъ примѣръ людей съ душою—
 Указанье и завѣтъ:
 Какъ они, борись съ судьбою,
 Послѣ смерти за собою
 Мы власти оставишь слѣдъ.
 Слѣдъ, который ослабѣвшимъ
 Силы прежнія вернетъ,
 Имъ—крушенье потерпѣвшимъ
 Посреди житейскихъ водъ...
 Такъ—впередъ, не унывая!
 Что бъ ни ждало впереди—
 Будемъ, рукъ не покладая,
 Вѣкъ трудиться, создавая,
 Съ вѣрой твердою въ груди!

1892 г.

Стрѣла и пѣсня.

Стрѣлу пустилъ на воздухъ я,
 Но гдѣ легла стрѣла моя—
 Безсиленъ былъ увидѣть глазъ,
 Такъ быстро вверхъ она взвилась.

И пѣснь послалъ на воздухъ я,
 Куда умчалась пѣснь моя—
 Не видѣлъ я, и кто пойметъ,
 Кто услѣдитъ ея полетъ?

Но отыскалася стрѣла,
 Межъ дуба листьями—цѣла;
 А пѣснь, во всей красѣ ея,
 Нашелъ въ душѣ у друга я!

1892 г.

Золотой закатъ.

Какъ золото расплавленное—море,
И золотомъ сияють небеса,
И между нихъ на золотомъ просторѣ—
Земли и тѣни полоса.

Громады скалъ, что схожи съ облаками,
И облако подобное скалѣ—
Какъ бы плывутъ въ сияньи передъ нами,
И дремлетъ челнъ межъ сонными водами
Въ лучистой мглѣ.

И съ моремъ схожъ сводъ неба золотого,
И съ небомъ—воду сияющихъ просторъ:
Небеснаго границы и земного
Не различаетъ взоръ.

Когда придетъ въ покоѣ и молчаньѣ
И нашъ закатъ—пусть также и для насъ
Небесное съ земнымъ въ одномъ сияньѣ
Сольются въ этотъ часъ.

1892 г.

Духъ и плоть.

(Suspiria)

Прими ихъ смерть! Прими лишь прахъ,
Что можешь ты назвать своимъ,
Твоя печать—въ его чертахъ,
И ты надъ нимъ властна однимъ.

Прими ихъ ты и схорони,
Могилы мракъ! Въ твоей тиши
Пускай покоятся они—
Покровы бранные души.

Прими ихъ, вѣчность! Жизнь людей—
Вихрь, палетѣвшій издали,
Огнь прошумѣль среди вѣтвей,
Влача цвѣты ея въ пыли!

1892 г.

Вальтеръ Ф. Д. Фогельвейдъ.

1.

Вальтеръ фонъ-дери-Фогельвейде, знаменитый менестрель,
Что преслѣдую святую и возвышенную цѣль,
Всѣ труды и всѣ усилья, благородный сердца пылъ,
На служеніе искусству пѣснопѣнья посвятилъ,
Фогельвейде—гость желанный въ каждомъ замкѣ, чародѣй,
Вызывающій то слезы, то улыбку у людей;
При Вартбургѣ заслужившій славу перваго пѣвца,
И своей волшебной лютней увлекающій сердца,
Фогельвейде, чьи напѣвы повторялись въ городахъ
И въ селеньяхъ, и которымъ эхо вторило въ горахъ,—
Опочилъ по волѣ Божьей и подъ сѣнію колоннъ
Былъ въ соборѣ кафедральномъ, какъ вельможа, погребень.

Предъ кончиной завѣщаль онъ всѣ сокровища свои
На обитель, но съ условьемъ, чтобъ стрижи и соловьи,
Чтобы всѣ лѣсныя пташки, съ воробья и до дрозда,
Получали кормъ обильный отъ обители всегда...
„Я хочу вознаградить ихъ, ихъ уроки оцѣня:
Вѣдь онѣ, лѣсныя пташки, научили пѣть меня,
Соловья рулады слыша, слыша жаворонка трель,

Вдохновляясь, перѣдко подражалъ имъ менестрель;
 Такъ пускай же раздаются надъ могилою моею
 Полоса моихъ пернатыхъ менестрелей и друзей!—

И, слетаясь отовсюду, ежедневно стая птицъ
 Опускалася на кровлю, на высокiй храма шпиль,
 На деревья у ограды, на раскрытое окно,
 И прислужники малютки разсыпали имъ зерно.
 И порой влетали птицы въ отдаленный тотъ предѣлъ,
 Гдѣ усопшаго поэта скромный памятникъ бѣлѣлъ,
 Тамъ, летая и кружась надъ могилою пѣвица,
 Пташки имя Фогельвейде повторяли безъ конца.
 — Фогельвейде!—раздавалось въ этихъ сумрачныхъ
 стѣнахъ.
 — Фогельвейде!—откликалось эхо далънее въ горахъ.

Но прiоръ бенедиктинцевъ порѣшилъ въ концѣ-концовъ,
 Что не стоить тратить деньги на пернатыхъ прищелочковъ;
 — Пусть они пойдутъ на пользу нашей братiи свитою,
 Изнуряемой постами и молитвою почной.
 И о грѣшникѣ вспомня за трапезою, въ тиши,
 Мы помолимся соборно о спасенiи души.—
 Съ этихъ поръ напрасно птицы, прилетѣвъ въ урочный часъ,
 Оглашали воздухъ крикомъ, падъ обителью кружась,
 И напрасно, опускаясь у открытаго окна,
 Ожидая тамъ раздачи золотистаго зерна,—
 Это время миновало... Но за то въ монастырѣ
 Изъ за пира часто братья расходились на зарѣ...

Чередой прошли столѣтья, и предашь лишь одно
 Намъ указываетъ мѣсто, гдѣ въ землѣ погребено
 Тѣло Вальтера; истерлася даже надпись на стѣнѣ:
 Только птицы, поднимаясь и кружась въ вышнiй,
 Все щебечутъ тамъ легенду про собрата ихъ, пѣвица,
 Въ пѣсняхъ имя Фогельвейде повторяя безъ конца...

1892 г.

Изъ Байрона.

Пѣсни къ Тирсѣ.

1.

Последнiй вздохъ, исторгнутый утратой,
 Любви моею послѣднее прости,
 И одинокъ, какимъ я былъ когда то,
 Поиду я вновь по трудному пути.
 Пускай борьбы извѣдаю я сладость
 И горечь всю я осушу до дна,
 Когда навѣкъ исчезла въ жизни радость—
 Печали тѣбѣ въ грядущемъ не страшна.

Вокругъ меня—безумный чадъ похмѣлья,
 Быть одному нѣтъ мужества и силъ,
 Я буду тѣмъ, кто раздѣлялъ веселье
 И кто ни съ кѣмъ печали не дѣлилъ.
 Ты не такимъ меня когда-то знала
 Въ дни свѣтлые блаженства моего,
 Но съ той поры, когда тебя не стало,
 Какъ ты мертва—и все кругомъ мертво.

На легкiй ладъ я тщетно лиру строю,
 Улыбкою не скрыть не зримыхъ слезъ,
 Какъ насыни могильной не прикрою

Я ворохомъ полурасцвѣтшихъ розъ.
 На пиришествахъ, дая на мигъ забвенье,
 Пускай кишитъ и пѣнится струя,
 Я жадно пью изъ чаши наслажденье,
 Но одинокъ, какъ прежде, сердцемъ я.

Любуясь просторомъ, озареннымъ
 Сіяніемъ серебряныхъ лучей,
 Ихъ отблескъ дивный видѣлъ отраженнымъ.
 Я въ глубинѣ задумчивыхъ очей.
 Я созерцалъ, какъ яркій лучъ свѣтила,
 Лаская ихъ, въ волнахъ эгейскихъ гасъ,
 Увы, луна лишь надъ твоей могилѣй.
 Не для тебя всходила въ этотъ часъ!

Когда, безъ сна простертаго на ложѣ,
 Томилъ меня мучительный недугъ,
 Я говорилъ:—какое счастье, Боже,
 Что взоръ ея не видитъ этихъ мукъ!
 И, какъ порой возвращена свобода
 Безцельному и дряхлому рабу,
 Такъ жизнь мою вернула мнѣ природа.
 Межъ тѣмъ какъ ты покоилась въ гробу.

Тѣхъ дней залогъ, когда лишь расцвѣтали
 Любовь и жизнь на утрѣ бытія,
 Залогъ любви, подъ дымкою печали
 Тебя, увы, отнынѣ вижу я!
 Затихло сердца кроткаго бѣнья,
 Которое съ тобою мнѣ дано,
 Лишь моему все нѣтъ успокоенья.
 Хотя мертво и холодно оно.

Печальный даръ ея рукой любимой
 Врученный мнѣ—обѣтъ моей любви.
 Молю тебя, блюди непарушимо,
 Иль сердце мнѣ собою разорви.

Гдѣ счастію не можетъ быть возврата—
 Страданіемъ очищена любовь
 И тотъ, кому утраченное овято,
 Живой любви не отдастся вновь.

2.

Замолкли, о пѣсня печали,
 Замри рокотанье струны!
 Отрадой вы прежде звучали
 Теперь же тоскою полны.
 Той пѣсни душою я всею
 Изъ устъ ея пѣжныхъ внималъ,
 Я вспомнить не въ силахъ, не смѣю,
 Чѣмъ былъ я, чѣмъ нынѣ я сталъ.

Гдѣ голосъ ея незабвенный?
 Замолкъ онъ подъ мраморомъ плоть,
 И прежній напѣвъ вдохновенный,
 Какъ реквиемъ скорбный звучитъ.
 Тобою какъ прежде онъ дышетъ,
 О, Тирса! О прахъ дорогой!
 Но ухо въ немъ больше не слышитъ
 Гармоніи звуковъ былой.

Все стихло, но чуть уловимы
 Въ дунѣ отдается мои.
 Мнѣ слышится голосъ любимыи,
 Какъ эхо исчезнувшихъ дней.
 Онъ чудится мнѣ въ сновидѣньи
 И грезу мою наяву,
 Напрасно я въ мигъ пробужденья
 Душой потрясенной зову.

О другъ мой, такъ рано почившии,
 Ты свѣтлою стала мечтой,
 Своей лучъ отъ земли отклонившии

Небесъ лучезарной звѣздой.
 И путникъ подъ небомъ холоднымъ
 Во тьмѣ осужденный брести,
 Скорбитъ о лучѣ путеводномъ,
 Сіявшемъ ему на пути.—

1896 г.

Изъ Вальтеръ-Скотта.

Колыбельная пѣсня.

Баю-баюшки, спи въ колыбели своей!
 Твой отецъ былъ однимъ изъ народныхъ вождей,
 И красавицей мать въ нашемъ кланѣ слыла,
 Но обоихъ, увы, рано смерть отняла.

Баю-баюшки, спи въ колыбели своей!
 И долины и даль изумрудныхъ полей—
 Все твое! охраняя твой сонъ отъ врага,
 На стѣнѣ крѣпостной затрубили рога.

Баю-баюшки, спи! А настанетъ чередъ—
 Поведешь ты полки за собою впередъ;
 Приближается жизнь съ вѣковой борьбой
 И приноситъ зря пробужденъ съ собой.

1895 г.

Эпитафія.

Гонимый невзгодою странникъ,
 Соблазна грѣховнаго данникъ,
 Лишенный отчизны изгнанникъ—
 Навѣкъ успокоился онъ.

Обрядъ совершился прощальный,
 Пронѣли псаломъ погребальный,
 Вдали замираетъ печальный,
 Торжественный звонъ.

Съ тоскою воздѣтая руки,
Рыданья предсмертнаго звука,
И—кончилисъ тяжкія муки
И путь безнадежный пройденъ:

Теперь не страшны ему: холодъ,
Нужда и недуги и голодъ;
И гвозди вбивающій молотъ—
Нарушить-ли вѣчности сонъ?

1895 г.

Боевая пѣснь.

На вершинахъ—туманъ, надъ долиною—почь,
И не въ силахъ мы сонъ роковой превозмочь,
По вѣлѣнью врага, длится онъ безъ конца,
Ослабѣла рука, охладѣли сердца.

И наслѣдственный мечъ паутиной обвить,
И позорно въ углу тутъ же ржавѣть щить;
Если выстрѣль въ горахъ и раздастся, какъ ветарь—
Упадутъ отъ него только лось иль глухарь.

И безъ краски стыда ни одинъ изъ пѣвцовъ
Не дерзнетъ воспѣвать намъ дѣянья отцовъ;
Да умолкнетъ на вѣкъ съ отзвучавшей струной
Да умолкнетъ оно—эхо славы родной.

Но проходятъ часы: отъ тяжелого сна
Пробуждается вновь по немногу страна,
Надъ вершинами горъ, яркимъ блескомъ горя,
Защипается вновь молодая заря.

Вамъ героевъ сыны, этотъ яркій разсвѣтъ
Не сулитъ ли зарю долго ждавшихся побѣдъ!
Вамъ не нуженъ пѣвца вдохновенный напѣвъ,
Что бъ въ сердцахъ пробудитъ жажду мщенья и гнѣвъ!

Поднимайтесь, бойцы—изъ долины, изъ за горъ,
Заблестала вдали сталь широкихъ клейторъ,
И волынка гудитъ, но ссызываетъ собой
Не къ ловитвѣ она—а въ отчаянный бой!

Высоко надъ холмомъ развивается стягъ,
Но не дремлетъ въ тиши выжидающій врагъ,
Вы низвергнуть должны чужеземную власть,
И, какъ ваши отцы, побѣдите или пасть!

1895 г.

Смерть барда.

Прости, край родимый! Безумно любя,
Давно воспѣвалъ я и славилъ тебя,
Но часъ наступаетъ,—и рокотъ струны
Въ тиши не сольется съ журчаньемъ волны.

Простите, долины, холмы и лѣса,
Умереть не воспѣтою ваша краса;
Погаснутъ тѣ взоры, умолкнутъ уста,
Которымъ была дорога красота.

Но все же, гордой отваги полны,
Врага одолѣютъ отчизны сыны,
Но кто вдохновенною арфой своей
Бойцевъ обезсмертитъ, прославитъ вождей?

Какъ пѣлъ я, отчизна, твоихъ дочерей,
Ихъ чудныя очи, волну ихъ кудрей,
И вторило струнамъ бѣенье сердецъ,
Но тѣма наступаетъ и пѣснь конецъ!

Струна отзвучала... Отчизна, прощай!
Героической мощью навѣки блистай,
Красотою лучезарной, какъ прежде, цвѣти!
И ты, моя арфа, на вѣки прости!

1895 г.

Джэкъ Гэзельдинъ.

(ВАЛЛАДА).

О чемъ красавица моя,
Ты плачешь дни и ночи?
Отри скорби, молю тебя,
Заплаканныя очи.
Ты моему обручена
Возлюбленному сыну!
Но, безутышна и блѣдна,
Какъ прежде, слезы льетъ она
По Джэку Гэзельдину.

— Дитя, умѣрь печаль свою,
Живи съ семьей въ мирѣ,
Мой сынъ не первый ли въ бою,
Въ пирахъ и на турнирѣ?
Ему—богатство и почетъ!
Но въ скорби и кручинѣ,
Она, какъ прежде, слезы льетъ,
Рыдая ночи напролетъ
О Джэкѣ Гэзельдинѣ.

— Ты въ даръ получишь отъ меня
Кольцо и ожерелье,
И бѣлоснѣжнаго коня.
Гдѣ царствуетъ веселье—
Царицей будешь ты на немъ,
Забудь-же о кручинѣ!—
Но слезы съ каждымъ новымъ днемъ
Изъ глазъ ея лились ручьемъ
По Джэкѣ Гэзельдинѣ.

Сіялъ огнями Божіи храмъ,
Огни горѣли въ залѣ,
Не мало рыцарей и дамъ
Къ вѣнцу невѣсту ждали.
Но гдѣ-жь невѣста? Гдѣ она?
Какъ рабъ за господиномъ,
Въ нарядѣ вѣнчальныйи убрана,
Бѣжала изъ дому она
За Джэкомъ Гэзельдиномъ.

1895 г.

Клятва лэди Норы.

(ВАЛЛАДА).

1.

Кто знаетъ клятву лэди Норы:
— Скорби падутъ лѣса и горы,
Скорби затмится свѣтъ дневной,
Чѣмъ стану графа я женой!
Цѣной безчисленныхъ владѣній
И драгоценныхъ украшеній
И всѣхъ земель его цѣной,—
Останься мы вдвоемъ на свѣтѣ,
Въ своемъ увѣрена обѣтѣ—
Не буду я его женой!—

2.

— Не вѣрьте клятвамъ никогда;
Сегодня: нѣтъ! а завтра: да!—
Сказалъ шутя Дугласъ маститый.
— Обѣты будутъ позабыты;
И прежде, чѣмъ на склонахъ горъ

Цвѣтущій вереска узоръ
 Покроютъ снѣжныя узоры—
 Изъ усть прекрасной лэди Норы
 Услышитъ графъ отвѣтъ иной
 И назоветъ ее женой.—

3.

— Скорѣи, воскликнула она,
 — Изсякнетъ моря глубина,
 Скорѣе лебедь бѣлокрылый
 Окажется въ гнѣздѣ орла,
 И въ ночь обрушится скала;
 Скорѣи предъ вражескою силой
 Бѣжигъ позорно кланъ роди и,
 Забывъ навѣкъ о славъ ратной,
 И потечетъ волна обратно,
 Чѣмъ стану графа я женой!—

4.

Попрежнему у свѣтлыхъ водъ,
 Гдѣ пышно лилія цвѣтетъ,
 Гнѣздо свиваетъ лебедь бѣлый;
 Попрежнему безумно смѣлы
 Бойцы Шотланди родной,
 И надъ морекою глубиной
 Вдываются какъ прежде, горы...
 Но что же клятва лэди Норы?..
 Она дала обѣтъ иной:
 Быть графу доброю женой!

1895 г.

Пилигриммъ.

(ВАЛЛАДА)

В. П. Острогорскому.

ВСТУПЛЕНИЕ.

Капуль веселый Рождества, и пышный залъ въ огняхъ.
 Хотите выслушать разсказъ о стародавнихъ дняхъ?
 Волшебный свитокъ развернетъ невидимо поэтъ,
 Былому—слава и хвала, грядущему—привѣтъ!

1.

Пришли рождественскіе дни, въ Шотландіи родной
 Прощался благородный графъ съ красавицей женой.
 Онъ цѣловалъ и очи ей, и бѣдный мраморъ плечъ,
 И предъ разлукою повелъ онъ ей такую рѣчь;

— Когда зари багряной лучъ затеплится во мглѣ—
 Отправляюсь я въ далекій путь. Мой путь—къ Святой
 Землѣ.

Иду сражаться я съ ордой невѣрныхъ сарацинъ.
 Меня ты будешь ожидать семь лѣтъ и день одинъ?

И былъ прекрасный взоръ ея печалью омраченъ,
 И съ поблѣднѣвшихъ усть ея сорвался тихій стонъ:
 — О, благородный мой супругъ! Въ отсутствіи твоёмъ
 Кто охранитъ меня своимъ испытаннымъ мечемъ?

Кто изъ вассаловъ поведетъ твои дружины въ бой?
 И на кого оставишь ты свой замокъ родовой?
 И графъ отвѣтилъ:—У меня вассаловъ много есть,
 Вѣрнѣйшему довѣрю я жену мою и честь.

О. В. ЧЮМНА-МИХАЙЛОВА.

10

Какъ рыцарь, клятву я сдержу и какъ христіанинъ,
Пока сражаюсь я въ землѣ невѣрныхъ сарацинъ,
Молю тебя, краса моя, меня не забывай,
И пусть Господь поможетъ мнѣ въ родной вернуться
край!—

Но вотъ румяною зарей зардѣлись небеса,
Проснулся благородный графъ и съ ложа поднялся.
Лицо свое онъ освѣжилъ студеною водою;
Предъ нимъ почтительно стоялъ его вассалъ сѣдой.

Надѣты рыцарскій уборъ, съ опушкой спанча,
Сяютъ золотомъ шоломъ и рукоятъ меча.
И обращаясь къ старику, тутъ графъ ему сказалъ:
— Тебѣ я вѣрю, какъ себѣ, мой доблестный вассалъ!

Семь лѣтъ въ отсутствіи моемъ ты властвуи и суди,
И честь графини для меня ты свято соблюди.
Семь лѣтъ пробуду я вдали, и смѣло поручу
Все дорогое я тебѣ и твоему мечу.—

Но тотъ отвѣтилъ напрямикъ:—Труднѣе чѣмъ страну,
Отъ нападенія беречь и охранять жену.
На вѣрность брошенной жены, по мнѣ, надежды нѣтъ:
Я за семь дней не поручусь, не то что за семь лѣтъ!—

И, опечалясь, отошелъ отъ старца господинъ.
Но былъ тутъ рыцарь молодой, О'Фланагана сынъ;
Его увидѣлъ добрый графъ и сразу просвѣтлѣлъ:
— Ты юнъ годами, знаю я, но вѣренъ ты и смѣлъ.

Пока сражаюсь я въ землѣ невѣрныхъ сарацинъ,
Будь предводителемъ моихъ воинственныхъ дружинъ.
Графини вѣрность охраняй, дай клятвенный обѣтъ,
Что будешь ты блюсти ее семь долгихъ, долгихъ лѣтъ.—

Былъ вѣрнѣе рыцарь молодой, тверда его рука,
Но слишкомъ юности пора безопасна и пылка;

И молвилъ онъ:—Спокоенъ будь, мой благородный графъ,
Никто нарушить не дерзнетъ твоихъ священныхъ правъ.

Да будетъ-же къ святой землѣ твой путь благословенъ!
Я дамъ отпоръ твоимъ врагамъ и сберегу твой ленъ.
Твоя графиня сохранитъ супружескій обѣтъ,
Будь ты въ отсутствіи не семь, а цѣлыхъ двадцать лѣтъ!—

Развеселился добрый графъ, разгладилось чело,
И снова стало на душѣ и ясно, и свѣтло.
Въ далекій путь пустился онъ; на быстромъ кораблѣ,
Безъ свиты, онъ, какъ пилигримъ, отплылъ къ Святой
Землѣ.

2.

Прошли года. Сражался графъ съ ордою сарацинъ,
И вотъ семь лѣтъ уже прошло, остался день одинъ.
Въ канунъ великій Рождества онъ спалъ въ тѣни шатра;
И вдругъ услышалъ надъ собой!—Проснулся, графъ! Пора!

Другой беретъ жену твою, твой замокъ родовою.
Ему—и соколъ дорогою, и копь любимый твою.
На башнѣ поднять стягъ его, онъ въ замкѣ—властелинъ:
Къ вѣнцу графиню поведетъ О'Фланагана сынъ.—

Въ тоокъ проснулся добрый графъ.—О, лучше бь никогда
И не рождался я на свѣтъ для горя и стыда!
Терять наслѣдіе отцовъ мнѣ тяжело, но больнѣй
Утратить вѣрную жену, подругу свѣтлыхъ дней.

О, Боже правый, помоги! Покуда защищалъ
Я Гробъ Господень отъ враговъ, невѣрный мой вассалъ
Беретъ жену мою и ленъ, а я—вдали отъ нихъ
И оградить ихъ не могу отъ замысловъ лихихъ!—

Умилосердился Господь надъ рыцаремъ своимъ,
И былъ во снѣ перенесенъ въ отчизну пилигримъ.

Очнулся графъ, и видитъ онъ знакомыя мѣста:
Вотъ башня старая и ровъ подъемнаго моста.

И воды свѣтлыя рѣки, и мельница, и лугъ...
Онъ озирается, дрожа отъ радости, вокругъ.
Изъ трубъ клубится снѣгъ дымъ, вездѣ горитъ огни:
Настали радостные дни, рождественскіе дни.

И графъ на посохъ оперся и двинулся впередъ.
На старой мельницѣ никто его не узнаетъ.
— Скажи, хозяинъ, нѣтъ у васъ какихъ-либо вѣстей?
И есть-ли въ замкѣ празднество и много-ль тамъ гостей?—

— Какія вѣсти! Знаютъ всѣ—отъ князя до пажа,
Супруга новаго беретъ графиня госпожа.
Скончался благородный графъ, миръ памяти его!
Онъ господиномъ добрымъ былъ для края своего.

Я самъ, по милости его, здѣсь мельницу завелъ,
И вотъ, какъ только получу уплату за помолъ,
За упокой души его, въ придачу къ стихарю,
Я причту нашему еще на рясу подарю.—

И въ гору путникъ поднялся. Измученъ и усталъ,
У входа въ замокъ родовой онъ съ трепетомъ стоялъ.
— Пошли мнѣ силы, Боже мой! Въ очахъ и въ сердцѣ—
мракъ.

Не допусти, что-бъ былъ свершенъ грѣховный этотъ
бракъ!—

Онъ постучался у дверей. Былъ робокъ этотъ стукъ,
Едва не выпалъ молотокъ изъ ослабѣвшихъ рукъ.
— Скажи графинѣ: у воротъ—усталый пилигримъ,
Изъ Палестины онъ идетъ, усталостью томимъ.

Когда отверженнымъ увидеть отъ этой онъ двери,
Не видѣть болѣе ему сіянія зарю.

И если былъ ея супругъ графинею любимъ,
Приютъ радушия у нея да встрѣтитъ пилигримъ!—

Передъ графинею предсталъ съ докладомъ кастелянъ:
— О, госпожа, пришелъ сюда изъ чужедальнихъ странъ,
Изъ Палестины пилигримъ,—и приютить его
Во имя графа проситъ онъ, супруга твоего!—

И взволновали сердце ея завѣтныя слова.
— Пускай раздѣлитъ съ нами онъ веселье Рождества,
А такъ какъ имя онъ называетъ супруга моего—
Въ теченіи года замокъ мой да приютитъ его!—

3.

Дверь отворилася,—и графъ, не узнанный никѣмъ,
Вступилъ подъ сѣнь палаты своихъ, печаленъ, тихъ и нѣмъ.
Онъ опустился на скамью, и головой поникъ,—
И безконечнымъ для него казался каждый мигъ.

Нагнуло сразу на него и свѣтомъ, и тепломъ;
Не мало рыцарей и дамъ сидѣло за столомъ,
Сіялъ каменіемъ цвѣтнымъ роскошный ихъ нарядъ:
Свершиться въ полночь долженъ былъ вѣнчанія обрядъ.

Во всемъ расцвѣтъ красоты, въ уборахъ дорогихъ
Сидѣла тутъ его жена, а рядомъ съ ней—женихъ.
Разказы, нѣсни и вино лилися чередой,
И обратился къ пришлецу хозяинъ молодой.

— Да смолкнетъ лютни переборъ и звонъ веселый чашъ,
Неполни, Богомъ данный гость, обычай древній нашъ:
Потѣшь насъ нѣснею своею,—и золото, звеня,
Къ тебѣ посыплется въ кошель—наградой отъ меня!

„Печальной будетъ нѣснь того,
Кто одинокъ и сирь.

А былъ когда то для него
Отраденъ Божій міръ!

„Какъ ты, съ безоблачнымъ челомъ,
Вотъ такъ-же—юнъ и смѣль,
За пышно убраннымъ столомъ
Когда то онъ сидѣлъ.

„Въ нарядѣ вѣнчальный убрана,
Сидѣла рядомъ съ нимъ
Его красавица жена;
Какъ ты, онъ былъ любимъ.

Но шли года. Посеребрилъ
Густыя кудри снѣгъ,
И для того, кто полонъ силъ—
Покинутъ онъ навѣкъ.

„Утратилъ онъ родимый кровъ,
Богатство и почетъ:
Печальный гость чужихъ нпровъ—
О скорби онъ поетъ!“

Графиня тронута была. Скатила, дрожа,
Съ густыхъ рѣсницъ ея слеза,—и, подозревая нажда,
Велѣла гостю отнести немедленно она
Тяжелый кубокъ золотой янтарнаго вина.

И принялъ благородный графъ душистое вино
И въ кубокъ перстень дорогой онъ опустилъ на дно,
Тотъ самый перстень золотой, залогъ священныхъ узъ.
Которымъ ею былъ скрѣпленъ когда то ихъ союзъ.

И молвилъ благородный графъ стоявшему пажу:
— Твою услугу, можетъ быть, я щедро награжу,
Исполни то, что я скажу: къ графинѣ ты ступай
И съ кубкомъ этимъ мой привѣтъ и перстень передай.—

И пажъ приблизился къ столу, колѣна преклоня.
— О, госпожа! Достойный гость тебѣ черезъ меня
Вотъ съ этимъ кубкомъ золотымъ шлетъ перстень и
привѣтъ
И счастья молитъ онъ тебѣ на много, много лѣтъ!

Графиня съ трепетомъ взяла знакомое кольцо,
И поблѣбло, словно снѣгъ, прекрасное лицо,
И замеръ вопль въ ея устахъ, рыданьемъ заглушенъ:
— Кольцо супруга моего! Онъ живъ! Вернулся онъ!

И слезы градомъ полились. (Чѣмъ вызваны онѣ?
Объ этомъ знаютъ, можетъ быть, красавицы однѣ).
Но къ графу кинулась она, Творца благодаря,
Не допустившаго ее солгать у алтаря.

Пусть не винитъ ее супругъ ея и господинъ:
Она ждала его семь лѣтъ, семь лѣтъ и день одинъ!
Она хранила свой обѣтъ, но въ эту полночь срокъ,
Когда-то графомъ для нея назначенный, истекъ,

Тутъ подошелъ О'Фланаганъ и на колѣна палъ,
— Нарушилъ клятвенный обѣтъ невѣрный твой вассалъ,
Возьми-же, благородный графъ, мой закаленный мечъ,
И голова моя пускай падетъ сейчасъ-же съ плечъ!—

Но графъ отвѣтилъ:—Поумнѣлъ твой старый господинъ,
Пробывъ отъ родины вдали семь лѣтъ и день одинъ,
Невѣстой стала дочь моя; красавицей въ краю
Она слыветъ,—и въ жены я тебѣ ее дам!

Двѣ свадьбы праздноземъ заразъ: женѣ — супругъ съдой,
А юной дочери ея—красавецъ молодой.
Хвала—сдержавшей свой обѣтъ и преданной женѣ,
Хвала тебѣ, мой кастелянъ, открывшій двери мнѣ:

Вѣдь, запоздай сегодня я всего на часъ одинъ—
Утратилъ бы права свои твой старый господинъ!—

И ликовало все кругомъ, и въ праздникъ Рождества,
На мѣсто брака одного—ихъ праздновалось два!

Блѣднѣютъ свѣчи, камелекъ пылающій погасъ,
О стародавнихъ, чудныхъ днѣхъ кончается разсказъ...
Глядитъ въ окно святая ночь, морозна и свѣтла:
Зарѣ грядущаго привѣтъ, минувшему, хвала!

1896 г.

Изъ Роберта Бернса.

Видѣніе.

У баши стоялъ я, у старыхъ развалинъ,
Поросшихъ стеблями травы;
Вдали раздавался, тревожно печалепъ,
Рыдающій окрикъ совы.

Царило безмолвье надъ спящею стѣною,
Лишь гдѣ-то кричала лиса,
И падали звѣзды огнистою цѣпью,
Собой бороздя небеса.

Рѣка омывала старинныя стѣны,
И мимо разрушенныхъ плитъ
Катилась къ утесамъ, гдѣ въ облакѣ плѣны
Потокъ не смолкая бурлитъ.

Въ холодноль сіяньѣ, какъ легкія тѣни,
Какъ дымъ, улетающій въ высь,—
Во мгль вереницы туманныхъ видѣній
Стезю воздушною неслись.

Я голову поднялъ,—и вдругъ изъ ложбины,
Вперя сверкающій взоръ,
Явился мнѣ призракъ, носившій старинный
Шотландскаго барда уборъ.

Вся мощь вѣковая родного народа
Свѣтилась въ чертахъ у него,

И явственно лозунгъ священный — свобода!
Видѣлся на шлемѣ его.

Загълъ онъ,—такой вдохновенною силою
Была эта нѣсеня полна,
Что мнилось: и взятыхъ на вѣки могиллою
Для жизни разбудитъ она.

Восторженно глѣть онъ о дняхъ мпнованныхъ,
О дняхъ наступившихъ съ тоскою,
И звукъ этихъ нѣсень, мнѣ въ сердце занавившихъ,
Остался на вѣки со мной.

С м е р т ь .

Ты, бичъ великій мірозданья,
Чье смертоносное дыханье
Уноситъ царства и людей —
Привѣтъ тебѣ съ твоею свитой:
Душой, страданіемъ разбитой,
И не боюсь грозы твоей.

Стрѣла твоя, сразивъ жестоко
Любви моей и жизни цѣль,
Пронзла сердце мнѣ глубоко
И въ немъ трепещетъ и досель.
И вижу я безъ содроганья,
Какъ надъ поникшей головой
Изъ темной тучи грозовой,
Сверкаетъ молніи сіянье.

Зову тебя, слѣпая сила!
Все, что живетъ, и все, что жило —
Тебя страшится и клянетъ;
Но я зову тебя, какъ друга,
Приди ко мнѣ, какъ гнетъ недуга,

Страхни постылый жизни гнетъ!
Желанное успокоенье —
Когда придетъ оно, когда?
И сердца скорбнаго биенье
Въ гробу затихнетъ навсегда?
Въ чертахъ безжизненныхъ—ни страха
Ни горькихъ слезъ, ни мукъ былыхъ!
Могильный холодъ, царство праха
И сонъ въ объятіяхъ твоихъ!

Довольство судьбой.

Свободенъ и весель, я малымъ доволенъ;
Міръ Божій мнѣ кажется чудно приволенъ;
Я радуюсь солнцу, я радуюсь дню,
И призракъ заботы я нѣсней гоню.
Взгрустнется-ль порой подъ ударомъ судьбы —
Я вспомню, что жизнь намъ дана для борьбы;
Веселье равняется звонкой монетѣ,
Свобода же — санъ высочайшій на свѣтѣ,
И этого сана лишитъ не могли
Великіе міра—ничтожныхъ земли!
Мой путь не безъ терній, но разъ ужъ пройденъ —
Кто вспомнитъ, какъ труденъ былъ путнику онъ?
Фортуны слѣпую мы часто поносимъ,
Но какъ бы ея ни звалися дары:
Любовь, нѣспопѣнья, работа, пиры, —
На все отвѣчаю я: — милости просимъ!

М о л ь б а .

Осенній день бросаетъ тѣнь
На рощи и луга,
Въ горахъ—глубокъ—бѣжитъ потокъ
И бьется въ берега.

Тумана мгла кругомъ легла
И буря — все грознѣй,
Но мнѣ туманъ и ураганъ
Милѣе вѣшнихъ дней.

Грозы порывъ и водъ разливъ
Сродни душѣ моей;
Любовь — мертва, она — миства,
Онавшая съ вѣтвей.
Но если свѣтъ минувшихъ лѣтъ
Не свѣтитъ въ вѣщищѣ,
Дай силу жить и позабыть,
Дай примиренье мнѣ.

Осенній туманъ.

Повѣяло первымъ дыханьемъ зими,
Покровомъ туманнымъ одѣлись холмы,
Скрывая бѣгущій въ долину ручей.
Ни красокъ осеннихъ, ни яркихъ лучей!
Тоскливо поникнуть безлиственный боръ;
Въ поляхъ, потерявшихъ зеленый уборъ,
Печально брожу я по листьямъ сухимъ,
Одною неотвязною думой томимъ.

Какъ время уходитъ, и день ото дня
Преслѣдуетъ жребіи суровыи меня;
Какъ много я прожилъ, какъ тицетно я жилъ,
Какъ мало осталось и жизни и силъ, —
Какъ все измѣнили истекшіе дни
И узы какія порвали они!
Безпечно мы съ пѣсней въ гору идемъ,
Но грустно плетемся обратнымъ путемъ.
Ужель за предѣлами жизни земной
Нѣтъ высшаго смысла и жизни иной?

Солнце и мѣсяцъ.

Растопились снѣга,
Зеленѣютъ луга,
Омываемы свѣтлой волною,
Только въ сердцѣ печаль,
И кого-то мнѣ жаль,
Кто сюда не вернется весною...
Словно солнечный свѣтъ,
Неизмѣнный привѣтъ
Ежедневно несущій вселенной:
Такъ любила и я,
Такъ была и моя,
Молодая любовь неизмѣнной.
Но, увы, холодна
И какъ мѣсяцъ блѣдна
Мнѣ любовь его часто казалась:
Измѣнялась она,
И какъ въ небѣ луна —
Съ каждымъ разомъ она уменьшалась.

На чужбинѣ.

Я сердцемъ не здѣсь, я въ шотландскихъ горахъ,
Я мчусь, забывая опасность и страхъ,
За дикимъ оленемъ, за ланью дѣсной, —
Гдѣ бы ни былъ, я — сердцемъ въ отчизнѣ родной.

Шотландія, смѣлыхъ борцовъ колыбель,
Стремлений моихъ неизмѣнная цѣль,
Съ тобой я разстался, но въ каждомъ краю
Люблю я и помню отчизну мою!

Простите, вершины скалистых горъ,
Долинъ изумрудныхъ цвѣтущихъ просторъ!
Простите, поляны и рощи мои,
Простите, потоковъ шумящихъ струи!..

Я сердцемъ—въ родимыхъ шотландскихъ горахъ;
Я мчусь, забывая опасность и страхъ,
За дикимъ оленемъ, за ланью лѣсной,—
Гдѣ бы ни былъ, я—сердцемъ въ отчизнѣ родной.

Избранники.

Чѣмъ прекраснѣй она и изящнѣ
На высокомъ и тонкомъ стеблѣ—
Тѣмъ грозой налетѣвшей сильнѣ
Пригибаетъ лилею къ землѣ.

Чѣмъ отраднѣй съ зарею румяной
Пѣсня птички въ лазури звенитъ—
Тѣмъ вѣрнѣй надъ добычей желанной
Черной точкою ястребъ кружитъ.

И чѣмъ дальше отъ насъ совершенство—
Тѣмъ къ себѣ неотступнѣй влечетъ;
Величайшее въ мѣрѣ блаженство—
Величайшее горе несетъ.

Красавицѣ.

Прекрасна ты, въ томъ нѣтъ и спору.
Я жаждалъ бы твоей любви,
Когда бы ты милости свои
Не расточала безъ разбору.

И кто увлечь тебя не могъ
И обмануть готовою сказкой?
Ты—словно вѣшній вѣтерокъ,
Дарящій всѣхъ своею лаской!

Взгляни на розу: межъ листвою
Она скрывается отъ взора,
Небрежно сорвана рукою,
Она увянетъ слишкомъ скоро.

Ты, къ наслажденію стремясь,
Цвѣтешь такою же красою,
Но дерзкой сорвана рукою,
Погибнешь, брошенная въ грязь!

Въ грозу.

Мнѣ снилась долина, залитая блескомъ,
Весеняго полдня краса,
И рѣчка, бѣгущая съ радостнымъ плескомъ,
И птичекъ лѣсныхъ голоса.
Но вдругъ отдаленнаго грома угрозы,
Какъ стонъ пропеллись въ тишинѣ,
И вѣтви склонивъ, зашумѣли березы,
Гроза потемнѣвшей волнѣ...

Такъ было и въ жизни со мною когда-то:
Весеняго полдня лазурь!
Смѣшили собою въ минуту заката—
Порывы суровые бурь.
Развѣяли бурные вихри собою
Цвѣтущее счастье мое.
И все жъ устоять я, какъ дубъ подъ грозой,
И грудью встрѣчаю се.

П ъ с н я.

Я женатъ и не для свѣта,—
 Для меня жена моя,
 За душой одна монета,—
 Но ея не запыль я.
 Въ долгъ ничѣмъ я не сужаю
 Изъ сосѣдей никого,
 Да и самъ не занимаю
 У сосѣда ничего.
 Не бывалъ я господиномъ
 И слугой ни для кого,—
 Но съ мечомъ моимъ стариннымъ
 Не страшусь я ничего!
 Пусть мой голосъ мало значить,
 Пусть живу я бѣднякомъ—
 Обо мнѣ никто не плачетъ.
 Я не плачу ни о комъ!

Н е р о в н я.

За долиною той старый Робинъ живетъ,
 И ему ото всѣхъ по заслугамъ почетъ.
 И земель, и казны вдоволь есть у него.
 Но красавица дочь мнѣ дороже всего.

Хороша, какъ весенняя зорька, она,
 И, какъ вечеръ весенній, кротка и ясна,—
 Беззаботна, какъ лань,—и для сердца милѣй,
 Чѣмъ сіяніе дня для печальныхъ очей...

Но не пара мы съ ней: древнимъ именемъ гордъ,
 Старый Робинъ отецъ—по рожденію лордъ,
 Я же сынъ бѣдняка и, любовь затая,
 Знаю: въ этой любви смерть таится моя.

И не радостно свѣтъ я встрѣчаю дневной
 И забвенія нѣтъ мнѣ порою ночной,
 Я какъ призракъ брожу, не могу я уснуть,
 И щемная боль надрываетъ мнѣ грудь.

Будь не графская дочь, а проста и бѣдна—
 Улыбнулась бы мнѣ, пожалѣла бы она;
 И для счастья тогда не хватило бы рѣчей,
 Какъ въ рѣчахъ не изгнать мнѣ печали моей!

Лордъ Грегори.

Бунуетъ буря, ночь темна
 И у твоей двери,
 Я одинока и грустна
 Стою, лордъ Грегори.

Меня отринула семья
 За то, что я люблю!
 Пусть не любима больше я —
 О жалости молю.

Ты поминишь тѣнь густыхъ аллей,
 Гдѣ, вивявъ твоей мольбѣ,
 Впервые я въ любви своей
 Открылася тебѣ?

Мнѣ въ душу рѣчь твоя лилася,
 И вѣрности полна—
 Тебѣ навѣки въ этотъ часъ
 Довѣрилася она.

Но ты жестокъ и лживъ душой,
Слова твои—обманъ!
О, разразись же надо мной
Ты смертью, ураганъ!

Казни меня, меня одну
Небесною стрѣлой.
И отпусти его вину
Предъ Господомъ и мной!

Д ж е н н и

(баллада).

Дженни платье разорвала:
Прицѣпился колосъ;
За собой она слыхала
Въ полѣ чей-то голосъ.

Дженни бѣдная бѣжала
Все по бездорожью,
Дженни платье разорвала,
Пробираясь рожью.

Если кто встрѣчалъ кого-то
Въ полѣ знойнымъ лѣтомъ—
Что кому-то за охота
Толковать объ этомъ?

Если кто во ржи кого-то
Цѣловалъ случайно—
Не для насъ объ томъ забота
И не наша тайна.

Веселый вдовецъ.

Женился я осеннимъ днемъ:
Безумью пѣть предѣла,
И оттого-то сентябремъ
Жена моя глядѣла.

Я четверть вѣка прожилъ съ ней,
Былъ мужемъ терпѣливымъ,
Но ни одинъ изъ этихъ дней
Не назову счастливымъ.

Влачилъ я долго бытiе,
Томяся и страдая,
Но смерть похитила ее,
Меня освобождая.

Витаеть духъ ея въ аду,
Паритъ-ли въ горнемъ мѣстѣ—
Куда угодно я пойду,
Но лишь не съ нею вмѣстѣ.

Въ могилѣ прахъ похороненъ,
Но милости Господней,
А духъ ея? Не пужень онъ
И чорту въ преисподней!

Когда-жъ грозъ внимаю я,
Потрясешъ стѣны дома—
Мнѣ голосъ слышится ея
Среди раскатовъ грома.

Когда сгустятся облака
Въ темнѣющей лазури—
Ея душа опять близка
Моей—въ порывахъ бури!

1895 г.

Изъ Роберта Гамерлинга.

Голосъ истины.

(Сонетъ).

Пусть голосъ истины побѣдно
Надъ міромъ грянетъ, какъ раскатъ,
Пусть онъ гудитъ трубою мѣдной,
Нль раздастся, какъ набатъ—

Призывъ его пройдетъ безслѣдно:
Борьбы и ненависти адъ,
Шипѣнье зависти зловредной—
Его на время заглушатъ.

Но чѣмъ озлобленіе крики,
Чѣмъ громче ревъ упорно дикій—
Тѣмъ онъ скорѣе отшумитъ;
А слово истины спокойной
Звучитъ разумно и достойно,—
Оно въ грядущемъ побѣдитъ.

Лилея и Лебедь.

Эмблема чистоты, прекрасная лилея,
Ты—лебедь межъ цвѣтовъ, пошла надъ ручьемъ
Ты въ одиночествѣ мистическомъ своемъ,
Небесную мечту въ душѣ своей держи.

О, лебедь, свѣтлыхъ водъ роскошнѣйшій цвѣтокъ,
Вдали отъ суеты, одною душой полный,
Серебрянымъ крыломъ ты разѣкаешь волны,
Въ своихъ возвышенныхъ мечтаньяхъ одинокъ.

Чей духъ, непокошенный стремленіемъ высокимъ,
Его дорогою свободною ведетъ—
Какъ лебедь, какъ цвѣтокъ на ложѣ свѣтлыхъ водъ—
Тотъ долженъ навсегда остаться одинокимъ.

1895 г.

Два облака.

Свободно, радостно, легко,
Разставшись съ тучками другими,
Въ эфиръ снемъ высоко
Несется облако надъ нами.
Ирой лучей озарено
И яркимъ пурпуромъ блистая,
Въ лучахъ заката словно тая,
Исчезнетъ медленно оно.

За нимъ по небу голубому
Другое облако плыветъ;
Его, какъ первое, влечетъ
Къ красѣ и къ солнцу золотому,—
Но отгорѣть не суждено
Ему съ вечерними лучами:
Надъ шивой горькими слезами
Прольется дождикомъ оно.

1895 г.

З в ѣ з д ы.

Много звѣздъ во мракѣ ночи
 Мигъ сіяетъ съ вышины;
 Много звѣздъ чаруетъ очи
 Пѣть подводной глубины.

Высоко на небѣ чистомъ
 Льетъ ихъ волшебный свѣтъ;
 Но къ созвѣздыямъ золотистымъ
 Для меня дороги нѣтъ.

Глубоко въ пучинѣ водной
 Блещутъ звѣзды сквозь туманъ,
 Но, увы, ихъ свѣтъ холодный—
 Только призракъ и обманъ.

Символь счастья жестоко,
 Звѣзды, вами воплощень;
 Все небесное—далеко,
 Все земное—тѣнь и сонъ.

1895 г.

*
*
*

Если-бы сонмы плывущихъ въ эфирѣ міровъ
 Душу имѣли—въ теченіи многихъ вѣковъ
 Правильный ходъ совершать не могли бы свѣтила.
 Въ тѣхъ, кто душою страдать и бороться привыкъ—
 Въ тѣхъ изсякаетъ безвременно жизни родникъ;
 Долго живетъ лишь стѣнная, бездушная сила.

1895 г.

Подъ гнетомъ.

Бываютъ дни, когда на всемъ просторѣ
 Мы чувствуемъ необъяснимый гнетъ, —
 Какъ будто бы невѣдомое горе
 И тайный страхъ природу всю гнететъ.

Не дышетъ лѣвъ; текутъ безцумно воды;
 На всемъ лежитъ уныніе и мгла;
 И кажется, что жизнь самой природы
 Въ предчувствіи тяжеломъ замерла.

И ядены среди злобщаго молчанья:
 Когда-жъ гроза надъ міромъ прогремитъ
 И потрясетъ его до основанья,
 Пль сердце намъ собой непенелить?..

1895 г.

С о н е т ь:

Пришла весна; дарамъ ея богатымъ
 Дивилися, ловя ихъ на расхватъ.
 Песла она: даръ нѣсія — пернатымъ,
 Лазурь — волгѣ и розамъ — ароматъ.

Пришла весна, и вотъ, съ ея возвратомъ,
 Одѣлся вновь листвою зеленой — садъ.
 И даль луговъ — въ весенній свой парядъ;
 Новѣяло красою и ароматомъ.

Когда-жъ позть, весною обдѣленъ,
 Предетать предъ нею, — промолвила царица:

— Не многимъ здѣсь быть каждый награжденъ,
Тебѣ, пѣвецъ, даровъ моихъ конница:
Разлитыя кругомъ красу и свѣтъ —
Ты соберешь въ дунѣ своей, поэтъ!

1895 г.

К ъ п т а ш к ѣ.

О, не поѣ, пѣвунья-птанка,
Подъ моихъ окномъ!
Замолчи, — мнѣ слышать тяжело
Пѣсню о быломъ.

И къ томлящимся въ неволѣ
Ты не прилетай,
Жажду счастья, жажду воли
Въ нихъ не пробуждай.

Не спускайся надъ дерновой
Пасынью могилъ
И не поѣ о жизни новой
Тѣмъ, кто оочнеть...

Избѣгай страдавшихъ тяжело,
Тѣхъ, кто не любимъ;
Не садись, пѣвунья-птанка,
Подъ окномъ моихъ!

1895 г.

Изъ старыхъ мелодій.

Пусть тобой внушена пѣснопѣнья —
Отъ тебя имъ внимать я не въ силахъ;
Эти пѣсни въ устахъ твоихъ милыхъ —
Сокровеннаго полны значенья.

И мое колебанье понятно:
На призывы я каждую отвѣта,
Но стрѣлу моихъ пѣсенъ обратно
Направляешь ты въ сердце поэта.

* * *

Солнце любить пѣвкий ропотъ набѣгающей волны,
И порой ее ласкаетъ съ недоступной вышины;
Для нея оно не кинетъ голубой небесный сводъ,
Но глубоко образъ солнца отраженъ лазурью водъ.

1895 г.

Звукъ и слово.

Обрывки тучъ несутся,
Плыветъ созвѣздій рои,
И жаворонки вьются
Въ лазури голубой.

Влекомы вдохновеньемъ
Къ далекимъ небесамъ,
Небеснымъ пѣснопѣньямъ,
Они внимаютъ тамъ.

И вѣсти о чудесномъ
Намъ каждый принесетъ —
О дольнемъ, о небесномъ —
Съ заоблачныхъ высотъ.

И въ звонкихъ переливахъ
Разкажетъ ихъ ручьямъ,
И колоде на пивахъ,
И вѣтру, и цвѣтамъ.

Шепчуть волги́ залива
 О томъ же лунный свѣтъ.
 Услышишь ихъ пылливо
 Внимающій поэтъ,—

И тайной неземною
 Нагѣва овладѣвъ,
 Опъ музыкаю слова
 Переведеть нагѣвъ.

1895 г.

Фалесъ.

Забывъ о земномъ, о его суетѣ и тревогѣ,
 Любуясь сіяніемъ звѣздныхъ небесъ,
 Споткнулся и въ лужу упалъ на дорогѣ Фалесъ.

И тутъ, обгоняя его по дорогѣ,
 Вскричала торговка: «Ты лучше глядѣль бы подъ ноги,
 О, мудрый учитель, чѣмъ звѣзды считать въ небесахъ!»
 А такъ какъ на свѣтѣ не мало подобныхъ торговокъ,
 Отвѣтъ ей многимъ покажется ловокъ,
 А мудрый Фалесъ, безъ сомнѣнья, смѣяющъ въ ихъ глазахъ?
 И все же скажу я: покуда намъ сѣтью алмазной
 Сіяютъ свѣтила на небѣ высокомъ—всегда
 Мыслителя взоры скорѣи обратятся туда,
 Чѣмъ къ лужѣ глубокой и грязной.

1895 г.

Разладъ.

И не вправѣ любить, и забыть не могу,
 И терзаюсь душою я на каждомъ шагу;
 Быть съ тобою нельзя, а разтаться нѣтъ силъ,
 Безъ тебя-же весь міръ—безнадежно унылъ;
 О забвеньи моля, проклятая недугъ,
 Я ницу этихъ ягучихъ и сладостныхъ мукъ.

И забыть не могу и не смѣю любить.
 Ни порвать, ни связать эту тонкую нить!
 И разлуки съ тобою я не въ страхахъ снести
 И нельзя намъ идти по тому-же пути.
 Безнадежной судьбы ужъ таковъ приговоръ;
 Кто пойметъ, кто рѣшитъ этотъ тягостный споръ?

И во мракѣ ночей и въ сіяніи дня
 Та-же дума крушитъ и терзаетъ меня:
 Быть съ тобою нельзя, а разтаться—нѣтъ силъ,
 И недугъ роковой мнѣ мучительно миль.
 И забыть не могу, и не вправѣ любить.
 Чѣмъ рѣшу я вопросъ? какъ съ собою мнѣ быть?

1895 г.

Псаломъ жизни.

О, радостный лучъ бытія,
 Ты блещешь зарею багряной
 Надъ полною тайны ширваной,
 Сливаешь съ пучиной ея!
 О, волны житейскаго моря,
 Волненье борьбы и побѣды,
 И отдыхъ—работъ во слѣдъ,
 Порывы блаженства и горя!

И съ каждымъ цвѣткомъ полевымъ
 Хотѣлъ бы воскреснуть весной,
 И съ каждой вечерней звѣздой
 Подъ сводомъ сіять голубымъ.
 И съ облакомъ плыть надъ долиною,
 И каждому вторить ручью,
 И въ пѣснь пзнить лебединой
 Хотѣлъ бы я душу мою!

Хотѣть бы я въ солнечномъ блескѣ
 Съ лучиною слиться морскою
 И съ нею же—гнѣвною сѣдою
 Дробиться и въ шумѣ, и плескѣ...
 Хотѣть бы съ громадою тучъ
 Я вихремъ упасть на долины,
 И рухнуть, какъ дубъ, чьей вершинны
 Коснулся божественный лучъ.

1895 г.

Завѣщаніе.

Пламя люблю я, когда съ высоты
 Свѣтитъ оно яркой розею звѣздною,
 Молніи блескомъ сіяетъ надъ бездною
 Намъ съ высоты.

Воздухъ люблю я, свободный эфиръ!
 Въ немъ, высоко надъ скалистыми кручами,
 Посяетъ вихри съ орлами и тучами,
 Зыбля прозрачный эфиръ.

Волны люблю я—въ теченьѣ своемъ
 Вѣчно шумливыя, вѣчно бѣгущія,
 Къ каждому берегу ласково льнущія,
 Въ вѣчномъ теченьѣ своемъ.

Землю, гдѣ вѣтъ отрадный покой,
 Сердцемъ люблю я! По лугу зеленому
 Сладостно взору бродитъ утомленному,
 Сладостнѣйшій вѣчный покой.

Имъ завѣщаю я душу и прахъ:
 Пламени—духъ мой, эфиру безбрежному—
 Душу мою, океану мятежному—
 Сердце, земль же—мой прахъ.

Духу огнемъ пламенѣть суждено,
 Жадно стремиться душѣ къ безконечному,
 Сердцу—отдаться волненью вѣчному,
 Праху—пепелѣтъ суждено.

1895 г.

Служеніе красотѣ.

(Советъ).

Кто сдѣлался жрецомъ добра и красоты,
 Тотъ полный горечи извѣдаетъ напикотъ,
 И встрѣтитъ на пути возвышенныхъ попытокъ,
 Шипѣнье зависти и ропотъ клеветы.

Кого вѣчаютъ лавры и цвѣты—
 Находить въ нихъ порою и тернія избытокъ,
 И откровенія развертывая свитокъ,
 Слезою платитъ онъ за свѣтлыя мечты.

Ему, нарядному въ недостижимыхъ грезахъ,
 Какъ жизнь его порою ни полна—
 Не суждено покониться на розахъ:
 Избранникъ музъ, кѣмъ смерть побѣждена,
 Предъ игомъ жизни, чуждымъ и напоенымъ,
 Склоняется челомъ побѣдоноснымъ.

1895 г.

Сила любви

(Macht der Minne).

Есть ли гдѣ такая сила,
 Чтобы сердцу запретила,
 Въ уносѣи тревожномъ,
 Жить мечтою о невозможномъ,—

И, въ душѣ желѣя свято
Милый образъ, безъ возврата,
Навсегда отдаться власти
Роковой, безумной страсти?

Не одинъ, судьбы избранникъ
Передъ ней—невольный данникъ—
Въ жизни этой преклонялся,
Умирая—улыбался.
Сколько славныхъ и безвѣстныхъ
Навсегда въ могиллахъ тѣнилахъ,
Повинуясь этой силѣ,
Отъ страданій опочили!

Сколько ихъ—безумья полны
Черезъ пламя, черезъ волны
Вмѣстѣ шли въ андѣ безмолвнѣй,
Отдавая жизнь и кровь!
Неизбѣжна ты, могила,
Плодотворна—жизни сила,
Но обѣихъ побѣдила
Всемогущая любовь.

1895 г.

О р е л ь .

Тѣшитъ орла безграничный небесный просторъ.
Въ вѣчномъ стремленьѣ къ чертогамъ лазурнымъ,
Смѣло купаешь въ сіяньѣ пурпурномъ,
Въ солнцѣ безстрашно вперяетъ онъ взоръ.

Даромъ сугубымъ природа его надѣлила,
Щедро его одарила она:
Зоркость орлиному взору дана,
Мощнымъ крыламъ—небывалая сила.

Крылья такія же духу природа даетъ,
Но безъ орлиного смѣлаго ока.
Если же взоромъ онъ въ высь проникаетъ глубоко,
Нѣтъ ему крыльевъ, чтобъ съ ними достигнуть высотъ.

1895 г.

Ночныя вѣянія.

Чу! вершина ели
Шепчетъ въ послусиѣ,
Словно прошумѣли
Крылья въ вышнѣхъ...

Что пророчитъ шопотъ—
Тайною полна,
И сама не знаетъ
Этого она.

Такъ въ душѣ порою
Тренетный испугъ,
Тихія созвучья—
Возникаютъ вдругъ...

Что въ нихъ: близость горя?
Радость торжества?
Смутно въ насъ глаголетъ
Голосъ божества.

1895 г.

Одиночество.

Безмятежнымъ все дышетъ покоемъ,
Надъ землею—волшебные сны;
Только море немолчнымъ прибоемъ
Бьется въ берегъ при свѣтѣ луны.

Тамъ, у берега, чудная роза
 Распустилась съ возвратомъ весны
 Къ ней несутся: влюбленная греза
 И вечерніе вздохи волны.
 И вдыхаетъ волна:—Белльбъ стала
 И жемчужною каплей росы—
 И слезою бы чистой блистала
 Въ сердцевинѣ у розы-красы.
 Но напрасно во мракъ ей внятно
 Все о томъ же лепечуть струи:
 Ей томленье мое непонятно,
 Непонятны ей вздохи мои.
 И влекутъ меня звѣзды-царицы:
 На прозрачную влагу мою
 Проливаютъ огнь—чаровниці—
 Золотаго сіянья струю.
 Но, увы! безконечно далеко
 Отъ меня алой розы уста
 И сіяетъ изъ бездны глубокой
 Недоступныхъ свѣтлыхъ красота!---

1895 г.

Жрецъ богини Герты.

(поэма)

На сѣверномъ прибрежьи, у свинцовыхъ
 Шумящихъ волнъ, въ тѣни вѣтвей сосновыхъ
 Богини жрецъ задумчиво сидѣлъ.
 И страшныхъ думъ кружилась вереница
 Въ его мозгу, и взоръ его горѣлъ...
 Невдалекѣ богини колесница

Видялася, передъ которой всѣ
 Склонялися, хотя никто досель—
 И самые жрецы—не лицезрѣли
 Богини ликъ во всей его красѣ:
 Алтарь ея, скрываемъ темной тканью,
 Былъ недоступенъ смертныхъ созерцанью.

Но юнаго жреца все существо
 Безуміе желанья охватило,
 Оно росло съ неудержимой силой:
 Онъ хочетъ знать и видѣть божество!

Онъ поднялся, и къ алтарю богини,
 Не трепетнымъ хранителемъ святыни
 Приблизился,—но, блѣдень и суровъ,
 Какъ дерзкій воръ, сорвалъ съ нея покровъ!
 И что-же?.. Тамъ, гдѣ, тайну нарушая,
 Не стаялъ досель еще никто—
 Лишь пустота зіяла роковая,
 Зіяло грозное *ничто*.

Но взоръ его все ярче разгорался
 И въ пустоту проникнуть онъ старался,
 А тьма кругомъ зіяла все мрачнѣй,
 Зловѣщѣ; какъ хлопья снѣговья,
 Передъ глазами искры огневья
 Кружилися и вихрилися въ ней...
 А онъ глядѣлъ. Предъ нимъ—безумно дикъ
 Являлися чудовищные лики
 И страшныя видѣнья безъ числа,
 Дышавшія презрѣніемъ и гнѣвомъ...
 И ширилася бездна и росла
 У ногъ его, готовясь страшнымъ зѣвомъ
 Пожрать его и цѣлый міръ... И онъ
 Отпрянулъ вдругъ, и, страхомъ ослѣпленъ,
 Онъ ринулся въ бушующее море.

ЧЮМИНА-МИХАЙЛОВА.

Тогда жрецы воскликнули:—О, горе!
 Онъ палъ, огнемъ священномъ опаленъ,
 Приблизившись къ своей богинѣ Гертѣ!
 Никто не зналъ, что самъ на встрѣчу смерти
 Онъ кинулся безумно съ высоты—
 Испуганъ, ослѣпленъ зияшемъ пустоты.

И з ъ В. Г ю г о.

П о э т ъ.

Sa parole luit comme un feu...

Держа въ рукахъ святую лиру,
 Проходитъ онъ, далекий міру
 И чуждый долей суеты.
 Вся жизнь его—лишь трудъ суровый,
 Его чело вѣнокъ лавровый
 Собою вѣнчаетъ, не цвѣты.

Земная скорбь, земныя нужды
 Дунгъ возвышенной не чужды,
 Поэтъ лишь радостей лишентъ.
 Безсмертною увѣнчанъ славой,
 Слезой отчаянья кровавой
 За эту славу платитъ онъ.

Онъ все клянеть: и радость пашу,
 И опьяняющую чашу,
 Гдѣ въ нектарѣ таится ядъ.
 И жизнь, и свѣтъ, и вдохновенье,
 И тѣ небесныя видѣнья,
 Что сердцу счастья не сулятъ.

Онъ прозрѣваетъ вѣщимъ окомъ
 Все, что открылося пророкамъ,
 Но самъ онъ—ташна для людей.
 Небесъ чистѣйшіе восторги
 И упоенье дикихъ оргій—
 Постигнулъ онъ душою своею.

Когда враждою горитъ полъ-міра,
 Вѣщать слова любви и мира
 Его порою муза шлетъ.
 И онъ сомнѣнія не зная,
 Какъ Моисей съ высотъ Синая,
 Нисходитъ съ пламенныхъ высотъ.

И жгутъ слова его, какъ пламень,
 И имъ внимаютъ даже камни,
 И сила духа не мертва!
 Онъ смотритъ вдаль снокопнымъ окомъ,
 И на челѣ его высокою
 Сіяетъ отблескъ Божества.

* * *

Quand l'impie a porté l'outrage au sanctuaire...

Когда осквернена святыня дерзновенно—
 Испуганный народъ снѣшитъ покинуть храмъ,
 И только вѣрныи жрецъ богини неизмѣнно
 Еще восторженнѣи склоняя тамъ колѣна,
 Приноситъ ей мольбы и куритъ фиміамъ.

Свобода Франціи, и ты лежишь во прахѣ,
 Но съ вѣрою презнею, въ благоговѣнномъ страхѣ
 Спѣшатъ жрецы твои къ разбитымъ алтарямъ...

1894 г.

С о ж а л ѣ н і е.

Недолго длилися счастливыя мигновенья.
 Въ объятыхъ счастья на мигъ забывшись спомъ,
 Обмануты мы имъ, какъ жертва обольщенья,
 Что видитъ вдругъ, въ минуту пробужденья,
 Себя покинутой ташкомъ.

Съ тѣхъ поръ грустя о немъ и на пути встрѣчая
 Лишь блескъ и мишуру веселья одного —
 Съ воспоминаніемъ утраченнаго рая,
 Блауждаемъ мы отъ края и до края,
 Не находя его.

Я твердо оттолкну напитокъ наслажденья,
 Соблазну я скажу:—Дары твои—позоръ!
 На смѣну счастью явилось сожалѣнье,
 А ты во слѣдъ себя оставишь угрызенье
 И роковой укоръ.

Печаль души своей я не открою міру
 И не повѣдаю испытаннымъ друзьямъ.
 Въ часы унынія отъ нихъ я прячу лиру.
 Съ улыбкою веселому ихъ клиру
 Я вторю самъ.

Не каждый ли изъ нихъ страдаетъ одиноко?
 Но вмѣсто жалобы онъ нихъ мы слышимъ смѣхъ
 Не всѣ ли крестъ несутъ безъ стопа и упрека, !
 Страданія въ душѣ своей глубоко
 Тая отъ всѣхъ?

Зачѣмъ стыдимся мы своихъ воспоминаній?
 Зачѣмъ отъ нашихъ слезъ краснѣемъ предъ собою,
 Какъ будто наша жизнь для вѣчныхъ ликованій—
 Не для борьбы и тяжелыхъ испытаній—
 Дана судьбой.

Да, счастье отцвѣло, и было бы ошибкой
 Вновь ожидать его, но въ сладостныхъ мечтахъ
 Являясь предо мной какой-то тѣнью зыбкой,
 Оно мнѣ кажется—сіяющей улыбкой
 На дорожныхъ устахъ.

1894 г.

Муза.

Я былъ еще дитя, но муза—чаровница
 Явилась мнѣ, и указала цѣль.
 „Дары мои—со мной!“ промолвила царица,
 „Вери любой изъ нихъ. Вотъ—звонкая цѣвница,
 Вотъ скромная свирѣль.

„Но я молю тебя: бѣги соблазновъ міра,
 Гдѣ зло царить, какъ грозный властелинъ,
 Гдѣ люди признаютъ лишь ложнаго кумира!
 Когда настроена высокимъ строемъ лира—
 Пусть вторитъ ей безмолвіе долинъ.

„Въ уединеніи живи съ душою ясной,
 Свѣтильникъ свой укрой въ его тѣни,
 Далеко отъ толпы льстецовъ подобострастной,
 Отъ злобной зависти, отъ похвалы пристрастной—
 Не лучше ли окончить дни?

„Надъ дольнымъ и земнымъ твой духъ парить высоко,
 Ему нужна гармонія во всемъ,
 Что окрыляетъ духъ и вдохновляетъ око;
 И въ тайны бытія проникнетъ онъ глубоко—
 Пытливымъ сердцемъ и умомъ.

„Скользи по озеру вечернею порою
 И убаюканный движеньемъ челнока,
 Любуясь лучей причудливой игрою,
 И видя огонекъ, блеснувшій подъ горою,
 И отраженныя волнами облака.

„Вдыхая гѣмное цвѣтовъ благоуханье,
 Внимая, какъ шумятъ зеленые лѣса,
 Постигнешь ты красу и прелесть мірозданья;
 Поимень душою ты и дивное молчанье,
 И тайныя природы голоса.

„А утромъ на зарѣ, съ сіяніемъ денницы,
 Напомнаніемъ о жизни трудовой—
 Ворвется въ комнату простая гѣсня янницы,
 И въ роцѣ запоютъ проснувшіяся птицы
 Межъ ароматною зеленою листвою.

„Вдали отъ суеты, въ величьи одинокомъ
 Тебѣ откроется священный идеалъ.
 Явись же тѣмъ бойцомъ, тѣмъ пламеннымъ пророкомъ,
 Который все провидя вѣщимъ окомъ—
 Въ пустыни голосъ возвышалъ!“

Такъ говорила ты, о муза, о царица!
 И все жъ я не ушелъ отъ шумной суеты,
 Вокругъ меня—борьба, измученныя лица,
 Вокругъ меня кинитъ, волнуясь, столица,—
 И гдѣ престола мнѣ для творческой мечты.

Но я не одинокъ въ борьбѣ моей и горѣ,
 Пусть этотъ міръ бездушенъ, золь и пусть,
 Пускай вокругъ меня кипитъ людское море—
 Всѣ радости мои—въ одномъ любимомъ взорѣ,
 И всѣ мечты—въ улыбкѣ милыхъ усть.

1894 г.

О ж и д а н і е.

(Посвящается О. К. Потовичу).

I.

Ночью бурной и беззвѣздной
 Даль морская темной бездною
 Глазу кажется. Вала,
 Въ упоеньѣ злобы метельномъ,
 Бьются съ ревомъ глушительнымъ
 У подножія скалы.

И съ тревогой возрастающей,
 Пѣснѣ бури надрывающей,
 Внемлютъ жены рыбаковъ.
 Ихъ преслѣдуютъ видѣнія:
 Рифы грозныя, крушенія...
 Гибель смѣлыхъ рыбаковъ...

Словно чайки надъ утесами,
 Надъ песчаными откосами
 Забѣлѣли ихъ чешцы.
 И томима думой горькою,
 Плачетъ мать... Съ румяной зорькою
 Возвратятся-ли пловцы?

Тьма глухая, непроглядная!
 Ни одна звѣзда отрадная
 Не сіяетъ сквозь туманъ.
 И тоскою безысходною,
 Вместе съ влагою холодною,
 Обдастъ ихъ ураганъ.

Иногда съ глухими стопами,
 Шумомъ вѣтра заглушенными
 Непонятныя слова
 Шепчутъ: дочь осиротѣвшая,
 И невѣста поблѣднѣвшая,
 И печальная вдова...

Такъ, томяся ожиданіемъ,
 Внемля бури завыванія,
 Часто бодрствуетъ село.
 И сіяютъ въ ночи мрачныя,
 Какъ звѣзда, огни маячныя
 Деревушки Сепъ-Мало.

II.

И многимъ, сквозь сумракъ и тучи,
 Подобною ночью беззвѣздной,
 Скользящей надъ темною бездною—
 Являлся «голландецъ летучій».

Пусть жалобно плачется море—
 Все тихо на суднѣ проклятомъ,
 Зловѣщимъ покоемъ объятomъ,—
 Но встрѣчнымъ—погибель и горе!

Онъ былъ у полярныхъ окраинъ,
 И вмгъ онъ явился оттуда,
 Имъ править: предатель Иуда
 И страхомъ терзаемый Каинъ.

Проходятъ вѣка чередою,
Но такъ-же, во мракѣ неспасенья,
Скользятъ онъ, и смерть и несчастье
Повсюду влача за собою.

Какъ сердце пловцовъ ни отважно—
Оно замираетъ тоскою,
И колоколь самъ падъ кормою
Уныло звонитъ и протяжно...

Безмолвнаго ужаса полный,
Несется онъ полночью бурной,
И, кажется, кровью пурпурной
Окрашены самыя волны...

Рыдаетъ и плачется море,
И вѣмъ роковое видѣнье .
Пророчить погибель и горе,—
И нѣтъ для несчастныхъ спасенья!

III.

Надъ утесами суровыми,
Словно залпами громовыми,
Разразился ураганъ.
Море стонетъ, будто скованный,
Злою силой заколдованный
И поверженный титанъ.

А рыбачки ждуть въ волненіи,
Не мелькнетъ-ли въ отдаленіи
Лодка старая во мглѣ?
Вспоминаютъ о чудовищахъ
Дна морского, о сокровищахъ,
О зловѣщемъ кораблѣ...

Дождь и мракъ... Вальи огромныя
Омываютъ камни темныя,
Но свѣтлѣютъ небеса.
И, въ началѣ чуть примѣтная,
Заблѣбла предразсвѣтная,
На востокѣ полоса.

Печезаетъ мгла туманная,
Скоро вновь заря румяная
Улыбнется съ высоты.
Легче - муки ожиданія,
Страхъ смѣнили упованія,
Проясняются черты.

Что-же тамъ, за далью зыбкою,
Показалось имъ?.. Ошибкою
Это не было? Въ тоскѣ
И въ томительномъ сомнѣніи
Ждутъ онъ... Еще мгновение—
Парусъ, парусъ вдалекѣ!

1894 г.

Н е в ѣ с т а .

Средневѣковая баллада.

Подъ знамена герцога Бретани,
Въ ожиданіѣ схватокъ боевыхъ,
Все стеклось, отъ Нанта до Мортани;
Моисеньоръ повелъ на поле брани
Самъ дружинны воиновъ своихъ.

Съ нимъ— краса и гордость обороны
Много юныхъ рыцарей лихихъ,
Ратники, вассалы и бароны,—

И среди защитниковъ короны,
 На войну ушелъ и мой женихъ.
 Литавристомъ служить опъ въ отрядѣ,
 Съ виду-же на рыцаря похожъ.
 И въ своемъ воинственномъ нарядѣ,
 Съ гордою отвагою во взглядѣ —
 Словно принцъ, надмененъ и пригожъ.
 О создатель, будь ему защитой
 И своею властью охрани!
 Опъ — повсюду съ герцогскою свитой;
 За него передъ святой Бригитой
 Я молилась ночи всѣ и дни.

Я просила нашего аббата
 Помолиться Господу о немъ,
 И, тоской глубокою объята,
 Объщанье выполняя свято,
 Двѣ свѣчи зажгла предъ алтаремъ.

Безутѣшной горестью томима,
 На груди ношу я съ этихъ поръ
 Ладонку, подарокъ пилигрима;
 На груди моей она хранима —
 И ей чуждой не видить взоръ.

О себѣ ни слова извѣщенья
 Не прислалъ за это время другъ.
 О, какъ длится каждое мгновенье!
 Но, увы, въ его распоряденьѣ
 Нѣтъ нажей и нѣтъ усердныхъ слугъ...

Съ монсеньоромъ герцогомъ Бретани,
 Посреди товарищей своихъ,
 Послѣ долгихъ, тяжелыхъ испытаній,
 Наконецъ-то, съ поля славной брани
 Возвратится нынче мой жени хъ!

Нашими дружинами разбитый,
 Врагъ бѣжалъ въ безсиліи своемъ.
 Славою безсмертною покрытый,
 Монсеньоръ, среди блестящей свиты,
 Въ городъ нашъ вступаетъ съ торжествомъ

Носѣвшимъ! Веселыми толпами
 Къ площади стекается народъ.
 Празднуя побѣду надъ врагами,
 Городъ нашъ украсился цвѣтами
 И гостей давно желающихъ ждетъ.

Мой женихъ всегда при монсеньорѣ.
 Горяча, красиваго коня,
 Въѣдетъ опъ въ блистающемъ уборѣ,
 И съ улыбкой пѣжною во взорѣ,
 Опъ въ толпѣ привѣтствуетъ меня..

Радостью полна я непонятной...
 Мѣста нѣтъ сомнѣніямъ былымъ...
 Чернокудный, молодой и статный,
 Какъ хорошъ въ своей одеждѣ ратной!
 Будетъ опъ! Какъ я горжуся имъ!

А вчера, встрѣчаясь, прошептала
 Мнѣ цыганка голосомъ глухимъ,
 (Я въ душѣ смутилася сначала!) —
 Что въ отрядѣ монсеньора стало
 Литавристомъ менѣе однимъ...

Но вѣдь я за цѣлый годъ разлуки
 Такъ молилась, такъ ждала его!
 Я такой не вынесла-бы муки...
 Чу! я слышу радостные звуки,
 Ликованье, клики, торжество!

Громче бой раздался барабанный,
Тысячи народа вдоль стѣны...
Наступаетъ этотъ мигъ желанный.
Сколько дамъ въ одеждѣ златотканной,
Какъ дома цвѣтами убраны!

Извиваясь лентою, дружины
Двинулись рядами къ площади.
Коньеносцы, съ виду неполны,
Уроженцы сѣверной равнины,
И стрѣлки изъ лука—впереды.

Вотъ бароны знатные со свитой...
Вотъ ряды развернутыхъ знаменъ...
Вотъ герольды... Золотомъ расшитый,
Древній гербъ Бретани знаменитый
На колѣтѣ ихъ изображенъ.

Предъ нимъ тренещутъ павуѣры!
Вотъ бойцы, защитниками вѣры
Бывшіе отъ юношескихъ лѣтъ.
Рыцари-монахи, тамплиеры,
Отреченья давшіе обѣтъ.

Вотъ и герцогъ... Темнозолотистый
Конь его ѣздой разгоряченъ,
Гордостью блистаетъ взоръ лучистый...
Звукъ трубъ! Въѣзжаютъ литавристы...
Накопецъ! Но, Боже, гдѣ-же онъ?... —

И невѣста, въ мукѣ безпредѣльной,
Тщетно ждетъ,—но вотъ они прошли...
Гаснетъ взоръ, блуждающій безцѣльно.
И она, поражена смертельно,
У дороги падаетъ въ пыли...

1894 г.

С и л ь ф ь.

«Красотою и мечтательнымъ видомъ
Ты, подобная пѣвкамъ сѣльфидамъ—
Отвори мнѣ, о дѣва—краса.
Опустылись почвые туманы
Целеною своею на поляны,
На луга и лѣса.

«Я не странникъ, чей опытъ и разумъ
Увлекаютъ красавицъ разсказомъ
О святыхъ и дальнихъ мѣстахъ;
Я не рыцарь въ блестящей кольчугѣ,
О которомъ въ стыдливомъ испугѣ
Грезить юныя дѣвы въ мечтахъ.

Ни сѣдой бородою пушистой,
Ни волною кудрей золотистой
Не могу я участие привлечь,
Не пошу ли меча я, ни четоку,
Нравъ мой робокъ, застѣнчивъ и кротокъ,
Безъискусвенна—рѣчь.

«Я—дитя голубого эфира,
Обитатель волшебнаго міра
И невѣдомой людямъ страны,
Я рождаюсь съ лучами денницы,
Съ первой лаской весны чаровницы,
Свѣтлоокой весны.

«Наблюдая за юной четою,
Я застигнуть въ лѣсу темнотою,—
О, не будь безучастной къ мольбѣ!
Въ этомъ мракѣ таится угроза...

Слишкомъ поздно! Закрылась та роза,
Гдѣ пріютъ нахожу я себѣ.

«Все мои легкокрылыя братья
Въ эту пору укрылись въ объятія
Нѣжныхъ лилій и царственныхъ розъ.
Только я осужденъ до разсвѣта
Здѣсь томиться во тьмѣ безъ просвѣта,
Полной смутныхъ угрозъ.

«Посмотри какъ я малъ и беззащитен!
Все пугаетъ меня: даже филинъ
Заунывно кричащій въ дуплѣ.
Въ этотъ часъ на болотахъ унылыхъ,
На чернѣющихъ грозно могълахъ
Зажигается пламя во мглѣ.

«Въ этотъ часъ на далекомъ кладбищѣ
Мертвецы покидаютъ жилище
И блуждаютъ, тоскою полны,
Непонятною силою влекомы,
Появляются карлы и гномы
Изъ земной глубины.

«Я дрожу, я страдаю—за что же?
О позволь мнѣ на дѣвственномъ ложкѣ
Отогрѣться твоимъ,—и гурьбой
Будутъ рѣять до самой денницы
Обольстительныхъ грезъ вереницы
Надъ тобой.

«Отвори мнѣ,—я дивно прекрасенъ,
Взоръ мой кротокъ, мечтательно ясенъ,
Рѣчь звучитъ, словно гнѣсня любви.
Близкою прозрачною своею
Затмѣваютъ въ долинахъ лилею—
Серебристыя крылья мои.

«Умоляю: не будь непреклонной;
Не бойшься ли ты, что влюбленный
Подъ личиною сальфа къ тебѣ
Пробирается ночью несчастной,
Изливая всю душу въ опасной
И горячей мольбѣ?»—

Онъ заплакалъ,—но вдругъ изъ тумана
Чей то голосъ раздался нежданно,
Онъ какъ будто бы вторилъ ему,
И красавица, внявъ безъ сомнѣнья
Безъискусственной силѣ мольбы,
Отворила окно,—но кому?..

1894 г.

Побѣдитель.

(Поэма).

I.

Съ дружиною своею оставилъ Карлъ Великій
Испанію, и ликъ могучаго владыки
Печалью омраченъ, и восклицаетъ онъ
Съ глубокою тоскою:—О, гнусный Ганелонъ,
О, Ронсевальская злобѣщая долина!
Тамъ палъ въ бою Роландъ, а съ нимъ—его дружина:
Надежда Франціи и цвѣтъ ея сыновъ.—

Печаленъ государь, заплакать онъ готовъ,
При мысли о своей утратѣ безпримѣрной;
Всего лишился онъ, своей дружины вѣрной,
Двѣнадцати вождей, Роланда своего!
Но побѣдителю Испаніи всего
Невыносимѣй мысль, что сложать пѣспопѣнья
О понесенномъ имъ тяжеломъ пораженѣ.

О. Н. ЧЮМНА-МИХАЙЛОВА.

Такъ подвигался онъ. Къ концу второго дня
 Достигнувъ Пириней высокаго гребня,
 Остановился онъ, въ мечтанья погруженный,
 И городъ вдаль увидѣль, обнесенный
 Высокою стѣной. У всѣхъ его воротъ
 Двѣ башни грозныя оберегали входъ;
 И были оловомъ залиты черепицы;
 Въ стѣнахъ видѣлися несчетныя бойницы,
 А въ центрѣ—башенокъ зубчатыхъ кружева
 Красой плѣняли взоръ. Изъ каждой амбразуры
 Видѣлись часовыхъ безмовныя фигуры.
 Налѣво искрилась морская синева,
 Сливаясь съ синевою небесной на просторѣ.

И Карлъ заговорилъ съ сияніемъ во взорѣ:
 — Баварскій герцогъ, другъ, совѣтникъ мудрый мой!
 Кто городъ выстроилъ, лежащій предо мной?
 Вы, ратники мои, бойцы, герои, дѣти,—
 Прекраснѣе его не видѣлъ я на свѣтѣ!
 Предъ этимъ городомъ пускай мы стоимъ
 Три пятилѣтія,—но будетъ онъ мой.
 И герцогъ задрожалъ, хотъ былъ недоступенъ
 Для страха.—Государь, купите-же его:
 Иного средства нѣтъ. Вашъ городъ неприступенъ,
 Защитники его—бearsицы; сверхъ того
 Въ немъ турокъ тысячи на бои вооруженныхъ,
 А въ нихъ храбрецовъ, большихъ и утомленныхъ—
 Не много государь. Они—слабѣ женъ,
 Я болѣе другихъ годами удрученъ,
 Но меньше всѣхъ усталъ. Вотъ правда безъ прикрасы:
 Снарядовъ нѣтъ у насъ, изрублены кирасы,
 Чуть живы лошади... Безумцемъ надо быть,
 Чтобъ съ луками въ рукахъ твердыни осадить—
 И молвилъ государь средь общаго молчанья:
 — Но все-же города ты не сказалъ названье?—

— Забывчивость въ мои простительна года!
 Нельзя, о государь, лишь побѣждать всегда,
 Не наслаждаяся побѣдъ своихъ плодами.
 Надъ нами сжаляться! Измучены трудами
 И покоривъ для васъ десятки городовъ,
 Вернуться мы хотимъ подъ свой домашній кровъ.
 Нашъ приступъ для врага могучаго не страшень;
 Смѣяться съ высоты своихъ громадныхъ башенъ
 Надъ нами будетъ онъ. Тамъ, въ этой сторонѣ,
 Два хода вырыто, и первый ходъ подземный
 Ведетъ въ окрестности, второй-же—къ сатанѣ?—
 — Но какъ зовется онъ, тотъ городъ иноземный?—
 Промолвилъ государь, безпечно разсмѣясь.
 — Нарбонной!—По сердцу Нарбонна мнѣ пришла,
 Красавица такой привычки не имѣю
 Я мимо пропускать; и о корсажъ ея
 Всѣ пальцы исколотъ готовъ до крови я!—
 Тогда онъ подозвалъ отважнаго сеньора
 Де-Мондидье.—Мессиръ, нашъ бѣдный герцогъ скоро
 Умретъ отъ старости,—но, благородный графъ,
 Вы отличитесь, Нарбонну съ бою взявъ.
 За это всю страну я вамъ даю въ награду...
 На приступъ-же, скорѣй! Не надо длить осаду.—
 Но графъ де-Мондидье отвѣтилъ:—Государь,
 Теперь не биться мнѣ, какъ я бивался встарь,
 Все тяготитъ меня: забрало и кольчуга,
 Лекарство нужно мнѣ отъ тяжкаго недуга,
 Ужь скоро годъ, какъ я не раздѣваясь сплю,
 Я нынѣ, государь, объ отдыхѣ молю.—

У императора не вырвалось движенья
 Неудовольствія. Еще сеньоръ одинъ
 Былъ вызванъ. Это былъ надменный палатинъ,
 Гюго де-Котантенъ. Нарбонну во владѣнье
 Я вамъ даю, мессиръ! Что-бъ ею обладать

Вамъ стоитъ лишь пойдти и съ бою городъ взять.—
 Гюго де-Котантенъ сказалъ ему съ поклономъ:
 — Нашъ пахарь во сто кратъ счастливѣй! Негодяй!
 День отработаетъ, и съ плугомъ заостреннымъ
 Проидется по полямъ, а ночь отдыхай!
 А я и въ холода, и подъ палящимъ зноемъ
 Ношу броню и мечъ, и барабаннымъ боемъ
 Разбуженъ на зарѣ... Истерлись у сѣдла
 Подпруги и ремни; удары безъ числа
 Я напошу другимъ, и самъ ихъ получаю...
 Нарбонной овладѣть другимъ предоставляю.—

Король задумался. Съ надеждою въ душѣ
 Позвалъ онъ герцога нормандскаго, Ришэ.
 — Сеньоръ, я знаю васъ, вы близки мнѣ и тропу
 Вы—храбрый дворянинъ... Хотите взять Нарбонну?—
 — Ношу по праву я нормандскую корону,
 Тому-же, кто ее поситъ имѣеть честь,
 Не надо, государь, на приключенья лѣзть.—

И графу гентскому тогда онъ молвилъ слово:
 — Не даромъ ты рожденъ у берега морского,
 Я помню, какъ сіялъ отвагой этотъ взоръ,
 Когда въ сраженіи давали мы отпоръ
 Намъ окружающимъ толпами сарацинамъ;
 Нарбонну побѣди и будь въ ней властелиномъ. —
 — Великій государь, безъ пищи и шитья
 Давно мы странствуемъ въ горахъ и по долинамъ.
 Шатаюсь по жарѣ, совѣмъ испекся я.
 Когда вернусь я въ Гентъ, меня жена моя
 Способна не признать подъ этимъ чернымъ глинцемъ;
 И пегромъ назоветь,—никакъ ужъ не фламандцемъ;
 Любовникъ у нея завелся можетъ быть?...
 Нѣтъ, я вернусь домой, гдѣ можно ѣсть и шить.—
 — Такъ,—молвилъ государь,—фламандцамъ кушать надо;

Я это позабылъ... Но, Боже упаси,
 О чемъ я думаю?... Евстафій де-Нанси,
 Тебя не утрашитъ подобная преграда?
 Какъ мощному орлу, тебѣ невѣдомъ страхъ.—
 — Я болѣе похожъ на воробья въ кустахъ;
 Къ себѣ, въ гнѣздо свое стремлюся я къ покою.
 Я окруженъ солдатъ голодною толпою,
 А для уплаты имъ нѣтъ мѣднаго гроша...
 Нѣтъ, слава въ юности бываетъ хороша,
 Теперь, когда я старъ и на рукахъ мозоли—
 Опасности меня не привлекаютъ болѣ.—

II.

Конь императора о землю билъ погой,
 Густыя облака падвинулись грядой,
 Но видя во главѣ гасконцевъ батальона,
 Лихого рыцаря, Жераръ де-Руссильона,
 Сказалъ онъ:—Ты похожъ на римскаго вождя
 И прямо за бревно, не видя въ пемъ гвоздя,
 Берешься смѣло ты рукою обнаженной.
 Иди и овладѣй прекрасною Нарбонной!—
 Жераръ де-Руссильонъ угрюмый кинулъ взглядъ
 На жалкій доскутокъ отъ стяга боевого;
 Онъ искоса взглянулъ на скакуна хромого
 И на зазубрины своихъ желѣзныхъ латъ...
 Ты смотришь,—молвилъ Карлъ,—какъ стряпчій изъ
 Сорбонны,
 Какъ? Ты задумался надъ взятіемъ Нарбонны?
 — Благодарю за честь, на роднѣ своей
 Владѣю я землею.—И такъ, толпою всеи
 Судили рыцари о предстоящемъ дѣлѣ,

А горные ручьи среди дубовъ шумѣли.
 Всѣхъ рыцарей своихъ, съ нимъ тысячи чудесъ
 Свершавшихъ гдѣкогда, окликнулъ Карлъ Великій,—
 Всѣ отказались отъ боя наотрѣзъ.
 Тогда блеснулъ огнемъ орлиный взоръ владыки,
 Въ негодованіи, привставъ на стременахъ,
 И вынувъ острый мечъ, врагу внушавшій страхъ,
 Могуцій, какъ орелъ въ стени необозримой,
 Воскликнулъ этотъ вождь, досель непобѣдимый:
 — Бароны Франціи, герои лучшій цвѣтъ,
 Великіе вожди, отчизны неполины,
 Чьи кости славныя усеяли долины;
 Роландъ и Оливье, зачѣмъ васъ больше гнѣтъ?
 Остањся вы въ живыхъ—вы взяли-бы Нарбонну!
 Вы не страшитесь подвергнуться уропу,
 Не колебались, считая каждый шагъ!
 И я, при помощи побѣдоносныхъ шпаций,
 Завоевалъ бы міръ! Героя съ духомъ смѣлымъ
 Гдѣ нынѣ я найду? Передъ великимъ дѣломъ
 Они пугаются, ихъ не страшитъ позоръ.
 Вы, шедшіе со мною до этихъ самыхъ горъ,
 Бургундцы, рыцари Германіи, фламандцы,
 Бретонцы дальніе, французы и нормандцы,—
 Ступайте! Отъ моей особы навсегда
 Я изгоняю васъ! Бѣгите безъ стыда
 Отъ звуковъ моего воинственного рога,
 Спѣшите по домамъ, открыта вамъ дорога.
 Живите, спрятавшись постыдно отъ врага,
 И будетъ ваша жизньъ спокойна и долга.
 Одинъ пойду я въ бой и я восторжествую!
 Когда-жъ вернетесь вы во Францію родную,
 Гдѣ спросятъ обо мнѣ, отвѣтите: До-того-ли
 Намъ было? Отъ врага такъ скоро мы бѣжали
 Въ канунъ сраженія, что нынче мы едва-ли
 Припомнимъ, гдѣ тогда остался панъ король?—

Такъ Франціи монархъ, Германіи властитель,
 Экзархъ Равенны, вождь, державный побѣдитель,
 Карлъ, по прозванію Великій, говорилъ,
 И голосъ короля какъ громъ небесный былъ.
 Молчали рыцари. Съ почтительнымъ поклономъ
 Красный юноша, полудитя на видъ,
 Какимъ предсталъ царю Израиля Давидъ,
 Являясь передъ нимъ и молвилъ твердымъ тономъ
 — Монарха Франціи Господь да сохранитъ!—
 Для этихъ вопновъ въ бронѣ тяжеловѣсной,
 Съ широкой у бедра,—ничтожной и безвѣстной
 Прищелецъ, чья рука, какъ дѣтская слаба,
 Въ одеждѣ бѣдняка, безъ перьевъ и герба
 И съ краскою, въ лицѣ застычиво алѣвшей,
 Казался дѣвункой, мужской парадъ одѣвшей.
 — Съ какою просьбою являешься ты къ намъ?
 Спросилъ его король, и молвилъ тотъ спокойно:
 — Великій государь, тебя прощу я самъ
 О томъ, что прочіе отвергли недостойно.
 Съ Господней помощью, пускай я буду тѣмъ,
 Чье имя славное извѣстно будетъ всѣмъ,
 Какъ имя война, который взялъ Нарбонну. —

И всѣ дивились увѣренному тону
 И простотѣ его.—Вотъ штука! Да никакъ
 Вѣдь это Эмери, мальчишка и бѣднякъ?
 Замѣтилъ гентскій графъ смѣявшейся дружинѣ.
 — Поди сюда!—король воскликнулъ.—говори,
 Откуда ты и кто?—Зовусь я Эмери,
 Я званьемъ бакалавръ и знаю по латыни.
 Съ ученостью моею я бѣдствовалъ донинѣ,
 Оставшись въ сторонѣ отъ милостей судьбы,
 Когда дѣлилися наслѣдства и гербы.
 Породой знатною хвалиться я не смѣю,
 Владѣнія мои не стоятъ двухъ монетъ,

Но въ сердцѣ у себя пошу я цѣлый свѣтъ!
 Я, съ Божьей помощью, Нарбоной овладѣю,
 А тамъ пасмѣшниковъ я наказать сумѣю.—
 И Карлъ, сіяющій улыбкой торжества,
 Воскликнулъ:—За твои надменные слова
 Я дѣлаю тебя великимъ палатиномъ
 И графомъ де-Нарбоны! Иди къ моимъ дружинамъ,
 Кто оскорбитъ тебя—тотъ будетъ очень смѣль!—
 На утро Эмери Нарбоной овладѣлъ.

1895 г.

Бѣдные люди.

1.

Ночь. Въ бѣдной хижинѣ, разсѣвая мракъ,
 Бросаетъ отблески чуть тлѣющей очагъ
 На шкафъ съ посудой и рядомъ грубыхъ полокъ,
 На старую кровать, что прикрываетъ пологъ,
 На множество вдоль стѣны развѣшанныхъ сѣтей
 И на матрацъ въ углу, гдѣ пятеро дѣтей
 Заснули крѣпкимъ сномъ. Закрывъ лицо руками,
 Въ тревогѣ женщина пришла на кровать
 Усталой головой и плачетъ... Это—мать.
 Она то молится дрожащими устами,
 То поблѣднѣетъ все и въ ужасѣ замретъ...
 Она одна съ дѣтьми и внемлетъ океану,
 Который небесамъ и ночи и туману
 Свои рыданія отчаянныя шлетъ,

2.

Хозяинъ на морѣ. Ставь рано рыболовомъ,
 Онъ приучилъ себя къ случайностямъ суровымъ
 Въ борьбѣ съ природою. Закинуть надо сѣтъ

Въ грозу ли, въ бурю ли: не дать же умереть
 Малюткамъ съ голоду! И въ море за уловомъ
 Онъ отирается одинъ, съ закатомъ дня,
 Хозяйка въ хижинѣ хлопочетъ у огня,
 Починиваетъ сѣтъ; когда же ночью поздно
 Все успокоится вокругъ нея—она
 Усердно молится. Глухая почъ темна.
 У самыхъ буруновъ, гдѣ бѣшено и гроно
 Во мракѣ слышится прибой сѣдыхъ валовъ,
 Покрытыхъ нѣною—всего удачливѣй ловъ.
 Мѣстечко самое не болѣе трехъ сажени,
 Но какъ онъ долженъ быть и ловокъ, и отваженъ,
 Какъ долженъ знать рыбакъ, и вѣтеръ и приливъ,
 Чтобъ отыскать его, когда пора ненастью
 Осеннему придетъ и дикихъ бурь порывъ
 Проносится во тьмѣ и стонетъ между снастью.
 Онъ думаетъ о ней, о дѣтяхъ, а жена
 Тоскуетъ, ждетъ его, тревогою полна
 И мысли ихъ летятъ другъ къ другу, словно птицы.

3.

Да, Жанна молится, и частки рѣзкій крикъ
 Смущаетъ сердце ея, и передъ нею вмигъ,
 Являются картинѣ зловѣщихъ вереницъ!
 И тѣни блѣдныя погибшихъ моряковъ.
 А время тянется и мѣрный бой часовъ,
 Какъ пульса ровное и мѣрное бѣенье,
 Отсчитываетъ дни, недѣли и мгновенья
 И года времена, и цѣлый рядъ годовъ.
 И открывается, при звукѣ ихъ удара,
 На протяженіи всего земнаго шара—
 Гдѣ—колыбели рядъ, гдѣ—рядъ нѣмыхъ могилъ.
 Она задумалась и душу ея стѣснилъ
 Невыносимый гнетъ. Нужда, одни лишенья...

Дѣтиски бѣгаютъ зимою босикомъ,
 Ъдятъ ячменный хлѣбъ, да и того кускомъ
 Порою дорожать... А вѣчныя мученья...
 И вѣтеръ такъ шумить, какъ въ кузницѣ мѣха!
 Ей кажется порош, что въ ураганѣ черномъ
 Созвѣзды кружатся, какъ туча искръ надъ горномъ.
 О, Боже праведный, ну долго-ль до грѣха!..
 Да, наступаетъ часъ, когда въ разгарѣ пляски
 У полночи глаза сверкаютъ изъ-подъ маски
 Весельемъ оргіи, и наступаетъ часъ,
 Когда, одѣта мглой и въ сумракѣ талей,
 Ждетъ полночь рыбака среди мореконь пучины,
 Чтобъ патолкнуть его на острия вершины
 Подводныхъ скалъ, предъ нимъ явившихся изъ мглы.
 О, ужасъ! Крикъ его громадные валы,
 Нахлынувъ, заглушатъ,—и, въ бездну увлеченный,
 Увидитъ берегъ онъ, закатомъ озаренный,
 И пристрасть старую съ заржавленнымъ кольцомъ...
 И Жанна бѣдная, съ измученнымъ лицомъ,
 Терзается душой отъ этихъ думъ...

4.

О, жены

Суровыхъ рыбаковъ, ужасны ваши стоны
 Въ тѣ ночи темныя, когда игрушкой волнъ,
 Бросающихъ его, бываетъ жалкій чолнъ!
 А Жанны мужъ—одинъ! Туманъ и тьма, и скалы,
 И некому помочь... Ребята слишкомъ малы...
 Ты хочешь, чтобъ они большими стали, мать?
 Когда же имъ придетъ пора сопровождать
 Отца ихъ, ты сама не скажешь ли въ печали:
 — О, еслибъ долге они не подростали!—
 Она беретъ фонарь. Теперь и до зари
 Недалеко уже, пора взглянуть на море,

Спокойнѣй ли оно, и въ сумрачномъ просторѣ
 Не засіяютъ ли на мачтѣ фонари?
 И вотъ она идетъ. Но вѣтеръ предразсвѣтный
 Еще не поднялся и бѣлой полосы
 На горизонтѣ нѣтъ. Печальные часы!
 Повсюду мракъ царить глухой и безпросвѣтный
 Накрапываетъ дождь. Въ окошкахъ свѣта нѣтъ,
 И, какъ дитя, въ слезахъ рождается разсвѣтъ...
 Она идетъ. Предъ нею убогая лачуга,
 Полуразвалина. На крышѣ треплетъ вьюга
 Солому жаккую, дверь ходитъ ходупомъ,
 Ни свѣта, ни огня. Какъ будто вымеръ домъ.
 И Жанна думаетъ:—А что вдова? Бѣдняжка!
 Я слышала, на дняхъ ей было очень тяжело.
 Провѣдать бы ее.

Она стучится въ дверь.

Отвѣта нѣтъ, лишь вихрь, какъ разъяренный звѣрь.
 И злится, и реветъ. Больна, а дѣтокъ двое
 И, чай, голодныя? Вдовѣ житье плохое.
 Она стучится вновъ. — Сосѣдка! — Все молчить,
 — Не откликается... Должно быть, крѣпко спитъ...
 Но тутъ, какъ будто бы изъ чувства состраданья.
 Дверь, глухо закрипѣвъ, открылася сама.

6.

Она вошла туда. Кругомъ царила тьма
 И допосилоя прибрежныхъ волнъ рыданье.
 Дождь лилъ потоками сквозь щели въ потолокъ.
 При свѣтѣ фонаря, дрожавшаго въ рукѣ,
 Теперь пришедшая могла увидѣть ясно
 Фигуру женщины, недвижной и ужасной,
 Лежащей въ глубинѣ—фигуру мертвеца.
 Съ чертами блѣднаго, застывшаго лица
 И тусклымъ взоромъ глазъ! Да, полную здоровья

Когда-то женщину!... Вонъ тамъ, у изголовья,
 Съ кровати свѣсилась холодная рука,
 Позеленѣвшая, какъ бы нища защиты
 И помощи... Въ чертахъ — глубокая тоска
 И нищеты печать... Уста полуоткрыты,
 Съ которыхъ въ ужасѣ слетѣлъ предсмертный крикъ
 Въ послѣдній, роковой, неостратимый мигъ.
 И тутъ же въ хижинѣ, тутъ у ея постели,
 Малютки — братъ съ сестрой заснули въ колыбели!
 Сама несчастная предъ смертію своею
 Ихъ платьемъ и платкомъ заботливо укрыва,
 Стараяся о томъ, чтобъ имъ теплое было,
 Межъ тѣмъ какъ холодно одной лишь будетъ ей!

7.

Какъ мирно спять они, какъ ровно ихъ дышанье!
 Казалось бы, ничто не можетъ ихъ покои
 Нарушить. — даже видъ архангела съ трубой
 Въ день Страшнаго Суда: невниманъ наказанья
 Страниться нечего и нѣтъ для нихъ судьи.

Сквозь крышу ветхую вездѣ дождя ручьи
 Ужъ просочились, и капля дождевая
 Порою падаетъ на блѣдное чело,
 Какъ крушная слеза. Въ разбитое стекло
 Стучится буфный вихрь, уныло завывая,
 И тѣма глядитъ въ него, зловѣщая, гѣмая.
 Живите, радуйтесь, веселитъ рвите цвѣтъ
 И наслаждайтесь! Все суета суетъ;
 Какъ въ темный океанъ текутъ рѣчные воды —
 Такъ все кругомъ: пиры и торжество свободы,
 И дѣти малыя, и мать во цвѣтѣ лѣтъ,
 Веселье шумное и гѣшен, и улыбки,
 Лобзанія любви, восторги и ошибки —
 Въ могильномъ сумракѣ найдутъ себѣ конецъ.

8.

Но что же долго такъ она въ лачугѣ бѣдной
 Замѣшкалаась. Зачѣмъ лицо ея такъ блѣдно
 И словно смущено? Съ собою, наконецъ,
 Что унесла она? Походкой торопливой,
 Не озираясь, тревожно, боязливо,
 Зачѣмъ снѣшитъ она по улицѣ села?
 Что прячетъ у себя за пологъ, на постели?
 Какое воровство свершить она могла?

9.

Когда она домою вернулася — блѣлы
 Утесы черные, и Жанна, сѣвъ на стуль,
 Глядѣла предъ собою печально робкимъ взоромъ,
 Какъ будто совѣсти терзалася укоромъ.
 И маятника стукъ, и дальній моря гулъ
 Съ ея безсвязными сливались рѣчами...
 -- Мой бѣдный муженекъ! Онъ цѣлыми ночами
 На ловль... Господи! Ну, что мнѣ скажетъ онъ?
 Работой онъ и такъ по горло заваленъ —
 Въдѣ пятеро дѣтей, а тутъ я навязала
 Заботу новую... Своей-то, видно мало!
 Идутъ?.. Не онъ-ли? Нѣтъ, все тихо... никого.
 Ужъ если и прибѣдетъ — сама скажу: за дѣло!
 Никакъ идутъ и дверь на петляхъ заскрипѣла?..
 Нѣтъ, я ослышалась. Мнѣ боязно его
 И увидать теперь... — Вся отдаваясь думамъ,
 Сидѣла женщина, и даже рѣзкій крикъ
 Морского ворона ни разу не достигъ
 Ушей ея...

Но вдругъ дверь отворилась съ шумомъ,
 А съ нею въ хижину разсвѣта лучъ проникъ,
 И съ неведомъ въ рукѣ, намокшимъ и тяжелымъ,
 Рыбакъ вошелъ туда, и ея съ лицомъ веселымъ
 Сказать здороваясь: — Ну, вотъ и я, жена!

— Ты! — Жанна вскрикнула и, радости полна,
 Къ нему прильнула вся въ своемъ порывѣ страстномъ.
 И на лицѣ его, довѣрчивомъ и ясномъ,
 Она могла прочесть, какъ любить онъ ее.
 — Ну, время безъ толку потратилъ я свое,
 Да радъ еще, къ тебѣ вернувшись и къ ребятамъ.
 И вѣтеръ же какой! Вѣдь сладу нѣтъ съ проклятымъ!
 Сорвало съ якоря... Я продырявилъ сѣтъ...
 Вотъ ночка выдалась! Чуть-чуть не доглядѣть —
 И захлестнуло бы! А безъ меня ты что же
 Подѣлывала тутъ? — Невольно смущена,
 Какъ виноватая, вся вздрогнула она.
 — Я? Право, ничего особаго... Все тоже:
 Чинила, штопала, да все тебя ждала
 И безпокоилась. А, знаешь, умерла
 Сосѣдка-то... Вчера, должно быть, въ эту пору,
 Какъ вы уѣхали, и дѣтки безъ призору
 Остались у нея! Мадлена и Гильомъ.
 Одинъ еще совѣмъ не ходитъ, а другая
 Лишь стала говорить... Нужда у нихъ большая...
 Рыбакъ нахмурился. Съ задумчивымъ лицомъ
 Онъ сбросилъ свой колпакъ и почесалъ въ затылкѣ.
 — Не ладно, чортъ возьми! Повытянемъ всѣ жилки..
 У насъ пять человѣкъ, теперь же будетъ семь.
 И такъ ужъ иногда безъ ужина совѣмъ
 Ложились мы! Ну, что-жъ! Все это въ Божьей волѣ.
 Я здѣсь не виноватъ. Зачѣмъ онъ отнялъ мать
 У червяковъ такихъ? Къ рыбацкой нашенъ долѣ
 Привычнымъ надо быть, чтобъ это понимать.
 Не скажешь эдакимъ: ступайте сами въ море!
 Жена, иди туда. Проснутся — да, на горе,
 Перепугаются какъ разъ еще! Повѣрь,
 Сама покойница стучится въ нашу дверь,

Чтобъ взяли мы дѣтей. Отыщется и этимъ
 Пристанище — не то мы Господу отвѣтимъ.
 Пускай растутъ себѣ. Они по вечерамъ,
 Какъ наши малыши, ласкаться будутъ къ намъ.
 И зная, что кормить ихъ надо со своимъ,
 Господь на долю ихъ и лишнее пошлетъ.
 Прибавится труда, конечно, и заботъ,
 Но мы управимся. Жена, ступай за ними.
 Но что съ тобою? Ты была въ другіе дни
 Сговорчивѣй... А здѣсь, при эдакомъ-то дѣлѣ...

— Вотъ! — Жанна молвила, и пологъ у постели
 Отдернула рукой дрожащей: — Вотъ они!

Изъ Леконтъ-де-Лиля.

Небесная лампада.

Качаясь на цѣпяхъ изъ золотыхъ свѣтилъ,
Сіянье льетъ свое небесная лампада
На дальнюю страну, гдѣ протекаетъ Ниль,
На снѣгу морей и бездну водопада.
Когда царить въ поляхъ вечерняя прохлада,
Качаясь на цѣпяхъ изъ золотыхъ свѣтилъ,
Сіянье льетъ свое небесная лампада.

И что такое ты, волшебница—луна, —
Не солнце ли для тѣхъ, что сномъ заснули вѣчнымъ?
Не та ли чудная, блаженшая страна,
Гдѣ грезять души ихъ блаженствомъ безконечнымъ,
Гдѣ пробужденья нѣтъ отъ сладостнаго сна?
И что такое ты, волшебница—луна, —
Не солнце-ли для тѣхъ, что сномъ заснули вѣчнымъ?

О, еслибъ эта ночь съ собою принесла
Забвенье навсегда, безчувствіе нирваны!
Все позабыть; любовь, которая лгала,
И ненависти ядъ, и разума обманъ,
Гнѣтъ вѣковѣчнаго насилія и зла!
О, еслибъ эта ночь съ собою принесла
Забвенье навсегда, безчувствіе нирваны!

Качаясь на цѣпяхъ изъ золотыхъ свѣтилъ,
Зачѣмъ сіяешь ты небесная лампада?
Померкни навсегда, чтобъ вѣчный мракъ покрылъ
И снѣгу морей и бездну водопада,
И дальнюю страну, гдѣ протекаетъ Ниль.
Качаясь на цѣпяхъ изъ золотыхъ свѣтилъ,
Зачѣмъ сіяешь ты, небесная лампада?
1891 г.

Умиращему поэту.

Ты, взоромъ гепія поэта,
Въ порывѣ творческой мечты,
Исканній жадно красоты
И жаждавшій душою свѣта,—

Простись съ земною суетой.
Ничтожно все: и жизнь и слава.
— Любовь?.. Но въ чапѣ золотой
Таится горькая отравка.

Подобно древнимъ божествамъ,
Плѣченный гордою свободой,
Покинь и ты свой тѣсный храмъ,
Чтобъ слиться съ матерью природой.

Ослепанъ будешь ты, поэтъ,
И признаваемъ или нѣтъ
Своимъ пустымъ и жалкимъ вѣкомъ—
Завидель жребіи твоей! Не знать,
Не чувствовать, не сознать,
Стыда родиться челоувѣкомъ!

1891 г.

Безсмертное благоуханіе.

Когда красовалася роза Лагора
Хоть день посреди дорогого сосуда—
Вы можете вылить всю воду отсюда
Но запахъ чудесный нечезнетъ нескоро.

Краса этой розы была скоротечна,
Какъ пламя угаснетъ безвременно страсти,
Но даже въ сосудѣ, разбитомъ на части,
Ея ароматъ сохраняется вѣчно.

И сердцемъ неполненнымъ прежде любовью,
Теперь же — разбитымъ, сочащимся кровью

И горькою мукой объятимъ,
Неплю я проклятія погибшей свитыиъ:
Она наполняетъ его и донынѣ
Безсмертнымъ своимъ ароматомъ.

1894

Альбатросъ.

Во мгиъ холоднаго тумана,
На всемъ просторѣ океана,
Отъ полюса до южныхъ странъ —
Бушуетъ дико ураганъ.
Отчаянья и злобы полный,
Вздымаетъ онъ горою волны,
Съ сѣдою пѣною на хребтахъ.
Въ нависшихъ низко небесахъ
Рождаетъ тучу онъ за тучей,

И блескомъ молніи летучей
На мгнѣ бываесть озаренъ
Покрытый мракомъ небосклонъ.

И только царь морей безбрежныхъ,
Наря надъ бездною волнъ мятежныхъ,
Гдѣ гибнуть китъ и кашалотъ,—
Свернаешь смѣлымъ свой полетъ •
Безъ колебаній и усилія..
Раскинувъ царственныя крылья,
Вперяя вдаль спокойный взоръ,
Какъ будто-бы небесъ просторъ
Имъ измѣряя,—падъ туманомъ,
Надъ безошаднымъ ураганомъ,
Ниспровергающимъ утесъ,—
Побѣдно рѣветъ альбатросъ!

1894 г.

Послѣдній Олимпіецъ.

Не разъ предо мною изъ тьмы возставало видѣніе
И сплелся мнѣ странный, не разъ повторявшійся сонъ:
Я видѣлъ за гранью на вѣкъ отошедшихъ временъ,
Когда чередою въ могилу сойдутъ поколѣнья—

Я видѣлъ себя одинокимъ въ предѣлахъ земли.
Все было кругомъ тишиною могильной объято,
Людей голоса, оглашавшіе землю когда-то,
И вопль океана,—затихли вдаль...

Оставивъ орбиту, красы лишена и убранства,
Нарушивъ собою созвѣздія расчисленный ходъ,
Въ хаосѣ вселенной, среди міроваго пространства—
Земля уносилась безцѣльно впередъ.

Моря пересохли; изъ ихъ опустѣвшей пучины,
Подобно обломкамъ, вздымались навѣрхъ острова.

Какъ факель могильный, луна озаряла равнины,
И мертвой казалась небесъ синева.

Не зная желаній и чуждымъ навѣкъ сожалѣнью,
Послѣдній изъ смертныхъ, почившихъ подъ сѣнью могилъ,
По волю судьбы—позабытой и блѣдною тѣпью—
И самъ я безцѣльно во мракъ бродилъ.

Но вдругъ въ отдаленіи увидѣлъ я призракъ прекрасный,
Какъ будто парившій надъ высюю заоблачной горъ.
На мертвую землю и мертвенный неба просторъ
Безмолвно взиралъ онъ, спокойно-безстрастный.

И былъ этотъ призракъ подобенъ Олимпа богамъ.
Онъ высился гордо среди своего пьедестала,
Какъ въ дни золотые, когда наполнявшая храмъ
Колѣна толпа передъ нимъ преклоняла.

Но, брошены рядомъ, поколѣше лукъ и колчанъ,
Откуда летѣли волшебныя стрѣлы желаній,
Собою зажигающихъ безумную жажду лобзаній
Въ сердцахъ недоступныхъ Юнонъ и Діанъ.

И отблескъ лучей надъ челомъ беззаботнаго бога
Померкнулъ, погасъ, и не билося сердце его—
Источникъ любви, гдѣ таилася страсти тревога
И ея торжество.

И снова во мнѣ пробудилися съ силой могучей
Тоска и восторгъ позабытыхъ порывовъ любви;
Отравы ея, сладострастно, мучительно жгучей—
И почувствовалъ пламень въ крови.

И въ призракъ томъ, въ неподвижномъ и блѣдномъ кумирѣ,
Узнали тогда пораженныя очи мои
Того, кѣмъ живеть, безъ кого умираетъ все въ мірѣ:
Послѣдняго бога, великаго бога любви!

1894 г.

Тайна бытія.

Разгадка тайны бытія
Понятной станетъ въ часъ кончины;
Существованія причины
Тогда умомъ достигну я.

Когда въ концѣ—вся цѣль начала,
А жизнь—обманъ и суета—
Зачѣмъ, о, лживая мечта,
Ты насъ для жизни пробуждала?

Во все вѣка и времена,
Объятый скорбью, или экстазомъ,—
Одно постигъ бессильный разумъ:
Что всемъ могла суждена.

Не будь ея—любви и славы,
И добродѣтели святой,
Цвѣтовъ, и счастья, и отравы—
И жизни не было бъ самоѣ.

Живущіе, не бойтесь смерти!
Въ могильномъ сумракѣ ея
Скрывается для насъ, повѣрьте,
Разгадка тайны бытія.—

1895 г.

Судъ графа.

(М. Н. Писареву).

Луна струила свѣтъ дрожащій и холодный,
И замокъ де-Кенперъ на выступѣ скалы
Чернѣя высился среди пучины водной.

Вокругъ него, шумя, вздымались вали,
Туманъ окутывалъ береговья дали,
И вѣтеръ завывалъ среди туманной мглы.

И души тѣхъ, кто смерть въ грѣхѣхъ или печали
Нашелъ когда нибудь въ бунующихъ волнахъ—
На ихъ поверхности, казалось, трепетали...

Осенній вихрь шумѣлъ въ прибрежныхъ камышахъ
И цѣпью потрясалъ, державшей мостъ подъемный,
И вторилъ хищный звѣрь, блуждающій въ лѣсахъ

Ему рычаніемъ во мракъ ночи темной.
При свѣтѣ факела, въ одной изъ старыхъ залъ
Жилища графскаго, пустынной и огромной,

Маститый графъ Коморъ въ волненіи шагалъ,
Съ нахмуреннымъ челомъ скрестивъ надменно руки.
Казалось, роцотъ волнъ къ нему не достигалъ.

Онъ былъ высокъ и бодръ, но выраженье мукъ
Застыло на лицѣ суровомъ старика.
Стараясь уловить шаговъ далекихъ звуки,

Прислушивался онъ, и сильная рука
Сжималася порой съ движеніемъ угрозы;
И рдѣла краскою мгновенною щека,

Гдѣ сохли жгучія, непрощенныя слезы...
Въ углу видѣлся ликъ задумчивый Христа,
Ушедшаго душой въ божественныя грезы.

Предъ нимъ—массивная, гранитная плита,
И рядомъ—острый мечъ съ желѣзной рукоятью.
— Ну, что-жь пойдетъ монахъ?—и блѣдныя уста

Комора дрогнули, и подойдя къ Распятью,
Колѣна преклонилъ съ молитвою старикъ.
По миръ не осѣнилъ своею благодатью

Души его. Вдали слышались чрезъ мигъ
Какіе-то шаги, и тихо на порогъ
Сосѣдней комнаты явился духовникъ.

— Графъ, я исполнилъ все, но вы не будьте строги,
Въ крови ея своихъ не обагрѣйте рукъ.
О милосердіи подумайте, о Богѣ!..

— Довольно, братъ-монахъ! Мнѣ болѣе услугъ
Твоихъ не надобно. Покрывшая позоромъ
Нашъ славный домъ—умреть... Но ни одинъ изъ слугъ

Не прикоснется къ ней.—И графъ съ блеснувшимъ взоромъ
Ударилъ въ колоколь, стоявшій передъ нимъ.
И заунывный гулъ пошелъ по корридорамъ,

Отдавшись далеко подъ сводомъ вѣковымъ
Придѣла темнаго, гдѣ спали одиноко,
Въ безмолвіи гробницъ, послѣднимъ сномъ своимъ—

Герои, рыцари безъ страха и упрека.
Потомъ затихло все. Лишь волнъ морскихъ прибой
Порою слышался какъ будто изъ далека.

Завѣса дрогнула—и въ сумрачный покой
Вступила женщина, какъ свѣтлое видѣнье,
Сіяя ибжною и грустною красой.

Она увидѣла безъ страха и волненья:
Распятіе, плиту, сверкающій клинокъ...
И съ твердостью ждала послѣдняго рѣшенья.

Коморъ затренилась отъ головы до ногъ;
Ему припомнилась жены его измѣна,
И тихо съ губъ его слетѣло, какъ упрекъ:

— Ты заслужила смерть и ты умрешь, Тифэна!—
— Готова я, мессиръ!.. Молвила я Творца
И Матерь Божію. Спокойно и смиренно,

Но безбоязненно я жду себя конца.—
— Супруга, надшая подъ бременемъ позора,
Дочь недостойная великаго отца,

Ты, занявшая старинный родъ Комора—
Молнись, дабы тебя помиловалъ Христосъ!
Готовъ промедлить я свершеньемъ приговора.—

И, голову склонивъ подъ массою свѣтлыхъ косъ,
Окутавшихъ ее сіяющимъ покровомъ,
Повиновалася графиня. Объ утесъ

Попрежнему волна дробилась, и въ багровомъ
Мерцаньѣ факела тяжелой мечъ сверкалъ,
И графъ спокойно ждалъ въ молчаніи суровомъ.

Тифэну странный сонъ собою околдовалъ:
Опять въ кудряхъ ея благоухали розы,
У ногъ ея шумѣлъ и разбивался валь,

И вѣтеръ навѣвалъ чарующія грезы.
Любовь явилась ей, какъ лучезарный день,
Но скоро онъ померкъ и разразились грозы.

Насильственный союзъ, палатъ суровыхъ стѣнъ
Ея отчаянье и муки... Возвращенье
Того, кто былъ любимъ, цвѣтущая спрень,

Весна любви, борьба и тайное влеченье...
Очарованье ласкъ, волшебныя слова
И неизбежное, но сладкое забвенье...

Отмщенье свершено. Убитымъ палъ сперва
Былъ возлюбленный, и мечъ виситъ надъ нею,
Но онъ не страшень ей: она уже мертва.

— Раскаялась-ли ты, и смертью своею
Готова-ль искупить вину передо мною?
Губить души твоей я права не имѣю.—

— Убей меня! Его и здѣсь и въ жизни той
Люблю я, и любить я буду неизмѣнно.
Да сжалится Господь надъ грѣшною душою!—

Умри-же, гнусною запятана измѣною!—
Воскликнулъ графъ Коморъ, и мечъ его блеснулъ
И опустился онъ надъ блѣдною Тифэною!..

А море гѣнилось, и бушныи вѣтеръ дулъ.
Коморъ, поднявшій трущъ недвижныи и безгласныи,
На башню съ нимъ вошелъ, и тамъ его швырнулъ

Онъ прямо съ высоты въ водоворотъ ужасный.
Раздался легкій плескъ, и все исчезло въ мигъ...
Коморъ слѣдилъ за нимъ, суровый и безстрастный

Онъ видѣлъ взоръ ея, ея прекрасный ликъ
И слышалъ голоса умолкнувшаго звука...
Потомъ, перекрестясь, издавъ онъ дикій крикъ,

Неполненный тоски и безысходной муки,
Достигшии самыхъ гѣдръ береговыхъ пещеръ,
И въ волны кинулся, поднявъ высоко руки.

Такъ умерли Коморъ съ Тифэною-де-Кеннеръ.

1894 г.

Изъ Теофиля Готье.

Бездна.

Въ пестрыхъ узорахъ моихъ сповидѣній
Юноши образъ я видѣлъ однажды:
Онъ надъ колодезь, страдая отъ жажды,
Молча склонился, исполненъ томленій.

Съ тѣмъ, чтобъ вода поднялася до края,
Золото, жемчугъ—бросалъ онъ горстями
Въ темную бездну, напрасно устами
Влаги студеной коснуться желая.

Сколько безумцевъ, чарующе мрачной
Бездною гордой души привлеченныхъ,
Грезятъ напрасно о влагѣ прозрачной,
Вѣчно далекой отъ устъ истомленныхъ.

Каждый мечтаетъ изъ бездны холодной
Вызвать родникъ животворный,—и въ нѣдра
Золото чувства бросаетъ онъ щедро,
Силы души расточая бесплодно.

На высотѣ.

I.

На высоту твоихъ созданій
Пусть, равнодушна и слѣпа,
Не поднимается толпа.
Переступить не смѣя грани
Безсмертныхъ замысловъ, она
Не достигаетъ, какъ волна,
Вершинъ могучихъ и свободныхъ.
Томясь въ успліяхъ безплодныхъ,
Ее не думай повести
Съ собою по трудному пути.
Не пролагай къ нему ступеней,
Не поясняй,—напрасный трудъ!
Тамъ, гдѣ нарить свободно геній,
Одни избранныки пройдутъ.

Пусть одиноко надъ долиной
Гора сияющей вершиной
Стремится къ небу—для орла
Она доступна: взмахъ крыла—
И достигаетъ онъ желанныхъ,
Сигъгами вѣчными вѣчаныхъ
И уходящихъ въ небосводъ—
Недосягаемыхъ высотъ.

II.

Долина къ горѣ обратилась съ укоромъ:
— Что пользы въ безплодной твоей высотѣ?
Глядѣвшему въ небо задумчивымъ взоромъ
Пѣвцу говорили: Ты служишь мечтѣ!

Гора отвѣчала:—Отъ бурь и тумановъ
Тебя охраняя подобно щиту,
Я грудью встрѣчаю порывъ урагановъ
И грозныя тучи ловлю на лету.

Въ горнилахъ моемъ растопляются льдины,
Весной изъ груди бѣлоснѣжной моей
Обильныя воды сбѣгаютъ въ долины,
Питая весенніе всходы полей.

Поэтъ же отвѣтилъ:—Я въ пѣсняхъ печали
Всю жизньъ изливаю и душу мою.
Родникъ ихъ обилень, и тѣхъ кто страдали—
Струєю живою я всѣхъ напою.—

Друзьямъ.

Выступая въ великой борьбѣ,
О быломъ сожалѣнья умѣрьте,
Будьте стойки,—и въ жизни и въ смерти
Оставайтесь вѣрны себѣ,

Вы, носители свѣта и знанья,
Вы, искатели тайнъ міровыхъ—
Очищайтесь въ горнилахъ страданья,
Отъ своихъ заблужденій былыхъ.

Если вѣра въ сердцахъ не остыла,
Если смерть не пугаетъ—впередь!
Этой вѣры живительной сила
Васъ къ желанному свѣту ведетъ.

И покрова священнаго складки
Упадутъ передъ вами, друзья;
Вы постигните тайну загадки:
Сокровеннѣйшій смыслъ бытія

Воспоминанія.

Порою въ памяти невольной укоризной
Воспоминанія мелькаютъ о быломъ,
Когда душа, сроднясь съ небесною отчизной,
Не прикасалася къ землѣ своимъ крыломъ.

Они, подобныя сіянію заката,
Которымъ даль небесъ и водъ озарена—
Являютъ душу намъ, какой была когда-то,
Какою и теперь могла бы стать она.

Честолюбіе.

Свѣтильнишкъ истинны возжечь
И знать, что пламенная рѣчь
Найдетъ сочувственное эхо;
Все предпринять, достигъ всего,
Извѣдать славы торжество
И тайны высшаго уснѣха.

Свои дѣла въ сердцахъ людей
Запечатлѣть; какъ чародѣи;
Какъ властелинъ, царить надъ міромъ,
Ему предписывать законъ,
Быть выше, чѣмъ Наполеонъ,
Быть повымъ Данте или Шекспиромъ...

Какъ это мало! Все кругомъ
Полно тобой; въ тебѣ одномъ—
Линія одиночества сознанье!
И лавры гордые свои
За слово истинной любви
Ты всѣ отдашь безъ колебанья.

С о с н а.

Среди степи унылой и песчаной,
Гдѣ жалкая растительность скудна,
Виднѣется—съ глубокой въ сердцѣ раной—
Ростущая особнякомъ сосна.

Здѣсь человекъ употребилъ насилье:
Возникла сталь—и, какъ слеза свѣтла,
Изъ свѣжаго надрѣза въ изобильѣ
Струится внизъ прозрачная смола.

И медленно избытокъ силъ теряя,
Стоитъ сосна, какъ раненый боецъ,
Который, постъ опасный охраняя,
Безропотно встрѣчаетъ свой конецъ.

Таковъ поэтъ среди пустыни свѣта:
Чудесный даръ танць ревниво онъ,
И лишь тогда польется гѣсьнь поэта,
Когда ударъ глубоко нанесетъ.

С о н е т ъ.

Я—ласточка; купаюсь прихотливо
На волѣ я въ лазурной вышинѣ,
И гнѣздышко голубки боязливой
Могилю всегда казалось мнѣ.

Когда въ лѣсахъ и надъ пустынной нивой
Промчится вихрь осенній въ тинниѣ.—
Черезъ моря направляюсь я къ счастливой,
Безоблачно цвѣтущей сторонѣ.

И здѣсь и тамъ лишь гостеи легкокрылой
Являюсь я, и прочнаго гнѣзда
Я не совью ни гдѣ и никогда,
Но все, что я покинула—мнѣ мило,
И радостно я изъ иныхъ краевъ
Опять сиѣшу подъ тотъ же самый кровъ.

Пляска смерти.

Надменнаго всадника въ каскѣ
Сбивая съ его скакуна,
Съ собою въ изступленіи пляски,
Его увлекаетъ она.

Въ тавернѣ гдѣ буйные гости
Гуляютъ и пьютъ на зарѣ,
Она загребасть все кости
Въ проигранной имъ игрѣ.

Съ собою увлекая къ веселью,
Не давъ имъ окончить портретъ—
Опъ живо шисцамъ моделью
Нагой предлагаетъ скелетъ.

Изъ рукъ ослабѣвшихъ палитру
Она вырываетъ безъ словъ,
Снимаетъ блестящую митру
Съ сѣдыхъ кардинальскихъ головъ.

Бреттера за часъ до пирушки,
Она поражаетъ шутя,
Беретъ у шута погремушки,
У матери скорбной—дитя!

Войдя во дворець величавый,
И власти ни съ кѣмъ не дѣля,
Старуха свой черепъ костлявый
Вбичаетъ вѣщомъ короля.

И сбросивъ постылыя маски;
Шуты со своей мишурой,
Безумецъ, мудрецъ и герольдъ—
Смѣшались въ безуміи пляски.

И пара несется за парой,
Равняемы смерти рукой,
И тутъ же за наскокой тварой
Мелькаеть колпакъ шутовской.

Е С П А Н А.

Э с к у р і а л ь.

Среди равнины мертвой и безплодной
Гранитной массою злобщестъ и холодной—
Возвысился Эскуріаль.
Тиверія испанскаго творенья,
Добычей смерти и забвенья
Теперь онъ сталъ.

Едва ль Египта фараону
Съ впервой царскою носившему корону—
Воздвигнуть былъ столь мрачный мавзолей.
И сфинксы грозные не болѣе безмолвны,
Чѣмъ онъ—теперь, когда людскія волны
Отхлынули и мохъ растетъ среди камней.

Вельможи, войны, монахи,
И тотъ, предъ кѣмъ народъ лежалъ во прахѣ—
Исчезло все... Безмолвіе кругомъ!
Лишь ласточекъ неугомонныхъ стая
Кружится съ криками, гиганта задѣвая,
Заснувнаго своимъ тяжелымъ сномъ.—

Прометей.

(Къ картиѣ Рибейры).

Небснаго огня отважный похититель,
Прикованъ къ высотамъ, на муки осужденъ,
Олимпу и теперь бросаетъ вызовъ онъ
И втайнѣ передъ нимъ трещеть небожитель

Когда почная мгла объемлетъ небосклонъ,
Покинувъ спящихъ водъ прохладную обитель,
Уидны юныя свѣщать со всѣхъ сторонъ
Къ скалѣ, гдѣ пригвожденъ недавній побѣдите

Онь внемлетъ въ тишинѣ ихъ жалобнымъ рѣчь:
Ихъ слезы льютъ бальзамъ въ зияющую рану,
Но ты, Рибейра, былъ суровѣ чѣмъ самъ
Неумолнымъ Зевсъ къ отважному титану,
Тобою осужденъ одинъ во тьмѣ ночей
Терзаться муками великій Прометей.

Венеціанскій карнавалъ.

В а р і а ц і и.

I. на улицѣ.

Старинный мотивъ карнавала!
Заграничій пѣтъ ничего.
Шарманка гусица, бывало,
И скрипки терзали его.

Для всѣхъ табакерокъ онъ сразу
Классическимъ номеромъ сталъ,
И чужъ музыкальную фразу
Изъ клѣтки своей повторялъ.

Въ тѣни запыленной бесѣдки
Подъ звуки его на балу
Кружились комми и гризетки
На ветхомъ досчатомъ полу.

Слѣпецъ на разбитомъ фаготѣ
Играетъ его, и за нимъ
Собака сорвавшейся нотѣ
Ворчапіемъ вторитъ глухимъ...

И звуки того-же мотива
Въ кафе и публичныхъ садахъ
Поютъ гитаристки фальшиво
Съ улыбкой на блѣдныхъ губахъ.

Но вотъ чародѣи Наганини,
Къ нему прикоснувшись жезломъ,
Его обезсмертили отънынѣ
Своимъ вдохновеннымъ смычкомъ.

Опъ, щедро разсыпавъ по газу
Своихъ арабесковъ узоръ,
Облекъ обветшалую фразу
Въ блестящій и новый уборъ.

II. на лагунахъ.

Собою прабабушекъ съ дѣтства
Плѣнялъ этотъ странный мотивъ,
Гдѣ слышится грусть и кокетство,
Пасмѣнка и пѣкный призывъ.

Когда-то въ разгаръ карнавала
Звучалъ надъ лагунами онъ
И вѣтромъ съ Большого канала
Былъ въ оперу къ намъ занесенъ.

Когда запоютъ его струны—
Мигъ грезится: мѣсяца свѣтъ,
И синія воды лагуны,
И темныхъ гондолъ силуэтъ.

Венера надъ пѣной морскою,
Подъ звукъ хроматическихъ гаммъ,
Блестящая волшебной красою,
Является нашимъ глазамъ.

Подъ старыи мотивъ серенады,
Ласкають морскія струи
Дворцовъ величавыхъ фасады,
И словно поють о любви.

Венеція, городъ каналовъ,
Краса Адриатики водъ—
Съ весельемъ своихъ карнаваловъ
Въ старинномъ мотивѣ живетъ

III. КАРНАВАЛЪ.

Сегодня—разгаръ карнавала:
И блескъ, и веселье, и шумъ...
Весь городъ облечься для бала
Сидѣнть въ маскарадный костюмъ

Вотъ тамъ—незнакомыи съ заботой,
Избранникъ и другъ Колумбинъ—
Смѣется визгливою потой
И дразнить толпу Арлекинъ.

Вотъ докторъ съ осанкою важной,
Одѣтый смѣшно и пестро,
Его задѣваетъ отважно
И локтемъ толкаетъ Шеро.

Какъ будто бы въ тактъ контрабасу,
И тамъ появляясь, и тутъ,
Бросаетъ въ безпечную массу
Насмѣшкою ѣдкою шутъ.

Скрываясь подъ кружевомъ маски,
Мелькнуло въ толпѣ домино,
Но эти лукавыя глазки
Я, кажется, знаю давно.

Глаза мои вѣрнть не смѣли,
Но только минута одна—
И скрипки воздушныя трели
Сказали мнѣ:—Это она!—

IV. ПРИ ЛУННОМЪ СВѢТѢ.

Задорною гаммою смѣха
И тихаго рокота струнъ
Смуцаетъ болтливое эхо
Спокойныя воды лагуны.

Но въ звукахъ веселья, игриво
Несущихся въ лунную даль,
Мнѣ чудятся вздохи призыва
И тихая чья-то печаль.

Опять предо мной изъ тумана
Всплываетъ былая любовь,
И плохо зажившая рана
Въ душѣ раскрывается вновь...

И рѣчи звучавшія страстно,
Любовь и цвѣтущій апрѣль—
Напомнилъ мучительно ясно
Мнѣ вздохомъ своимъ ритурнель.

Такъ нѣжно и такъ своевольно
Звучала въ немъ квинта одна,
Что голосъ любимый невольно
Напомнила сразу она.

Звучала она такъ задорно,
Такъ лживо, томя и дразня,
И нѣжности столько притворной
Въ ней было, и столько огня,

И столько любви безпредѣльной,
 Намъшки такой глубина,
 Что въ сердцѣ съ тоскою смертельной
 Восторгъ пробуждала она...

Старинный мотивъ карнавала,
 Гдѣ вторитъ улыбка слезамъ—
 Какъ все, что давно миновало,
 На память приводишь ты намъ!

Ручей.

Близъ озера смѣло и звонко
 Журчаніи у влажныхъ камней,
 Въ травѣ пробѣгаетъ сторонкой,
 Пробившись на волю, ручей.

Онъ шепчетъ:—Какъ тѣсно мнѣ было
 Въ безрадостныхъ пѣдрахъ земли,
 Гдѣ солнце во тьмѣ не свѣтило
 И гдѣ берега не цвѣли!

А здѣсь и древесные своды,
 И куполъ небесъ голубой—
 Мои серебряныя воды
 Весь день отражаютъ собой.

Кто знаетъ? Въ теченьѣ далекомъ.
 Разлившись свободной волной,
 Быть можетъ, я стану потокомъ,
 Могучей и вольной рѣкой?

И скоро, быть можетъ, я стану,
 Томившійся въ пѣдрахъ земли—
 На лонѣ своемъ океану
 Большіе носить корабли!—

Такъ шепчетъ въ тѣнистой дубравѣ,
 Журча у высокихъ камней,
 Отважно стремящійся къ славѣ.
 Нанятый и юный ручей.

Но еле добившись свободы,
 Онъ гибнетъ, не ставши рѣкой:
 Сосѣдняго озера воды
 Его поглощаютъ собой...

Ожидание весны.

Пока—рабы холодной прозы—
 Лишь ею мы удручены,
 Апрель, смѣющійся сквозь слезы
 Готовитъ намъ возвратъ весны.

Пока мы все, спѣша безъ толку,
 Свершаемъ столько лишнихъ дѣлъ—
 Для маргаритокъ втихомолку
 Наряды сдѣлать онъ успѣлъ.

Въ почтѣ, невидимъ и неслышенъ,
 Предвѣстникъ солнца и тепла,
 Идетъ онъ въ садъ—верхушки вишенъ
 Спѣша наудритъ до бѣла...

Весны волшебницы законы
 Предупреждая, онъ чуть свѣтъ
 Шнуруетъ алыхъ розъ бутоны
 Въ свѣтло-зеленый ихъ корсетъ.

Природа вѣжится въ постели,
 А онъ, бродя среди лѣсовъ,
 Дроздамъ насвистываетъ трели
 И сыплетъ пригоршни цвѣтовъ...

Въ травѣ, гдѣ ключь журчитъ игриво.
 Фиалокъ синнихъ лепестки
 Онъ разсыпаетъ прихотливо,—
 И колокольчиковъ звонки.

И по долинамъ разстилая
 Узоръ цвѣточного ковра,
 Подходить онъ къ порогу мая
 И говорить ему:—Пора!

* * *

Ты сердцемъ живешь, дорогая,
 Страдая, надѣясь, любя,—
 Но злобствуетъ свѣтъ, утверждая,
 Что сердца и нѣтъ у тебя.

На очи твои набѣгая,
 Въ нихъ слезы порою блестятъ,
 Но свѣтъ говоритъ, дорогая,
 Что сухъ и бездушенъ твой взглядъ

Пѣвца вдохновеньямъ внимая,
 Волнуешься ты, но толпа
 Рѣшила давно, дорогая,
 Что ты безнадежно туна.

Не вѣрь ей. Лишь стоитъ поэта
 Покинуть тебѣ, разлюбя,—
 Найдутся по мнѣнью свѣта,
 И сердце, и умъ у тебя...

Изъ испанскаго альбома.

Карменъ.

Карменъ—худа. Она гитана
 И солнцемъ юга сожжена,
 Змѣею падая вдоль стана,
 Коса ея, какъ смоль черна.

Но въ блескъ глазъ ея—побѣда,
 Предъ ней никто-бъ не устоялъ,
 И самъ епископъ изъ Толедо
 Предъ ней колѣна преклонялъ.

По вечерамъ въ тѣни алькова
 Своей распущенной косой
 Она, какъ складками покрова,
 Вся закрывается порою.

Когда глаза ея темнѣютъ,
 Суля восторги безъ конца
 И, словно кровь, уста алчуютъ
 На смуглой блѣдности лица—

По прихоти природы странной,
 Въ своей чарующей красѣ,
 Предъ этой смуглою гитаной—
 Красавицы блѣднѣютъ всѣ.

Она для женщинъ безобразна,
 Но изъ мужчинъ—ни младъ, ни старъ,
 Не избѣжалъ еще соблазна
 Ея непобѣдимыхъ чаръ.

Н о в і о.

— Дитя съ осанкою царицы,
 Ко мнѣ—я чувствовалъ не разъ—
 Пылалъ злобою зарницы
 Твоихъ обычно кроткихъ глазъ.

И все-жъ въ ночи передъ балкономъ
 Твоимъ упорно я стою,
 И съ гнѣвомъ въ сердцѣ оскорбленномъ
 Я о любви моей пою.

Здѣсь мѣста нѣтъ другимъ гитарамъ!
 Пообщался напередъ
 Я наградить ножа ударомъ
 Того, кто первый запоетъ.

Въ пожнахъ соскучилась паваха,
 Пылаетъ мужество въ груди,—
 Эй, кабалерро, кто безъ страха
 И безъ упрёка — выходи!

Пускай выходятъ на расправу
 По одиночкѣ или толпой!
 Всѣхъ вызываю я во славу
 Тебя, любовь моя, на бой!

Побьюсь я съ цѣлою дружиной,
 Готовъ я вызвать сатану,—
 Пусть только я передъ кончиной
 Въ твоихъ объятыхъ отдохну.

Греческая дѣвушка.

Беззавѣтною страстью порыва
 Ты пугаешь меня, мой поэтъ;
 Вѣдь любовь молодая стыдлива,
 Какъ весенняго утра разсвѣтъ.

Видишь горлицу эту, мой милый?
 Какъ она, я пугаюсь легко,
 И голубкою я бѣлокрылой
 Отъ тебя улечу далеко.

Но останься на мигъ безъ движенья,
 Не упорствуй въ ненужной борьбѣ,
 И слетитъ, забывъ опасенья,
 Добровольно голубка къ тебѣ.

Зимняя фантазія.

I.

Съ усмѣшкою невеселой,
 На много разныхъ тоновъ
 Зима играетъ соло
 Въ квартетѣ всѣхъ сезоновъ.

Отъ стужи носнѣло
 Лицо ея и руки,
 И старчески-несмѣло
 Порою вьются звуки.

Предъ льдиною, служащей
 Ей вмѣсто партитуры,
 Она рукою дрожащей
 Выводитъ фіоритуры.

И въ тактъ имъ головою
Сѣдой она качаетъ,
И пудрой сигъговою
Деревья осыпаетъ..

II.

На всѣхъ деревьяхъ парка—
Серебряныя сѣтки;
Ихъ изморозью ярко
Занеслись вѣтки.

Кусты горятъ въ алмазахъ
И небо—темно сине,
А въ опустѣвшихъ вазахъ
Цвѣтами блестятъ иней.

Блѣднѣи—лучи денницы,
Ночами—ярче звѣзды,
И зябущія птицы
Попрятались въ гнѣзды..

III.

На дамахъ туалеты
Съ опушкой мѣховою,
И статуи одѣты
Пушистою пеленою.

Ротондою Діана
Смущаетъ наши взоры,
И видѣть какъ-то странно
Боа на шеѣ Флоры.

И силою примѣра,
Еи ставнаго закономъ,—
Красуется Венера
Въ накидкѣ съ капюшономъ.

Всѣ мраморныя боги,
Должно быть, очень зябки:
Меркуріи быстрополити—
И тотъ въ косматой шапкѣ...

IV.

Сигъна въ пріютъ укромный,
Гдѣ ждуть любовь и пѣга,—
Предательскаго сигъга
Бодливости нескромной
Боишься ты? Еще-бы!
Вѣдь, слѣдь отъ ножки узкой,
Безспорно андалузской,—
Хранятъ вездѣ сугробы.

Что если-бы нескромной
Смущаемый догадкой,—
Проникнулъ мужъ украдкой
Въ пріютъ любви укромный,—

Гдѣ ласкою своею
И пламенемъ лобзаній
Согрѣлъ въ часы свиданій
Амурь—свою Психею?..

И з ъ Ф. К о п п е.

„LES PETITS ROËMMES“.

(Н. П. Вейнбергу).

1.

Который изъ двухъ?

Разсказъ относится къ началу термидора.
 Послѣдніе лучи кроваваго террора
 Зажглись надъ городомъ, гремѣлъ послѣдній громъ.
 И смерть являлася едва-ль не въ каждый домъ.
 Не прекращалася работа гильотины,
 Но страха не было предъ близостью кончины.
 Всѣхъ обвиняемыхъ въ тюрьмѣ Консьержери
 Считалось до трехсотъ. Съ сіяніемъ зари
 Къ нимъ утро каждое являлося безобразный
 И пьяный секретарь. Читая списокъ грязный
 Охрипшимъ голосомъ, онъ вызывалъ того,
 За кѣмъ пріѣхала телѣга роковая.
 И обвиняемый, поспѣшно обнимая
 Оставшихся друзей и на призывъ его
 Отвѣтивъ твердо: „адѣсь“! на плаху шелъ спокойно;
 Въ то время умирать умѣли всѣ достойно:
 Простые буржуа, дворяне и народъ —
 Безтрепетно всѣ шли на эшафотъ.

Однажды секретарь, со спискомъ осужденныхъ
 Всегда являвшійся въ темницѣ по утру,

Въ бумагу заглянувъ, промолвилъ:—Шарль-Леру!—
 И сразу не одинъ, а двое заключенныхъ
 Откликнулись на зовъ. Обонхъ звали такъ.

* * *

Расхохотался онъ.—Пошался я въ просакъ!
 Котораго же братъ?

Въ костюмѣ не богатомъ,
 Одинъ изъ нихъ, судя по важности манеръ
 И виду общему, казался депутатомъ.
 Другой же — молодой, блестящій офицеръ —
 Глядѣлъ вокругъ себя спокойно гордымъ взглядомъ.
 Передъ чиновникомъ они стояли рядомъ.
 — Вы оба носите прозваніе одно?
 — Мы оба смерти ждемъ.—

Такъ я возьму любого! —
 Но тутъ же посланный расхохотался снова:
 — А впрочемъ, граждане, мнѣ это все равно,
 И вы промежъ себя устранивайтесь сами;...
 Да только поскорѣй: Сансонъ не за горами! —

* * *

Бесѣда ихъ была проста и коротка.
 Цвѣтущій юноша спросилъ у старика:
 — Женаты?

Да, женаты. —

— А сколько дѣтокъ? —

— Трое! —

— Скорѣй! — ворчалъ писецъ:—болтаете пустое! —
 Но твердо офицеръ тутъ вынеслъ изъ рядовъ:
 — Я осужденъ на казнь. Идемте... Я готовъ! —

1894 г.

* * *

2.

Д в ъ г р о б н и ц ы .

Тимуръ, побѣдитель персидской земли,
 Чьи полчища всюду грозою прошли,
 Враговъ разгоняя, какъ тигры — ланенцы, —
 Тимуръ, преклонялся предъ тайной гробницѣю.
 Когда полудикихъ монголовъ орда,
 Селеня разграбивъ и взявъ города,
 Ему воздвигала зловѣщій трофеи:
 Колонны изъ мертвыхъ головъ и костей, —
 Угрюмо склонясь надъ лужою сѣдла,
 Горѣвшаго блескомъ камней безъ чела,
 И словно не слыша привѣта дружинъ,
 Суровъ и безмолвенъ, снѣшилъ властелинъ
 Къ воротамъ кладбища. Межъ старыхъ могилъ.
 Подъ тѣнью деревьевъ онъ долго бродилъ;
 И часто, встрѣчая могилу бойца,
 Великаго духомъ имама, пѣвца, —
 Предъ нею склонялся съ почтеніемъ ханъ.

* * *

Со взятіемъ Туси совпалъ рамазанъ,
 Но городъ старинный Тимуръ пощадилъ
 За то что когда то родился и жилъ,
 И тамъ же нашелъ безмятежный конецъ
 Фирдуси, великій народный пѣвецъ.
 И долго, волнуемый страшной мечтой,
 Стоялъ властелинъ предъ могилою той,
 Гдѣ мирно поэта покоился прахъ.
 Тимуръ повелѣлъ отворить саркофагъ —
 О, чудо! Подъ мраморомъ бѣлымъ плиты,
 Въ гробницѣ поэта лежали цвѣты!

* * *

При взглядѣ на массу душистую розъ,
 Въ умѣ властелина явился вопросъ:
 Во что обратится со смертью онъ самъ?..
 Вернувшись въ отчизну, снѣшитъ онъ во хра
 Гдѣ прахъ Чингисъ-хана со славою зарытъ.
 И вотъ саркофагъ величавый открытъ, —
 Но, трепетомъ страха невольно объять,
 Въ испугъ Тимуръ отступаетъ назадъ,
 Блѣднѣя и хмурия въ волнепіи бровь...
 Въ гробницѣ героя увидѣлъ онъ кровь!

1891 г.

III.

М а д ь я р ь .

Графъ Иштланъ изъ рода Бенко, истинный магнатъ,
 Былъ не даромъ между всѣми знатенъ и богатъ.
 Разъ на праздникѣ въ селѣнѣ, пышно наряженъ,
 Посреди своихъ вассаловъ появился онъ.
 На его одежду глядя наумлялся мѣръ:
 Изумруды и алмазы, жемчугъ и сафиръ,
 Чуть скрѣпленные, горѣли искрами на немъ,
 И при всѣхъ его движеньяхъ сыпались дождемъ...
 Ослабленные сіяньемъ блѣстокъ дорогихъ,
 Жадно всѣ его вассалы подбирали ихъ.

* * *

Лишь одинъ — мадьяръ типичный, въ черномъ колпакъ
 И въ плащѣ — не шелохнулся, стоя вдалькѣ;
 И съ толпою не мѣшался, смуглый и худой,
 Онъ покручивалъ рукою длинный усъ сѣдой.

* * *

И къ нему-то, усмѣхаясь, подошелъ магнатъ.
 — Ну, старикъ, передъ тобою я не виноватъ:

О. Н. ЧЮМИНА-МИХАЙЛОВА.

Посмотри, на всемя кафтанѣ ши цехина пѣтъ.
Отчего не подбираю ты блестокъ и монеть?
Но мадыаръ спокойно молвилъ, словно про себя:
— Оттого, что погибаться не умѣю я! —

1894 г.

IV.

Д у э л ь.

(Средневѣковая картинка).

Два щеголя среди толпы зѣвакъ,
Почтительно раздавленной предъ ними,
Спѣшили въ Лувръ. Отъ рукоятки шпагахъ,
Украшенной камнями цвѣтными,
До шляхъ съ перомъ, надѣтыхъ на бекренъ,
И легкую набрасывавшихъ тѣнь
На ихъ черты, все было въ нихъ красно.
И рѣчи ихъ звучали горделиво,
И смѣлостью горѣтъ надменный взоръ.
А въ смѣхѣ слышался воинственный задоръ:
Одинъ—сокольникій, другой—наѣздинкъ смѣлый,
Обоимъ—двадцать лѣтъ,—но кто рукою бѣлой
Искуснѣй ихъ закручиваетъ усь,
Въ костюмѣ чьемъ замѣтенъ больнѣй вкусъ,
На комъ уборъ изящнѣй и дороже?
Любой изъ нихъ—и бѣлизною кожи,
И граціей изысканной манерьъ,
Отъ головы до ногъ—мильонъ и кавалеръ.
Дорогою брUNETъ такъ говоритъ блондину:
— Я, кромѣ золотыхъ, не признаю волосъ,
И пусть я дворъ изгнанникомъ покину,
Когда хоть разъ мнѣ пряди черныхъ косъ.—

Не золотистыя — послужать наголовьемъ! —
— Что до меня — всегда любви условья
Я ставлю кудри, черныя какъ смоля, —
Сказалъ блондинъ, — храни свою лилею! —
— А ты — свои макъ! — Однако, графъ, позволь...
Твои слова?.. — За нихъ я постоять сумѣю. —
— Чтожъ? Очень радъ... На шпагахъ? — Да, марш!
— Когда? — Сейчасъ! Такъ будетъ ближе къ цѣ!
— Прекрасно! Къ черту все эдикты о дуэли!
Я предложу сойти немного внизъ,
Тутъ менѣе встрѣчается народу...
Побиться я не прочь въ подобную погоду! —

* * *
Спускается къ рѣкѣ и по дорогѣ взявъ
Двоихъ солдатъ свидѣтелями, графъ
Съ маркизомъ сбросили свои полукафтаны —
И стали рапиръ блеснула съ двухъ сторонъ
Червонымъ золотомъ при солнечномъ сиянѣ.
Какъ требуетъ того учтивости законъ,
И воины оружье обнажили.

* * *
Бойцы равны по ловкости и силѣ,
Но въ фехтованѣ предпочесть должно
Все правила метода флорентинской:
Съ увертливостью чисто сатанинской
Маркизъ ударъ пріятелю нанесъ —
И графъ упалъ, проколотый пашквелью...

* * *
Тогда солдатъ маркизу помогавшій
Надѣтъ камзолъ и шпагу пристегнуть,
Спросилъ его: — Навѣрно чѣмъ-нибудь
Обиду вамъ нанесъ большую навшій? —
Вы были съ нимъ врагами? —

— О, ничуть! —

- Но чѣмъ тогда былъ вызванъ поединокъ?

— Брюнеткамъ онъ предпочитаетъ блондинокъ. —
 — И только-то?!.. Красивыхъ, монсеньеръ,
 Тѣхъ и другихъ достаточно въ Парижѣ. —
 — Ты правъ, — сказать съ усмѣшкою бреттѣръ, —
 — Тѣмъ больше, что теперь я увлекаюсь рыжей!..

1894 г.

Бездомная собака.

Когда снѣжили вы по улицѣ пустой,
 Гдѣ въ лужахъ, грязью лишкою и густой
 Наполненныхъ, огней мерцаетъ отраженье, —
 Вамъ на пути встрѣчалась, безъ сомнѣнья,
 Одна изъ брошенныхъ хозяйномъ собакъ —
 Худая, жалкая, которую бѣднякъ
 Прогнать шикомъ со вздохомъ сожалѣнья?
 Она идетъ за вами по пятамъ,
 Съ настойчивостью робкой и упорной,
 И каждый разъ, когда случится вамъ
 Взглянуть назадъ — вы встрѣтите упорный
 И долгій взоръ ея печальныхъ глазъ.
 И что за взоръ — тоскующій, молящій, —
 Какимъ глядеть украдкою подчасъ,
 Лишь очи женщины, за счастье дрожащей,
 Иль бѣдняка, кому грозитъ отказъ...

* * *

Вы остановитесь въ раздумьѣ, — и собака,
 Какъ будто чувствуя, что происходитъ въ васъ,
 Тревожно ждетъ движенія иль знака,
 И словно говоритъ движеніемъ хвоста
 Лохматого: — Возьми меня съ собою! —
 Вы тронуты въ душѣ ея судьбою,

Но сами вы бѣдны: лишенья, тѣснота...
 И вдругъ съ невольною, прорвавшимся злостью,
 Вы, на нее замахиваясь тростью,
 Кричите ей сердито: — Прочь пошла!
 И хвостъ поджавъ, смущенно — торопливо —
 Она къ другимъ плетется спороливо —
 Пекать пріюта и тепла.

1894 г.

Донъ-Жуанъ.

Не умерь Донъ-Жуанъ! Любви некатель вѣчный,
 Пучиной адекою онъ не былъ поглощенъ,
 Простившись съ юностью заманчиво безпечной,
 Состарѣлся въ своемъ изгнаньѣ онъ.

Винювной совѣсти не вѣдая укора,
 Онъ прихотямъ своимъ служилъ еще года,
 И на плечо его десница командора
 Не опускалась никогда.

Не дождался его севильскій обольститель;
 (И мѣсто ль мертвену на ширнествѣ ночномъ?)
 Недвижной статуей остался грозный мститель
 Надъ гробовымъ холмомъ.

Нѣтъ, все произошло гораздо проще въ жизни:
 Въ изгнанье Донъ-Жуанъ былъ сосланъ королемъ,
 И отдавая дань обычной укоризнѣ,
 Живетъ онъ, день за днемъ.

Его утѣхи тутъ: старинный томъ Мольера,
 Старинныхъ клавишъ серебряная трель,
 А вечеромъ — бокалъ съдого Редерера,
 Который подаетъ съдой же Станарель.

И въ креслѣ кожаномъ съ большимъ гербомъ фамильнымъ
Откинувшись назадъ, и устремляя взоръ
Въ раздумьѣ на огонь — отжившій и безцельнымъ
Не кажется Жуанъ и до сихъ поръ.

2.

Въ былое погруженъ, съ печалью и отрадой
Припоминаетъ онъ съ зари и до зари,
Число какое жертвъ ему прибавитъ надо
И заветный списокъ: тысяча и три.

Онъ путается въ немъ. Чредой полузабытой
Являются предъ нимъ побѣды прежнихъ дней,
А нынче поутру онъ “старымъ волокитой,”
Обозванъ былъ служанкою своей.

И часто за огнемъ слѣди усталымъ взоромъ,
Онъ тѣни блѣдныя порою видитъ въ немъ
Тѣхъ женщинъ призраки, глядящія съ укоромъ,
Которыхъ онъ обманывалъ въ быломъ.

Тутъ все онъ предъ нимъ: красотка изъ трактира
И дама знатная на красныхъ каблучкахъ,
И обольщенная печальная Эльвира
И Матюрна съ шуткой на устахъ.

Инфантой этою въ окно Эскуриала
Жуану лѣстница настенная была
Когда-то брошена, — и въ страхъ замирала
Дочь королей, томилась и ждала.

И продавицею, слявущей непреклонной
Онъ принять былъ въ одинъ изъ майскихъ вечеровъ,
И въ хижинѣ своей надъ глиняной Мадонной
Она тогда повѣсила покровъ.

А вотъ игуменья, презрѣвшая проклятья;
Когда-то, проводивъ въ отчаяньѣ его,
Она упала ницъ предъ мраморомъ Распятія,
И умерла, моляся за него.

Все эти существа, любившія глубоко,
Нашедшія въ любви свой смертный приговоръ,
Бросають на него исполненный упрека
И вмѣстѣ — нѣжный взоръ.

Но нечувствительный къ любви краснорѣчивой
Ласкающихъ очей, себя не измѣня,
Онъ говоритъ, встряхнувъ своей сѣдою гривой:
— Чего же вы хотите отъ меня?

Вы молитесь меня о казнь состраданья,
Но вы, отъ истинной печали далеки —
Лучи, угасшіе отъ моего дыханья!
Взятые моей рукою ленточки!

Благословлять меня должны вы ежечасно,
И далье страданья вамъ, но что-же изъ того?
Вѣдь было такъ оно божественно прекрасно,
Что жизнью заплатить возможно за него.

Для васъ на часъ, на мигъ открылись двери райа
Куда стремился я напрасно много лѣтъ,
Вы были счастливы, скорбя и умирая,
Для васъ блеснулъ желанный свѣтъ.

Я былъ художникомъ, поэтомъ наслажденья,
Подобно воину, который въ бой идетъ,
Я не считалъ жертвъ, не зная угрызенья,
Своимъ путемъ спокойно шелъ впередъ.

Меня манялъ собой миражъ неуловимый,
И я рвался къ нему, бояся отдохнуть,
Скелетовъ длинный рядъ въ стѣни неозримой —
Собою мой обозначаетъ путь.

Пусть я чудовище злодѣйства и порока —
Пусть мой грѣхъ тяжелъ, но кара — тяжелѣе,
И жаждою любви томился я жестоко
Въ теченьѣ жизни всей.

Когда, о женщины, пытался вы напрасно
 Удерживать меня въ объятіяхъ своихъ,
 Съ отчаяньемъ въ душѣ въ васъ видѣлъ слишкомъ ясно
 Я въ этотъ мигъ — душою мигъ чужихъ.

И въ ваши чудныя заплаканныя очи,
 Гдѣ слезы искривилъ жемчужною росой —
 Я холодно глядѣлъ, и о лобзаньяхъ ночи
 Я вспоминалъ съ брезгливою тоской.

О, призракъ роковой тоски и пресыщенья!
 Какіе ужасы несетъ съ собою день!
 Въ благоуханьѣ розъ мы чуетъ запахъ тѣни,
 И на свѣтилахъ видимъ тѣнь.

Страдая, и другимъ лишь принося страданья,
 Такимъ я жилъ, такимъ въ могилу я сойду, —
 И вы, вы молитъ меня о состраданьѣ,
 Когда отъ васъ я сожалѣнья жду!

Въ любви была для васъ и высшая отрада,
 Все въ мѣрѣ вѣ ея — страданье или обманъ.
 Не испытать ее — вотъ въ чемъ мученья ада,
 И въ жизни ихъ извѣдать Донъ-Жуанъ!

1894 г.

Сонетъ.

Сомнѣваетесь вы, что однимъ мимолетнымъ свиданьемъ
 Что улыбкой одной вы зажгли этотъ пламень въ крови,
 И что съ этой поры и тоскою любви, и желаньемъ
 Полны думы и пѣсни мои?

Для того, чтобъ во тьмѣ ослѣпительнымъ вспыхнуть
 сияньемъ,
 Въ небесахъ развернуть величавыя крылья свои.

Влить отраву въ сердца и плѣнить ихъ своимъ обаяньемъ—
 Много-ль времени надо: зариницѣ, орлу и любви?

Пусть, какъ сладостный сонъ, наша встрѣча была мимолетна,
 Отдадимся, о другъ, мы безумію грезъ безотчетно,
 Наступаетъ чарующій часъ;

Чтобъ на вѣкъ полюбить и извѣдать любви упоенье—
 Не довольно-ли намъ одного лишь бываешь мгновенья,
 Но о ней позабыть—мало жизни для насъ!

1894 г.

Сочувствіе.

Терзаясь тоскою разлуки,
 Невольно я вижу кругомъ:
 Мои затаенныя муки
 Нашли себѣ откликъ во всемъ.

Лился подъ гнетомъ печали
 Пошкля, головку склоня,
 Въ мѣсу соловьи замолчали
 И звѣзды жалѣють меня.

На сердцѣ—и сладко и больно,
 И чары природы сильнѣи
 Въ дунѣ воскрешаютъ невольню
 Восторги исчезнувшихъ дней.

Мигъ чудится въ пѣніи птицы
 Знакомые звуки рѣчей,
 И кажутся звѣзды—царицы
 Мигъ взоромъ любимыхъ очей...

1894 г.

Приговоръ.

Мнѣ снилося,—и былъ такъ странно ясенъ
Недавній сонъ,—въ гробу покоюсь я,
И слышу я, недвиженъ и безгласенъ,
Какъ приговоръ вѣщаетъ мнѣ Судья:

— Искупишь ты грѣхи свои сторницею!
Лишешью пріюта и гнѣзда
Ты осужденъ быть перелетной птицей.—
— Ну, что-же? Къ ней я полечу тогда.—

— Нѣтъ, будешь ты тѣмъ дубомъ-великаномъ,
Добычею суровыхъ непогодъ.—
— Согласенъ я: гонима ураганомъ,
Она пріютъ въ тѣни моей найдетъ!—

— Извѣданный земныхъ страстей тревоги!
Преступною была любовь твоя,—
Такъ будь-же ты былникомъ у дороги.—
— Ну что-жъ? Ее и тутъ увижу я!—

— Безумный рабъ!—воскликнулъ голосъ властно,
— Ты смертнымъ былъ; останься имъ... Живи!
Но счастья ты не моли напрасно:
Я не верну тебѣ ея любви!

1894 г.

Падучая звѣзда.

Мечтая все о томъ, что мнѣ всего дороже,
Вечернею порою брожу я иногда,
И если промелькнетъ падучая звѣзда,
Желанье я шепчу: всегда одно и то-же.

Повѣрье есть одно, старинная примѣта,
Что если загадать о чемъ-нибудь, когда
Во мракъ падаетъ блестящая звѣзда,—
Исполнится судьбой всегда желанье это.

Сознаюсь, милый другъ, въ сердечной глубинѣ
Примѣтой старою я тѣнусь суевѣрно,
думается мнѣ, что въ этотъ мигъ навѣрно
Ты вспомнишь съ презнею любовью обо мнѣ?

Но дни становятся туманнѣй и короче,
Дыханьемъ холода повѣяло опять,
И какъ я ни гляжу—во мглѣ несчастной ночи
Падущихъ звѣздъ ужъ больше не видать!

1891 г.

Изъ дневника.

Когда задумавшись сижу я у огня,
И взглядъ разсѣянно скользитъ поверхъ страницъ
Видѣнье странное преслѣдуетъ меня:
Я думаю о томъ, какъ умирають птицы?

Мнѣ представляется рядъ оцутѣлыхъ гнѣздъ,
Качаемыхъ во мглѣ порывомъ урагана,
И лѣсъ безлиственный подъ ризою тумана..
Куда дѣваются малпшовка и дроздъ,
Замерзшіе зимой? Въ лѣсу, съ возвратомъ лѣта
Никто не находилъ погибшихъ птицъ скелета,—
И та-же мысль меня преслѣдуетъ опять:
Гдѣ прячутся онѣ затѣмъ, что-бъ умереть?..

1894 г.

Вдали.

Пусть это все не больше, какъ ошибка—
Но предо мною до сихъ поръ:
Любимыхъ усть прощальная улыбка,
Прощальныйъ взоръ.

Пусть это все безуміе,—я знаю!
Пусть даже мы не встрѣтимся опять—
Страдаю я, но я предпочитаю
Страдать.

Пусть это сонъ—не падо пробужденья,
Пусть гибну я отъ этихъ мукъ.
Отрадиже надежды пещельеня
Миръ мой недугъ.

1894 г.

Гаданіе.

Ожидая отвѣта гадалки,
Передъ нею стояли онъ:
Та—подобіе пѣяной фіалки,
Эта—розы, разцвѣтшей внонѣ.

И вторая услышала вскорѣ:
— Будеть горькою доля твоя.—
— Но меня онъ полюбитъ?—На горе!—
Значить буду счастливою я!—
— Ты любви не узнасишь отвѣтной.—
Прощентала старуха другою.
— Но сама люблю?—Беззавѣтно!—
— Значить счастье поцую съ собою.—

1894 г.

Старинный сонетъ.

У окна со стеклами цвѣтными,
За которыми тополи шумять,
Гугенотка опускаетъ взглядъ,
Наклонясь надъ пальцами своими.

Близъ нея играетъ на полу
Бѣлый котъ упавшими клубками;
Вдругъ она, закрывъ лицо руками,
Далеко отбросила плу.

подавивъ невольное рыданье,
О пакѣ, томящемся въ изгнаньѣ,
Вспомнила красавица, дрожа...
И блѣднѣетъ гордая графиня,
На груди которой, какъ святыня
Скрыть букетъ католика-пажа.

1894 г.

Человѣкъ-афиша.

ПОЭМА.

Лѣтъ десять передъ тѣмъ, некусѣнный работникъ
 Былъ дядя Элоа, по ремеслу же плотникъ;
 И онъ, хотя ему минуло шестьдесятъ,
 Работы не бросалъ, и дѣло шло на ладъ:
 На вѣсѣхъ постройкахъ онъ извѣстенъ быть не даромъ.
 Но прошлой осенью онъ пораженъ ударомъ
 Внезапно былъ, и тутъ онъ сразу одряхлѣлъ.
 Съ чего съ? Не нынѣца онъ былъ и не бездѣльникъ,
 И даже не справлялъ ни разу по недѣльникъ,
 А вотъ стряслось, — и онъ остался не у дѣлъ —
 Хромой, съ отнявшеюся лѣвой стороною.
 И велѣдъ за этою нежданною бѣдою,
 Чѣмъ только сохранить и уголь, и кусокъ —
 А скоро-ль справится съ подобною задачей? —
 Онъ радъ былъ сдѣлаться афишею ходячей.

Вы знаете его, не правда-ли? И могъ
 Изъ насъ на улицѣ его увидѣть каждый.
 Сегодня встрѣтился съ бѣднягою я дважды.
 Онъ двигался — межъ рамъ громадныхъ заключень
 Изъ грубаго холста, гдѣ былъ изображенъ
 Малютка шляпочникъ, съ улыбкою нахальной
 Глядящій въ публичку, со шляпой колоссальной
 Въ рукѣ, номѣченной: «семь франковъ, пятьдесятъ»...
 Но—шутки въ сторону. На мой привычный взглядъ
 Ояъ жалокъ, со своей шаруужиностью почтенной,
 Съ какой ученики святыхъ обыкновенно

Рисуютъ; жалокъ онъ, повѣйшій вѣчный жидъ.
 И грѣхъ надъ бѣднякомъ глумиться злополучнымъ,
 Вѣдь онъ,—онъ не смотря на свой почтенный видъ
 И добрые глаза, животнымъ сдѣланъ вьючнымъ.

Онъ бѣденъ, немощенъ и старъ, а потому
 Имѣеть онъ тройнѣ права на уваженъе
 И самъ я никогда не въ силахъ былъ къ нему
 Иначе отнестись, какъ съ чувствомъ сожалѣнья
 Глубокаго,—къ нему, кто одаренъ душой,
 Какъ люди прочіе, душой такой же самою,
 И кто навьюченный расписанной рекламой,
 Чѣмъ такъ не вяжется съ сѣдою бородой —
 Хромая, странствуетъ весь день по троттуарамъ.
 И неудачникомъ интересуюсь старымъ,
 Прошедшею весной я свелъ знакомство съ нимъ.

Однажды вечеромъ я, проходя бульваромъ
 Гренельскимъ, сумрачнымъ, отцвѣтшимъ и пустымъ
 Его увидѣлъ тамъ сидящимъ одиноко.
 Должно быть, передъ тѣмъ, какъ побрести въ свою
 Коморку на почлегъ—присѣлъ онъ на скамью.
 Замѣтивъ, что его жалѣю я глубоко,
 Онъ вспахнулъ и блеснулъ его потухшій взоръ...
 Онъ деньги оттолкнулъ; но тотчасъ разговоръ,
 Перебѣнивъ, успѣлъ я съ гордостью тревожной
 Бѣдняги, кое-какъ поладить:

— Съ коньякомъ

Хоть чашку кофе, да? Ужъ это, право можно...

Вотъ кетати ресторанъ и съ садикомъ. Заѣдемъ...

Сѣвъ подъ акаціей неварачной ресторана,
 Разговорились мы, и съ перваго стакана
 Старикъ мнѣ выказалъ довѣріе. Уменьъ
 И честенъ, истинный Парижа сынъ, философъ,

Касавшіея порою общественныхъ вопросовъ,
Таковъ былъ Элоа, и вотъ какъ началъ онъ:

— Сказать по истинѣ — такъ не имѣемъ права
Мы, пролетаріи, на старость. Лучше право,
Мнѣ было бѣ, еслибъ я, свалившись съ лѣсовъ,
Убился до смерти. Но вѣрно ужъ таковъ
Мой яребіи, и притомъ я въ жизни не былъ шляпнымъ.
На горе, старики живутъ съ упорствомъ страннымъ.
И ты, изъ-за куска, на всякій трудъ готовъ.
Обвѣщаютъ массою гигантскихъ объявленій,
Гдѣ публикуется о рядѣ представленій
Заѣзжихъ клоуновъ, о новыхъ поронкахъ —
Врожу я безъ конца во всякую погоду
И къ вечеру едва держусь на ногахъ,
Какъ кляча, цѣлый день таскающая воду.
Зато — три франка въ день, при томъ же на харчахъ
Хозяиескихъ, и живешь, съ единственнымъ желаньемъ
Скорѣе умереть, но все-таки гордись,
Что не протягивалъ руки за подаяньемъ.

— Я жалуюся вамъ, а можетъ быть сейчасъ
Подумаете вы, что участію своимъ
Довольный, безъ стыда я примиряюсь съ нею,
И мнѣ не такъ еще живется тяжело,
Какъ многимъ? Но когда причины, по которымъ
Противнымъ стало мнѣ такое ремесло,
Я выскажу, тогда... Заняться разговоромъ
Со мной хотѣли вы... Поговоримъ.

Такъ вотъ

Когда я странствую, раздуміе беретъ
Ужасное меня о томъ, что большей частью
Распространяю я безсовѣстную ложь,
Ведущую къ вреду и къ общему несчастью,
Что тѣмъ, которые обмануть ни за грошъ

Усѣвшись при огнѣ, обзавестись домкомъ
Порою мечтали мы, желая сбереженья
Удвоить и смотря впередъ безъ опасенья.
Мы долго прятали билеты подъ футляръ
Старинный отъ часовъ. Но вышелъ циркуляръ
„Морского общества“ — еще обманъ скандальный,
Которому успѣхъ сулили колоссальный,
И соблазнилася покойница!. Увы,
Всего въ шесть мѣсяцевъ — какъ думаете вы?
Все слышло, до-чиста... Не вынесла бѣдняжка
И душу отдала... Не даромъ очень тяжело
Бываетъ мнѣ, когда въ скитаніяхъ моихъ
Я долженъ помогать успѣху биржевыхъ
Монпельнскихъ штукъ.

Но знаете, порою

Бывали случаи, когда казалось мнѣ
Такое ремесло ужаснѣе вдвойнѣ.
Въ тѣ дни, когда ходилъ съ афишей я большою
Изображающей танцовщицу, съ ногою
Высоко поднятою, съ улыбкой на губахъ
И съ объявленіемъ внизу о вечерахъ
Увеселительныхъ въ одномъ саду публичномъ!
Къ вамъ отношусь я съ довѣрьемъ необычнымъ,
И вамъ довѣрю я несчастье мое —
Стыдъ дочери. Вѣдь я оплакивалъ ее
Сильнѣе, чѣмъ ея скончавшагося брата:
Опъ умеръ, а она погибла безъ возврата.
Я, знаете, вдонѣлъ, а материнскій взоръ
Вѣдь пужаетъ, чтобъ имѣть за дочкою надзоръ.
Притомъ же въ мастерской порядочныхъ немного,
Примѣры... И легко пойти дурной дорогой
Съ красивымъ личикомъ... Ее вчерашній день
Въ коляскѣ встрѣтилъ я, со шляпкой на бѣкренъ
Надѣтою. Она въ Булонскій лѣсъ катилась
И многихъ на себя вниманье обратила...

Ужасно! У меня, при мысли о садахъ
Публичныхъ, какъ „Эденъ“ темнѣетъ все въ глазахъ
И тутъ едва могу сдержаться я отъ стога
Въ какомъ шибудь изъ нихъ—быть можетъ дочь моя,
И, Боже праведный!—вѣдь созываю я
Самъ почитателей развратнаго притона!

И открываюсь вамъ, какъ предъ духов-
никомъ.

Спасибо сударь вамъ, спасибо за вниманье,
Съ какимъ вы слушали мое повѣствованье.
Да, если-бъ говорилъ богатый съ бѣднякомъ
Почаще, отъ него порою о многомъ слышна—
То легче бъ намъ жилось. Нѣтъ, денегъ не
возьму
И вашихъ ни за что, по челоуѣкъ афинна
Кѣмъ вы не брезгали, васъ проситъ, чтобъ
ему
Пожалп руку вы, и съ чувствомъ состраданья
Чтобъ сохранили вы о немъ воспоминанье.—

Опъ удалился. Ночь, прозрачна и ясна
Спустилась, и небесъ глубокихъ вышина
Блеснула звѣздами, а въ думы погруженный,
Я все еще сидѣть, рассказомъ потрясенъ
И полонъ жалости ко всѣмъ, кто угнетенъ

Себѣ подобными. Старикъ, всего лишенный
Безжалостно, кому пришлось перенести,
Какъ взяли у него: кровь, золото и честь,
Опъ показавшій мнѣ на этомъ объявленъ
Смерть сына, дочери позоръ, и разоренье
Семьи своей,—опъ знаетъ желать бы, господи
Сенаторы, и вы, парода депутаты,
О благѣ общества кричаще всегда—

Довѣрьте публики, я въ этомъ хоть невольно
Обязанъ помогать... Да, смѣйтесь! Но больно
Тому, кто честенъ самъ и въ томъ лишь виноватъ,
Что въ жизни испытавъ несчастій цѣлый рядъ—
Быть вывѣской живою воровъ и шарлатановъ.
Афинна! Глашность! Ахъ, все это,—рядъ обмановъ,
Которые собою лишь губятъ бѣдняковъ.

Въ прошедшемъ мѣсяцѣ ходилъ я съ объявленъ
Газеты, одного изъ уличныхъ листковъ,
Торгующей семь разъ въ недѣлю „обличеньемъ
И гнѣвомъ пламеннымъ и льющей безъ конца
Ядъ злобы мелочной и зависти въ сердца
Предмѣстья жителей. Вы знаете, что это?
Опортунистская, продажная газета,
Которая, то льститъ народу, то надъ нимъ
Глумится, отъ однихъ переходя къ другимъ
Съ завидной легкостью. Мнѣ сдѣлалось извѣсно
Какъ подстрекательствомъ двусмысленно безче-
Подобные листки приносятъ страшный вредъ.
Во дни коммуны,—да, теперь ужъ двадцать л
Исполнилось тому,—мой сынъ,—опъ малымъ часъ
Былъ отъ рожденія, но съ пылкой головою,—
Увлечея до того газеткою такою,
Что вскорѣ получилъ и званіе сержанта
И инсургентовъ. Опъ захваченъ былъ и пальъ
Подъ пулями, а тотъ, который подстрекать
Другихъ, остался цѣлъ, и этого-же франта
Теперь и не узнать: въ сапожники попалъ.
Проклятіе! Всегда, при каждой „уткѣ“ новой—
Серьезно или нѣтъ—но возбуждать готовой
Всѣ страсти худшія, я думаю съ тоскою
И ужасомъ въ души, толкаясь межъ толпой
Бульварною, съ моею афишею ужасной,

О. П. ТЮМИНА-МИХАЙЛОВА.

Что этот злеть ея, большой и яркочерный,
Запачканъ весь въ крови ребенка моего!..

— Афиша! Чортъ возьми! Силошное воровство!
Я знаю хорошо финансовыя штуки,
Я знаю, какъ дѣльцы пагрѣть готовы руки,
Мороча простаковъ! Громаднѣйшій процентъ
И обезпеченье, и крупный дивидендъ!
Все громкія слова: кредитъ, контора, касса,
На что и ловится довѣрчивая масса,
Тушащая потомъ о скопленныхъ грошахъ.
Три мѣсяца назадъ вы помпите-ли крахъ
„Трансатлантической компаніи“? Скандальный,
Постыднѣйшій обманъ! А самъ банкротъ нахальный,
Повѣрите-ль, его встрѣчаю я на дняхъ
Въ коляскѣ, въ обществѣ разряженной кокетки!
Все поглощаютъ ихъ прожорливыя глотки.
И, право для того, чтобъ на груди своей
И на спинѣ таскать въ теченьѣ цѣлыхъ дней
Наглупѣйшія афиши съ именами
Воровъ, — для этого, сказку я между нами,
Быть надо бѣднякомъ и не имѣть угла.

Я ненавижу ихъ за то, что много зла
Мнѣ сдѣлали они, проклятые... Когда-то
Съ покойной моеи Клемансъ почти богато
Мы зажили. Я самъ работалъ словно волъ,
Хозяйка же была большою мастерицей.
Сынка лишились мы, но дочери пошелъ
Шестнадцатый: она ходила ученицей
Къ цвѣточницѣ, и я, хоть не былъ богачемъ,
Но все-же, сколотивъ пять тысячъ, — ни о чемъ
Не беспокоился, считая, что въ сорочкѣ
Я родился. Тутъ все: приданое для дочки
И обезпеченье подъ старость. Вечеркомъ,

Здѣсь на землѣ все жаждутъ переменъ,
Лобзанья здѣсь уходитъ безъ слѣда.
Я жажду тѣхъ, что вѣчно неизмѣнны
И—навсегда!

Здѣсь на землѣ любовь непостоянна,
А дружба длится краткіе года
И чувства яду, какому тѣнь обмана
Была-бъ чужда!

Л а с т о ч н а .

Ты, которая къ нему свободно
Направляешь отважный полетъ,
И не падаешь въ мукѣ безплодной
Съ недоступно суровыхъ высотъ:

Ты, которая жажду изъ тучи
На пути утоляешь порою,
Пропоеся черезъ горныя кручи,
Черезъ море и рѣки—стрѣлою,

Ты ненастной порою осенней
Покладавшая насъ для того,
Чтобъ вернуться съ развѣтомъ сиреней
Ты, которой дорожке всего

Лишь родное гнѣздо и свобода—
Какъ съ тобою схожусь я во всемъ!
И во мнѣ пробудила природа
Все, что въ сердцѣ ты посинишь своею.

И, какъ ты, поднимаюсь высоко
На крылахъ лучезарныхъ мечты,
И стремлюся туда одиноко,
Гдѣ парюшь одиноко и ты.

Я ничѣмъ не завидую долѣ,
Раздѣляя порывы твои,
Я хочу лишь простора и волн,
Любви, безконечной любви!

* * *

Два смѣляхъ путника, взобравшись на утесъ,
Закрывъ глаза, внимали реву моря
— Я слышу въ немъ всю предель райскихъ грёзъ!—
— А я—весь стою земного горя!—

Сіялъ на кебъ голубомъ,
И съ одинаковою силой
Имъ море—сфинскъ обонмъ говорило
Такую-жъ рѣчь, но разнымъ языкомъ.

Статуя и женщина.

(Les Vénus).

Быль зимній день угрюмъ и сѣрь,
Но я подъ портикомъ античнымъ,
Взиралъ съ восторгомъ необычнымъ
На изваянія Венеры.

И въ королевскомъ Луврѣ старомъ
Искусства видя образцы,
Я понималъ что имъ не даромъ
Отведены у насъ дворцы.

Но нищую иди дорогомъ,
На поворотѣ встрѣтить я,
И вмѣстѣ была душа моя,
Объята грустью и тревогомъ...

Зачѣмъ страдаютъ тѣ, кто въ томъ не винятъ
И въ этомъ ли — прогрессъ великій нашихъ дней

И словно для того, чтобъ мнѣ еще слышнѣе
Собой навѣять грусть—вонъ тамъ, изъ отдаленнаго
Казармы, въ тишинѣ слышался смягченный
И чистый звукъ рѣзка, неправнаго сѣгнать.
И къ небу чуждому житейской нашей муки,
Гдѣ въ яркой снѣговъ созвѣздій рои сіяютъ —
Песеня медленно тоскующія звуки...

1892 г.

Изъ Сюлли Прюдома.

Р о с а.

И предаюсь мечтамъ, поднявъ къ лазури очи,
Въ отрадно тихіе вечерніе часы,
Когда среди луговъ рукою блѣдной ночи
Разбросаны вездѣ жемчужныя росы.

Откуда же, на нихъ, дрожа, онѣ упали?
Прозрачный сводъ небесъ блистаетъ синевой.
Не тамъ-ли, въ вышнѣхъ сейчасъ онѣ сверкали
Предъ тѣмъ, какъ сияютъ серебряной росой?

Откуда у меня явились эти слезы?
Лазурь безоблачна и даже вѣтеръ стихъ.
Не въ сердцѣ-ли моемъ росли онѣ, какъ грезы,
Предъ тѣмъ, какъ заблестятъ во взорѣ глаза моихъ?

Ж е л а н і е.

Здѣсь на землѣ все слишкомъ скоротечно:
И запахъ розъ, и пѣнье соловья.
Такой весны, что остается вѣчно —
Хотѣть-бы я!

Но не клини людское безучастье:
Земля скупа и непосиленъ трудъ.
На свѣтѣ общее—одна мечта о счастьѣ.
Вѣбмъ тяжело лишь личное несчастье;
Рви.—иль тебя на части разорвутъ...

Но ты, вдали отъ говора и гами
Вѣбхъ этихъ продавцовъ, сѣбшащихъ на базар
Священнодѣствуешь среди пустатаго храма.
И вѣбмъ чужда тобой пережитая драма.
Не нуженъ имъ души священный жаръ.

Опомнись, другъ! Съ другими торгашами
Дѣли ихъ барыши, обманывая, кричи,
Хозяиномъ въ опустошенномъ храмѣ,
И насмѣясь надъ прежними богами,
И честь, и стыдъ ногами растопчи!

Но если жизнь не стоитъ тѣхъ ушедшій—
Отдайся бурному теченію, поэтъ.
Украешь чело свое вѣбкомъ изъ розъ и лилій,
И волны, изъ страны обмана и насилій
Умчатъ тебя туда, гдѣ—вѣбковѣчный свѣтъ!

1893 г.

На странѣ.

Волнами грозными омьты,
Подъ ропотъ бурь, во мглѣ тумана
Земли надежная охрана—
Стоять суровыя граниты.

И ронцуютъ скалы, гибва поляны:
— Проходятъ дни, проходятъ годы,
И здѣсь—добыча непогоды—
Мы грудью сдерживаемъ волны.

Мы, въ нашей мощи вѣковѣчной,
Осуждены на разрушеніе,
Спасая тѣхъ отъ истребленія,
Чья жизнь жалка и скоротечна.

Но дрогнуть смертные въ пену тѣ:
Вѣдь море, рано или поздно,
Въ своемъ порывѣ смеетъ грозно
И нашу гранитъ, и ихъ дачуги.

Одиночество.

Счастье идетъ—незамѣтное,
Чуждою міру тропой,
Имя для сердца замѣтное—
Что огласить предъ толпой?

Радость и муки свиданія,
Звукъ рѣчей дорогихъ,
Усть забывенныхъ лобзанія—
Ильенью-ли выразить ихъ?

Тайной для всѣхъ сокровенною
Счастье остаться должно:
Лирой владѣть вдохновенною
Въ мірѣ тому лишь дано.

Что, не знававши участія,
Сердца усталого гнетъ,
Жажду напрасную счастья—
Въ звуки ея перельеть.

Что, упоенный отравой—
Лести коварной—въ борьбѣ,
Въ вѣчной погонѣ за славой,
Ищетъ забвенія себѣ.

Богѣзненно истомлена,
Въ какомъ-то рубищѣ несчастномъ—
Какъ молода была она,
Съ лицомъ божественно-прекраснымъ!

Густая прядь свѣтлыхъ косъ
Лежала мягкой волною,
Глаза, съ ихъ темной глубиной,
Хранили слѣды недавнихъ слезъ.

Рука, исколота плетью,
Была красива, но худа;
Отъ непосильнаго труда
При лампѣ поздною порою

Ослабло зрѣніе у ней.
Скрывая стыдъ, скрывая муку,
Она протягивала руку,—
Но кто и чѣмъ поможетъ ей?

Кто видитъ гнетъ ея терзаній?
Она страдаетъ не одна.
Дворцы у насъ—для изваяній,
А ты—ты Богомъ создана!

Твоей красѣ не будетъ храма,
Они—для мертвой красоты.
И въ вихрѣ свѣтской суеты
Забудется простая драма...

Себѣ отыщешь ты пріютъ,
Быть можетъ въ омутѣ разврата;
Для женщины мраморныхъ—палата,
Живяя тысячами мрутъ!

1893 г.

* * *

Кто скажетъ: я забылъ весны очарованье?
Кто скажетъ: первую я позабылъ любовь?
Нѣтъ, даже старикъ, чья охладѣла кровь,
Не скажутъ этого, увидѣвъ днѣ сѣнне.

Но развѣ не всегда любимыя черты
Мы видимъ предъ собой духовными очами?
И въ сердцѣ у себя мы не хранимъ-ли сами
И первый поцѣлуй и первыя мечты?

Когда сѣнне багрянаго заката
Угаснетъ, отгорѣвъ,—изъ наступившей тьмы
Проглянетъ звѣздочка, которую когда-то
Съ восторгомъ сладостнымъ приветствовали мы.

И я, отъ суеты и шума утомленный,
Оставшися одинъ, припоминаю вновь
Съ волненьемъ радостнымъ и съ грустью умиленной
Неумирающую въ душѣ моей любовь...

Б о р ь б а.

Когда-жъ, поэтъ, мечтатель неразумный,
Простинься ты съ мечтой о братствѣ и любви?
Вегупая въ боѣ ожесточенно-шумный,
Смѣшайся-же съ толпой благоразумной,
И въ трудный часъ на помощъ не зови.

Вѣѣ—за себя въ лютѣйшемъ бурномъ морѣ,
До гибнущихъ пловцовъ плыть дѣла никому.
Сочувствія ты не увидишь въ горѣ;
Все человѣчество подобно жалкой сворѣ:
Кто побѣдитъ—двойная честь тому!

Металломъ дорогимъ владѣю я въ набыткѣ,
Который могъ бы дать на славу мнѣ права,
Но золото мое еще покуда въ слиткѣ—
И долженъ я въ чекагъ отдать его сперва.

Достичь безсмертія! Не потонуть въ пучинѣ,
Гдѣ гибнетъ множество невѣдомыхъ именъ.
Жить въ памяти людей отнынѣ,
До отдаленнѣйшихъ временъ!

Въ дни юности мечтать и грезить я объ этомъ.
И если самъ я не рожденъ гѣвномъ—
Я первый преклонюсь предъ истиннымъ поэтомъ,—
Моихъ поэмъ невѣдомымъ творцомъ!

П р о с ь б а.

О, еслибъ вамъ была знакома
Боль одиночества, тѣснящая мнѣ грудь —
Вы, можете быть прошли бы мимо дома,
Гдѣ я живу, когда нибудь.

И если бъ знали вы, какое утѣшенье
Вашъ ясный взоръ приносить мнѣ давно —
Вы, можете быть, взглянули бъ на мгновенье
Ко мнѣ въ окно.

Когда бы знали вы, что горе и тревога
При видѣ васъ въ душѣ стихаютъ вдругъ, —
Вы сѣли бы у моего порога,
Какъ вѣрный другъ.

О томъ, что я люблю, о томъ, какой любовью
Люблю я васъ, — когда бъ вы знать могли —
Вы, можете быть, на перекоръ злословью,
Ко мнѣ бъ вошли.

С и л е н ь.

(Идиллія).

Пьетъ Силень за кубкомъ кубокъ,
Слава Вакха торжество;
Нимфы вьются вокругъ него
Стаей легкою голубокъ.

Тяготѣющій къ землѣ,
Онъ нуждается въ опорѣ —
Но съ безуміемъ во взорѣ,
Гордо сядя на ослѣ,

Потѣшается хвастливо
Надъ собравшеюся толпою.
И къ нему нетерпѣливо
Все пристали:—пѣсню пою! —

Дѣти съ криками повисли,
Уцѣпились за него...
— Я знаю, но для того,
Чтобъ верно высокою мысли

Вдохновеньемъ расцвѣло —
Розы пышными цвѣтами
Съ виноградными лѣстами
Увѣщайте мнѣ чело! —

Дѣти кинулись въ долину:
Не оставили цвѣтка, —
И, векарабавившись на спину,
Увѣщали старика.

— Подъяе! — Прежде пусть Аглая
И Неэра — красота,
Потѣлуемъ вдохновляя,
Разомкнутъ мой уста! —

Сосѣдство.

Вы хотѣли узнать, почему я
И за что—васъ безумно люблю?
Отчего васъ увидѣть хочу я?—
Вы похожи на юность мою.

Часто въ вашемъ мечтательномъ взорѣ,
Въ вашихъ темныхъ очахъ я ловлю
То восторгъ мимолетный, то горе,—
Вы похожи на юность мою.

Часто, вашей плѣбненъ красотою,
Я предъ вами подолгу стою:
Идеальной сея чистотою
Вы похожи на юность мою.

Но предчувствіемъ сердце томимо:
О любви я смиренно молю —
Вы же молча проходите мимо...
Вы похожи на юность мою.

Ревность.

Я видѣлъ ихъ, но мой печальный взоръ,
Мой тихій вздохъ—ихъ счастья не смутил.
И лишь въ душѣ я прощенталь укоръ:
— Меня вы, значить, не любили?—

Кругомъ цвѣла душастая сирень,
И облака среди лазури плыли...
— Забыли вы такой же вѣнчикъ?
Меня вы значить не любили?

Другой, склонясь, шепталъ ей о любви,
Кругомъ цвѣты благоуханье лили...
— Забыли вы моленія мои?
Меня вы значить не любили?

И вдругъ, меня замѣтивъ тамъ, въ тѣни,
Улыбкою меня вы подарили —
Не для того-ль, чтобы напомнить дни
Когда меня вы не любили?

Идеи и форма.

Себя считаю я поэтомъ по призыванью;
Кто знаетъ, не ошибся-ль я?
Я вѣрю въ истину: къ добру и сострадально
Душа отзывчива моя.

Но, можетъ быть, я тайной не владѣю —
Одушевлять и волновать сердца,
И въ форму воплотить великую идею
Не въ силахъ до конца?

И все-жь, когда скульпторъ, трудясь надъ изваяньемъ,
И тяжестью задачи побѣжденъ
Не властенъ справиться съ капризнымъ очертаньемъ —
Ужели оттого онъ меньше вдохновленъ?

Кто пережить со мной мечты мои и слезы?
Всѣ люди чувствуютъ равно,
Но въ образы облечь затѣвливя грезы —
Не всякому дано.

Порой для думъ своихъ ницу я тцетно слова,
Порывъ могучъ, но нѣтъ могучихъ силъ;
Нодъ тканью рубица простого
Свои дары, увы, я скоронилъ.

И прелестныя созданья,
Словно пчель ревпивихъ рои,
Всѣ спѣшатъ на перебой
Подарить ему лобзанье.

— Пачинай же! — Радъ бы я,
Но оселъ мой скачетъ шибко, —
И обманника съ улыбкой
Въ тѣнь вѣтвей ведутъ друзья.

Выражая нетерпѣнье,
Всѣ столпились вокругъ него,
Ждутъ, — и что-жь? Не звуки пѣнья —
Изъ раскрытыхъ устъ его
Льется громкое хранѣнье...

1894 г.

Идеаль.

Красою звѣздною сияютъ неба своды,
Но лишь къ звѣздѣ одной летитъ моя мечта
И мнится мигъ — душа великая природы
Въ дыханьѣ ночи разлита.

О, дивная звѣзда! Она еще незрима
Для міра, гдѣ царятъ насилье и вражда,
Но тьма разбѣется: надъ нимъ непобѣдимо
Она взойдетъ въ грядущіе года.

О, братья смертные, и въ этотъ мигъ желанный
Вы всѣ, кому блеснетъ ся отраднѣй свѣтъ —
Скажите, что се во мглѣ вѣковъ туманной
Провидѣль и любилъ поэтъ!

Въ лѣтнюю ночь.

Мчись, мой конь, вздымая искры огненнымъ дождемъ!
По горамъ и по долинамъ вихремъ промелькнемъ.
Пусть далеко раздастся стукъ твоихъ конячь,
И его собою звонко эхо повторить.

Намъ на встрѣчу свинцетъ вѣтеръ и журчатъ струи,
Ты окрасилъ алой пѣной удила свои,
Но впередъ летишь ты смѣло, черезъ лѣсъ и доли, —
Какъ въ своемъ полетѣ быстромъ — царственный орелъ.

Такъ степей необозримыхъ вольные сыны
Мчатся бѣшено въ набѣги, удалюю полны,
И впередъ стремятся каждый, мужествомъ объять
Для себя не признавая никакихъ преградъ.

Уноси меня въ пространство! Жажду грудью всей
Я упитьсѣ на свободѣ воздухомъ полей,
И съ какой-бы ты ни мчался странной быстротой —
Я тебя опережаю пылкою мечтой.

Ураганомъ, конь мой вѣрный, бурей лети,
Сокрушая все преграды на своемъ пути.
Улетимъ туда, гдѣ слышенъ крикъ орлиныхъ стаи,
Въ неизвѣданную область, въ незнакомый край!

Было е.

Порою въ тишинѣ я говорю бывшему:
— Напомни мнѣ опять о милой старинѣ! —
И тутъ оно, стряхнувъ дремотную истому,
Приподнимается и въ очи смотритъ мнѣ.

Потомъ, облекнися въ весенніе уборы,
Оно ведетъ меня въ волшебные края,
Гдѣ чаровало все и радовало взоры,
Гдѣ прежде я любилъ, и былъ счастливѣй я.

Имъ зажжены огни, горѣвшіе когда-то,
И чаши розами украшены богато;
Но, пристально взгляды въ спокойный ликъ его,
Я убѣждаюсь, что пламя прежней страсти
Не воскреситъ его и не имѣетъ власти
Надъ тѣмъ, что навсегда останется мертво!

1894 г.

Искусство и любовь.

Буйный вѣтеръ степей, къ дальней цѣли стремясь,
Буйный вѣтеръ, могучій и смѣлый,
Встрѣтивъ пышный цвѣтокъ, затоскуетъ, кружась
Надъ высокою лиліей бѣлой.

— О, останься со мною! — тихо шепчетъ она;
— Отдохни отъ скитаній — со мною!
Я тоскою любви и желанья полна
Подъ холодной моею бѣлизною. —

— „Я блуждать осужденъ, я мечтою гонимъ:
Видишь тучу вдали грозовую?
Подожди же, пока дуновеньемъ своимъ
Жизнь и свѣтъ въ эту массу вдохну я.“ —

— Возвращайся ко мнѣ, буду вѣрить и ждать.
Ты — въ пространствѣ небесномъ витая,
Я прикована здѣсь — мы сойдемся опять,
Лишь затихнетъ гроза, отлетая. —

— „Я вернусь“, — шепчет онъ, исчезая во мглѣ.
 Ароматомъ любви напоенный,
 А она, колыхаясь на тонкомъ стеблѣ,
 Головою покакаетъ склоненной.

Свѣтлымъ грезѣ своей вся она отдалась,
 Онъ — борьбы увлеченью на волѣ,
 Но когда, затихая, гроза пронеслась
 И настала зановѣдннй свиданія часъ —
 Ихъ обонхъ ужъ не было болѣ.

Сонетъ.

Въ сосудахъ грубаго и крѣпкаго закала
 Обильно пѣнится дешевое вино,
 Но для изящнаго, гращенаго бокала
 И грубымъ, и простымъ казалась бы оно.

И чаша съ высоты роднаго пьедестала
 Напитка чистаго напрасно ждетъ давно,
 Достойнаго красы и цѣнности металла, —
 Ей одиночество судьбою суждено.

Напитокъ для него найдется тѣмъ скорѣе,
 Чѣмъ формою сосудъ и проще, и грубѣе —
 И тщетно ждетъ его лишь кубокъ золотой.

Такъ въ жизни: тѣ сердца бываютъ одиноки.
 Чьи помыслы чисты, стремленія высоки —
 Они пренебрегли любовью земной.

Воспоминанія.

Часто въ памяти я возвращаюсь къ нимъ,
 Къ этимъ чуднымъ годамъ отдаленнымъ,
 Къ этимъ грезамъ любви и мечтаньямъ былымъ
 Невозвратно въ душѣ схороненнымъ.

Быстро юность прошла, улетають года,
 Обрываются многія струны,
 И лишь эти мечты навсегда, навсегда
 Остаются и свѣжи и юны.

Я оплакивалъ ихъ, какъ любимыхъ дѣтей,
 И заплакать, какъ прежде, готовый —
 Я предъ ними стою и рукою своею
 Съ ихъ лица поднимаю покровы...

И какъ въ прежніе дни, весь волнуясь я
 Тѣмъ же чувствомъ любви и печали,
 Незмѣнной осталась нѣжность моя,
 Но меня бы онѣ не узнали:

Измѣнилась душа, измѣнились черты,
 Не вернуть мнѣ надежду былую,
 И тревожить теперь молодія мечты,
 Воскрешать ихъ теперь не хочу я.

Не хочу я, чтобъ ихъ поцѣлуй мой
 Отъ могильнаго сна пробудили,
 Потому что онѣ — эти грезы любви
 Слишкомъ, слишкомъ несчастливы были.

Изъ Катюль-Мендеса.

Въ путь-дорогу.

(сонетъ).

Презирая доступныя цѣли,
Къ отдаленнымъ, волшебнымъ краямъ,
Не пугаясь предательской мели —
Поплывемъ по безбрежнымъ морямъ.

И пускай небеса потемнѣли —
Довѣряя своимъ парусамъ,
Мы безстрашно плывемъ къ колыбели
Идеала: къ волшебнымъ краямъ.

Въ тщетныхъ поискахъ новаго рая,
Мы, искатели чуднаго края,
Будемъ вѣчно стремиться туда,
Съ тѣмъ, чтобъ, вѣчною жаждой сгарая,
Не увидѣть, вдали умирая,
Намъ его береговъ никогда.

Инстинктъ жизни.

(сонетъ).

Давно уста разстался съ улыбкой,
Давно въ очахъ не видно прежнихъ слезъ,
Все худшее я въ жизни перенесъ,
Все лучшее — считаю я ошибкой.

Я не страшусь, судьба, твоихъ угрозъ,
Не дорожу твоею я улыбкой;
Недѣли, дни — проходятъ тѣнью зыбкой,
Безъ горестей и безъ блаженныхъ грезъ.

Какъ заживо въ могилѣ погребенный,
Иль какъ скупецъ, сокровища лишенный,
Гнетъ бытія обязанъ я влачить.
Стрихпуть его — мнѣ было-бъ облегченье,
Но я живу: изъ одного влеченья,
Потребности — дышать и жить.

Поэтъ.

Вечерняя звѣзда сіяла въ вышинѣ
И отражалася въ дробящейся волнѣ.
И путникъ тутъ спросилъ у юности поэта:
— Повѣдай, наконецъ, искатель вѣчный свѣта,
Ты, воспѣвающій, среди цвѣтущихъ розъ,
Иллюзію страстей и обольщенья грезъ —
Какая разница межъ нами и тобою?

— Смотрите,—молвилъ тотъ:— надъ вашей головою
Вы видите звѣзду блестящую?— О, да!
— Но если вы глаза закроете— звѣзда
Вамъ будетъ не видна, не правда-ли?— Конечно.
— А мнѣ — сказалъ поэтъ,— она сіяетъ вѣчно:
Закрывъ глаза свои, я вижу предъ собой
Сіяніе ея въ лазури голубой.—

Пѣсня.

Молвить солнце землѣ бѣлоснѣжной:
— О, когда-жъ моею ласкою пѣжной
Растоплю я снѣга твои вновь?—
И сердцамъ повторяетъ любовь
То, что солнце — землѣ бѣлоснѣжной.

Молвятъ пчелы спремямъ липовымъ:
— О, когда же мы къ вашимъ медовымъ
И дунистымъ прильнемъ лепесткамъ?—
Говорятъ поцѣлуи устамъ
То, что пчелы — спремямъ липовымъ.

Молвятъ звѣздочки гордой планетъ:
— Лишь въ твоёмъ ослѣпительномъ свѣтѣ —
Жизнь, и радость, и счастье намъ!—
Молвятъ взоры любимымъ очамъ
То, что звѣздочки—гордой планетъ.

Сочувствіе.

Когда, подобно горлицѣ нуглиной,
Ты уклоняешься смущенно и стыдливо
Отъ поцѣлуя одного —
Я буду терпѣливъ; повѣрь не оскорблю я
Тебя, дитя, безумьемъ поцѣлуя
И своего.

Когда глаза твои съ ихъ глубиной прозрачной
Не любятъ, чтобы въ нихъ глядѣлся вечеръ
мрачный —

Страданье затая,
Веселья твоего пускай я буду эхо,
И для тебя охотно маску смѣха
Надѣну я:

Но если, другъ, склоняясь, какъ липы
Подъ зноемъ, ты грустишь, томяся и блѣднѣя —
Повѣрь, печаль твоя
Священною мнѣ будетъ и родною,
И непритворными слезами надъ тобою
Заплачу я!

МИНИАТЮРЫ.

(Menus poèmes).

Ученикъ Будды.

Въ раздумье погруженъ, стоялъ недвижно Будда
И молвилъ ученикъ:—Любовь свершаетъ чудо.
Освобожденные отъ вѣковѣчной тьмы,
Подобны вольному теченію умы!
Лѣса переходя, переплывая рѣки, —
Я къ отдаленнѣйшимъ пѣмъ міровыхъ племенъ
Пойду, чтобъ возвѣститъ великій твой законъ,
И тѣмъ утѣшить ихъ и просвѣтитъ во-вѣки.

Но Будда отвѣчалъ, ученика любя:
— А если заклеймятъ проклятіемъ тебя,

Что скажешь ты, о другъ?

— Скажу, что люди эти

Не чужды жалости! Взамѣнъ мужи и дѣти

Могли бы закидать камнями меня. —

— А если ихъ толпа, пророка изгоня,
Подниметь на тебя дѣйствительно камешья? —

— Я все же призову на нихъ благословенья.

Не камни и песокъ, а лезвіе меча

Могли они поднять, безжалостно влача

Меня на судьбище и осудивъ на муки. —

— Но если грозный мечъ поднимаютъ эти руки? —

— Такъ я скажу себѣ: разгнѣванной толпой

Я могъ убитымъ быть, межъ тѣмъ я только раненъ. —

— А если отъ меча падешь ты бездыханенъ? —

— Скажу: блаженны всѣ, обрѣтшіе покой. —

— Ступай, — сказалъ тогда ему великій Будда:

— Учй, освобождай, — тебѣ возможно чудо! —

М и л о с е р д і е .

Въ теченьѣ семнадцати долгихъ вѣковъ,
Отъ спящихъ морей до сыпучихъ песковъ,
Съ успльемъ влача утомленныя ноги,
Вездѣ неходилъ онъ пути и дороги.
Пустынею дикою, во мракѣ пещеръ,
Гонимый проклятьемъ, бѣжалъ Агасферъ.
Своимъ появленьемъ прохожихъ пугая,
Весь міръ обошелъ онъ, отъ края до края,
Не зная покоя, не вѣдая сна.
На сѣверѣ дикомъ, гдѣ плещеть волна,
Однажды, печальныя очи погуля,
Онъ шелъ по сугробамъ, и снѣжная буря,

Казалось, ему повторяла: — Иди!

И вырвался вопль изъ усталой груди.

— О, еслибъ найти мнѣ для отдыха ложе

Межъ этихъ утесовъ! Повѣдай, о Боже!

Что долженъ я сдѣлать, чтобъ тягостный путь

На вѣки окончить и въ мирѣ уснуть? —

Покуда молилъ онъ о жалости небо,

Старясь, не имѣющій крова и хлѣба,

Шелъ мимо, — и, чувствуя жалость къ нему,

Онъ ницему отдалъ свой плащъ и суму.

И это исполнивъ, онъ въ тоже мгновенье

Почувствовалъ ясно конца приближенье,

И краткая смерть улыбнулась ему.

М а т ь - з е м л я .

Когда рѣшилъ въ своей премудрости Господь

Изъ праха жалкаго создать живую плоть, —

Онъ землю взялъ со всѣхъ концовъ вселенной:

Съ востока, гдѣ цвѣтутъ въ красѣ неизрѣченной

И пальмы стройныя, и золотой бананъ,

Съ окраинъ запада, гдѣ плещеть океанъ,

Съ цвѣтущихъ береговъ сіяющаго юга,

И съ сѣверныхъ равнинъ, гдѣ завываетъ вьюга.

Хотѣлъ Онъ, чтобъ вездѣ, во всѣхъ концахъ земли,

Гдѣ кости путника приютъ себѣ нашли —

Земля холодная не мачихою злою

Была-бъ усталому, а матерью родною.

Въ какомъ-бы уголкѣ, объ отдыхъ моля,

Гнетъ жизни не сложилъ и сердце онъ большое —

Чтобъ всюду путнику могла сказать земля:

— Приди на грудь мою, засни, дитя родное!

Л е в ъ.

Христа ученію вѣрна,
 Богамъ языческимъ она
 Не поклонилась, — и въ собраніѣ
 Актею преторъ осудилъ
 Отдать звѣрямъ на растерзанье.
 А такъ какъ видимо смутилъ
 Нескромный взоръ ея стыдливость —
 Судья, цѣнившій справедливость,
 Велѣлъ при этомъ, чтобъ она
 На казнь явилася нагою.

И предъ толпою обнажена
 Она предстала; лишь волною
 На грудь ея надала коса.
 Внезапно шопотъ раздался:
 Кругомъ вздымая прахъ летучій,
 Тремя прыжками левъ могучій
 Въ мигъ очутился близъ нея...
 И циркъ, дыханье затая,
 При этомъ зрѣлищѣ ужасномъ
 Дрожалъ въ восторгѣ сладострастномъ
 И царь пустынь, издавши ревъ,
 Полураскрылъ свой грозный звѣрь...
 — Назадъ! — воскликнула Актея,
 И звѣрь, послушаться не смѣя,
 Прилегъ, мгновенно присмирѣвъ.
 А такъ какъ дѣва предъ толпою
 Своей смущалась наготою —
 Смежилъ зеницы грозный левъ.

В о и м я д о л г а.

Алонзо де-Перецъ, защитникъ цитадели,
 Герой, чьи волосы въ сраженьяхъ посѣдѣли,
 И кѣмъ гордится вся кастильская земля,
 Готовый жизнь отдать за честь и короля —
 Обходитъ медленно валы и укрѣпленья.
 Онъ крѣпость отетоптъ, какъ слѣдуетъ боицу;
 Со смертью свякся онъ: ее въ пылу сраженья
 Не даромъ видѣлъ онъ всегда лицомъ къ лицу.

Одно по временамъ съ необходимою силой
 Смуцаеть война: Алонзо де-Перецъ
 Не только граждаинъ, онъ также и отецъ.
 Наслѣдникъ имени, послѣдній отирыскъ хилый
 Ствола могучаго — ему на склонѣ лѣтъ
 Дарованъ былъ. Тотъ мигъ, когда на Божіи свѣтъ
 Явился дитя — былъ также безъ сомнѣнья
 Минутою, когда впервые пробужденье
 И сердца своего почувствовалъ старикъ,
 Блѣднѣвшій каждый разъ, услышавъ дѣтскій крикъ.

Ребенка своего онъ самъ отиравилъ въ горы,
 Но мавры въ эту ночь, подкравшись, словно воры,
 Селенья предали мечу и грабежу,
 А старцевъ и дѣтей безпомощныхъ — ножу.
 И вотъ — передъ лицомъ опасности спокоенъ —
 О чемъ украдкою вздыхаетъ старый воинъ:
 Печаль — въ душѣ его, и слезы, какъ туманъ,
 Собою увлажнили рубцы старинныхъ ранъ.

Но вдругъ, сіяющій кольчугою дорогою,
 Весь въ золотъ — герольдъ явился подъ стѣною

И громко возвѣстить, что славный донъ-Жуанъ
 Кастильскій говорить желаетъ съ донъ-Алонзо.
 (Съ душою черною и твердою, какъ бронза,
 Иль въковой гранитъ, отступникъ донъ-Жуанъ
 Былъ предводителемъ безбожныхъ мусульманъ).
 Алонзо, не страшась возможности измѣны,
 Спокойно поднялся на крѣпостныя стѣны.
 — Я здѣсь, сеньоръ!

— Смотри!—воскликнулъ ренегатъ.

И всѣ увидѣли, что онъ одною рукою
 Держалъ оружіе, и мальчика — другою.
 Ребенокъ закричалъ, — и, ужасомъ объять,
 Отецъ узналъ его.

— Отдай мнѣ дружинамъ!

Не то вотъ этотъ мечъ съ твоимъ малюткой сыномъ
 Покончить черезъ мигъ, — и въ томъ свидѣтель Богъ!

Но молнія въ глазахъ Алонзо заблестала.
 — Презрѣнный, опусти обратно твой клинокъ:
 Онъ недостаточно хорошаго закала
 Чтось даже голову младенца имъ отсѣчь!...

И съ высоты стѣны ему швырнулъ онъ мечъ.

Изъ Хозе-Марія де-Эредіа

Смерть орла.

Когда, взмахнувъ могучими крылами,
 Свободы каждой возвышенной томимъ,
 Орелъ подъ небомъ голубымъ
 Парить надъ вѣчными снѣгами;

И миновавъ вершины грозныхъ кручь,
 Просторомъ голубымъ и солнцемъ онянненнымъ,
 Достигнетъ онъ молніеносныхъ тучъ
 И тутъ же упасть, смертельно пораженный, —

Опъ такъ же счастливъ, какъ и тотъ,
 Кто, отряхнувъ сомнѣній гнѣть,
 Стремится побѣдить — иль пасть въ борьбѣ неравной;
 Кто рвется на просторъ, на солнце, къ небесамъ, —
 И, ихъ достигнувъ, гибнетъ тамъ!
 Такой же смертью — скорою и славной!

Горныя вершины.

Снѣгами вѣчными покрыты,
 Людскою пугающіе взоръ,
 Вы, недоступные граниты,
 И выси дѣвственныя горъ, —

Всегда служили вы оплотомъ
Тому, кто къ вамъ безъ страха шелъ.
Всѣмъ, не склонявшимся подъ гнетомъ
И презиравшимъ произволь.

На эти сумрачныя кручи,
Гдѣ рѣютъ коршуны и тучи,
Ступаль лишь смѣлый человѣкъ.
Здѣсь жили вольные народы,
И колыбелью ихъ свободы
Гора является во вѣкъ.

Т р и м ф а т о р у .

Герои и полубоги! На арку триумфальной
Свои дѣянія изобразить вели;
Кровопрлитный бой, народъ рабовъ опальный,
Склоненный до земли...

И кто бы ни былъ ты — изъ первыхъ гражданъ Рима
Пропехожденіемъ, или простой плебей —
Все начертать вели неумолнимо,
Заслуги всѣ твои предъ родиной твоей.

Иначе — берегись! Тебѣ грозитъ забвенье.
Чредой подъ сѣнь могилъ спеходятъ поколѣнья,
И падаетъ во прахъ поверженный гранитъ.
Современемъ косарь, бродя среди равнины,
Наткнется, можетъ быть, на жалкія руины,
И косу о трофеи забытыя раздробить...

Н а Ц и д н ѣ .

По темнымъ волнамъ золотая трирема
Плыветъ, оставляя серебряный слѣдъ
Корму украшаетъ, какъ символъ побѣдъ,
Орель распростертый — величья эмблема.

Все ярче вдали пламенѣетъ закатъ,
Струятся куреня волной благовоной;
Царица, склоняся на бортъ золоченый,
Впередъ устремила сверкающій взглядъ...

Въ мечтахъ передъ нею — Антоній влюбленный,
Покорный и избянный, какъ левъ укрощенный!
Сильнѣй у царицы волнуется кровь,
И, сладость побѣды вкушая заранѣ,
Не видитъ она надъ собою въ туманѣ
Два призрака: Смерть и Любовь.

Антоній и Клеопатра.

Вмѣстѣ съ террасы они на Египетъ взирали,
Тихо дремавшій у ногъ ихъ. Серебряный Нилъ
Волны свои величаво и мѣрно катилъ,
Легкій туманъ опоясывалъ дали.

Молча къ вождю Клеопатра приникла, дрожа.
Страстью объятый, склонился падъ нею властитель,
Онъ — побѣжденный красою ея побѣдитель,
Гибкое тѣло въ могучихъ объятыхъ держа.

Царственный ликъ въ ореолъ кудрей благовопныхъ,
Очи, мерцавшія пѣгой желаній влюбленныхъ.

Тихо къ нему обратила она.

Видѣлъ-ли онъ въ этомъ темномъ загадочномъ взорѣ:

Акціумъ грозный, вепѣнное бурей море,

Вѣгство судовъ и могильную тьму!..

1. Р а б ъ.

Несчастный, жалкій рабъ, полунагой, голодный.

Какимъ теперь меня ты видишь предъ собой —

И также сынъ страны, прекрасной и свободной.

Гдѣ ясенъ сводъ небесъ прозрачно голубой.

Ее покинуть я, и вотъ ношу я узы!

О, путникъ, слѣдуя за стаей лебедей,

Когда вернешься ты отсюда въ Сиракузы —

Молю, снеси привѣтъ возлюбленной моей!

Увижу-ль я опять улыбку устъ пурпурныхъ

И блескъ очей ея, мечтательно лазурныхъ?

Свиданья радость намъ ужель не суждена?

Скажи: въ души моей незыблемъ образъ чистый!

О, путникъ, посѣщи къ жилищу Клеаристы —

Ее узнаешь ты: она всегда грустна.

2. Элегія.

Прохожій, не медли въ тѣни мавзолея,

Гдѣ прахъ мой безвременно въ землю зарытъ.

Цвѣтовъ не касайся, пусть миртъ и лилей

Свободно цвѣтутъ между плитъ.

Ты видишь голубку? Не цѣлься напрасно!

Молю я, оставь смертоносный свой лукъ.

Вѣдь жизнь молодая волшебю прекрасна —

Дай жить ей, о другъ!

Среди ликованій, въ день брачнаго пира

Похищена смертью была я изъ міра,

И шагъ сулитъ мнѣ безжалостный рокъ

Томиться и впасть въ чертогахъ Эреба,

Вдали отъ того, кто волѣнъ неба

Такъ близокъ мнѣ быть и далекъ.

СРЕДНЕВѢКОВЫЕ СОНЕТЫ.

Лебединая пѣснь:

Опернешь о мраморъ балюстрады,

Надъ Луарой темно-голубой —

Вдаль она глядитъ передъ собой,

И печалью дышатъ эти взгляды..

Подъ ея прозрачною рукой

Вновь звучатъ аккорды серенады.

Въ камышахъ береговыхъ цикады

Вторять звукамъ лютни золотой.

И песется пѣснь ея далѣко,

Вслѣдъ тому, кого она глубоко

Полюбила сердцемъ молодымъ.

Меркнетъ день надъ тихою долиной

И, быть можетъ, станетъ лебединой

Эта пѣсня, сложенная имъ..

Подражаніе Петраркѣ.

Изъ Божьяго храма вы шли отъ обѣдин, мадонна,
И золото бѣднымъ вы сыпали щедрой рукой,
Подъ портикомъ темнымъ сіяли вы свѣтлой красой,
И взоръ мой за вами слѣдилъ неуклонно.

Я вамъ поклонился, но, словно не видя поклона,
Прошли вы, упрямно смотря лишь впередъ предъ собой.
И гнѣвная краска въ лицѣ разлилася волной,
И взоръ вашъ блеснулъ непреклонно.

Но добрый Амуръ, спускающій на наши моления,
Не могъ допустить, чтобъ источникъ живой утѣшенья
Повергнулъ меня въ безутѣшную скорбь на
всегда:

Покуда покровъ опуститъ вы снѣжили—рѣсницы
У васъ трепетали, какъ крылья испуганной птицы,
И очи сіяли, какъ въ небѣ вечеромъ звѣзда...

Догаресса.

Съ террасы мраморной спускаются синьоры,
Которыхъ написалъ великій Тиціанъ;
Алмазами горятъ мечи ихъ и уборы,
Парча и шелкъ одѣли стройный станъ.

И часто, съ дерзкою отвагою во взорѣ,
Глядятъ они туда, гдѣ смѣло надъ волной
Взвиваются цвѣта Венеціи родной
И Адриатика синѣетъ на просторѣ.

Вдали отъ ихъ толпы, блестящей и пустою,
Блестящая дивною и властной красотой,
Какъ въ сказкѣ гордая принцесса,

Даритъ улыбкою привѣтливой своей
Пажа, парчевый шлейфъ несущаго за ней,
Ихъ догаресса.

Полдень.

Полдневная жара. Замолкли въ рощахъ птицы,
Въ травѣ едва журчитъ серебряный ручей.
И только мотыльковъ безпечныхъ вереницы
Кружатся въ сумракѣ таинственномъ вѣтвей.

Въ небесной синевѣ сіяніе денницы —
Все ослѣпительнѣй, все жгучѣй, горячѣй,
И сквозь смеженные дремотою рѣсницы,
Я созерцаю сътъ изъ золотыхъ лучей.

Купаясь въ солнечномъ, колеблющемся свѣтѣ.
Мелькаютъ бабочки, и видя игры эти,
Мнѣ хочется поймать сіяющую нить;
Какъ рѣчю звучаю въ изысканномъ сонетѣ,
Я въ петляхъ золотыхъ неуловимой съти
Гармонію стиха пытаюсь заключить.

1896 г.

Изъ Армана Сильвестра.

Пѣсни о звѣздахъ.

БЕЗСМЕРТІЕ.

Куда текутъ во мглѣ свѣтила?
 Въ тотъ свѣтлый край, что озарила
     Собою вѣчная заря;
 И имъ во слѣдъ къ его предѣламъ
 Поднимемся порывомъ смѣлымъ,
     Высоко духомъ воспаря.

Полночный сумракъ лишь порогомъ
 Для насъ является къ чертогамъ,
     Куда приводитъ смерть сама.
 И этотъ сумракъ безъ просвѣта —
 Лишь трудный путь въ обитель свѣта,
     Но онъ блеснетъ,—и сгинетъ тьма!

Изъ міра скорби и сомнѣнья
 И намъ заря освобожденья
     Предвозвѣщаетъ переходъ —
 Когда, какъ звѣзды, мы мерцаемъ
 И тихо гаснуть начинаемъ —
 О, значить, близится восходъ!

Желаніе.

Тропинкой мы или отдаленной,
 При блѣдномъ сіяньѣ луны,
 И трепеть любви затаенной
     Намъ слышался въ плескѣ волны.

Казалось, имъ трепетали
 Во мракѣ деревьевъ листы.
 И звѣзды въ сіяющей дали;
 И тихо головки склоняли
     Объятые нѣгой цвѣты.

И молвилъ я съ нѣжной любовью:
     — О, другъ мой! безумно любя,
 Всеи жизнью моею и кровью
     Пожертвую я для тебя.

Скажи—и, вѣлѣнью покорный,
 Я брошусь въ шумящій потокъ;
 Повиснувъ надъ бездною черной,
 Тебѣ я съ вершины нагорной
     Достану альпійскіи цвѣтокъ!

Но звѣздной любуюся далью,
 Сребрившейся въ темномъ пруду,
 Она прошептала съ печалью:
     Кто дастъ мнѣ вонъ эту звѣзду?

Предъ нею, безъ слова отвѣта
 Стоялъ я, потупивъ глаза.
 Она продолжала:—Вѣдь эта
     Звѣзда золотая—слеза.

То первая чистая слеза
 Сияют звѣзды съ высоты.
 Счастливы юности грѣзы
 И отблескъ ея чистоты! —

Закатъ.

Вся глубина небесъ пыласть, какъ въ огнѣ.
 Багряница дымкою прозрачною объята.
 Подобно блеску дня, хотѣлось бы и мнѣ
 Угаснуть въ золотѣ заката.

Я отгорѣть хочу, какъ заходящій день,
 И надъ полями пасть живительной росой,
 Землѣ покинутой прохладою, миръ и тѣнь
 Оставивъ за собою.

Что были-бъ для меня холодной смерти мгла
 И тайны вѣчности и рашняя могила —
 Когда-бы, отлетѣвъ навѣки, переняла
 Душа моя въ надзвѣздныя свѣтила!

Угаснуть, умереть, окончить путь земной,
 Всему сказать: прости! безстрастно и сурово,
 И возродиться вновь въ лучахъ зари шной
 Для жизни радостной и новой.

Какъ солнце, совершать побѣдоносный кругъ,
 За грань чудснаго проникнувъ безъ запрета:
 Носить въ себѣ самомъ и разливать вокругъ
 Источникъ пламени и свѣта.

Не солнечный ли лучъ рождается порою
 И въ сердцѣ у меня, оберегаемъ свято?
 О, если-бъ отгорѣть, какъ онъ, въ огнѣ заката.
 И возродиться вновь съ сияющей зарей!

Изъ осеннихъ мелодій.

Послѣдній листъ.

Осень роковая, блѣдною рукою
 Что за даръ печальный ты несешь съ собою?
 Что въ дождѣ и вѣтрѣ мнѣ приносишь ты?
 — Желтые листы!

Что же означаетъ этотъ даръ печальный:
 Тихую-ли ласку и привѣтъ прощальный,
 Или судьба насмѣшку съ дикимъ торжествомъ?
 — Память о быломъ!

Кто мнѣ посылаетъ этотъ даръ священный,
 Какъ залогъ былого счастья незабвенный?
 Отвѣчай, откуда мнѣ онъ прислалъ быль?
 — Съ дорогихъ могилъ!

Поздняя любовь.

Твоя улыбка въ сердцѣ властно
 Рождала трепеть роковой,
 Но смыслъ его разсудокъ мой
 Постичь надѣялся напрасно.

Встрѣчая взоръ твоихъ очей,
 Я втайнѣ чувствовалъ волненье
 И уяснить въ душѣ своей
 Не въ силахъ былъ его значенье.

Но видя взоры этихъ глазъ,
 Вдругъ заблеставшіе слезою, —
 Я понялъ сердцемъ и душою,
 Что полюбилъ въ послѣдній разъ.

SÉRÉNADE d'AUTOMNE.

И вѣтеръ, и небо, и волны —
 Все шепчетъ во тьмѣ о любви.
 Молю я, отчаянья полный,
 О, выслушай рѣчи мои!
 — Одѣты серебряной мглою,
 Сіяютъ созвѣздія огни;
 Межъ небомъ, о другъ, и землею
 Умчимся далеко съ тобою
 Одни! —

И вѣтеръ, и небо, и море
 Все молить во тьмѣ о любви.
 Взгляни съ состраданьемъ во взоръ
 На тяжкія муки мои.
 — Сіяютъ небесныя своды,
 Лепечутъ морскія струи;
 Предъ ликомъ всецѣльной природы
 Забудемъ былыя невзгоды
 Въ блаженствѣ любви!

Тоскуютъ и вѣтеръ, и волны,
 Проснутся готова земля;

Печалью и нѣжностью полный,
 Стою предъ тобою, моля:
 — Окончился мигъ свидѣнья...
 О, другъ мой, съ тобою вдвоемъ
 Къ чему ожидать пробужденья?
 Испивъ до конца наслажденье,
 Какъ боги, умремъ!

1895 г.

Изъ Жана Экара.

Отверженный.

Когда вернулся я въ одинъ изъ вечеровъ .
 Печаленъ, одинокъ, подъ свой родимый кровъ,
 Какъ звѣрь затравленный, и мысль моя пылала
 Подъ сумрачнымъ челою, блѣднѣвшимъ отъ тоски —
 Деревья, и кусты вдоль берега рѣки,
 Все, что дитятею меня когда-то знало,
 Дивилось, что во тьмѣ бреду я одинокъ,
 И словно говорилъ мнѣ каждый ихъ листокъ:
 — Межъ тьмѣ, какъ мы къ землѣ прикованы корнями,
 И только наша тѣнь свершаетъ краткій путь,
 Какими, юнона, ты проходилъ путями?
 Какія тернии тебѣ язвили грудь? —

Когда же я достигъ стѣны знакомой сада,
 Гдѣ прежде, будучи ребенкомъ, я игралъ,
 Калитка старая явилась, какъ преграда.
 И скрикнула она:—А ключъ ты затерялъ? —
 Черезъ стѣну, словно воръ, я перелѣзъ во мракъ.
 И слышалъ за собою сердитый лапъ собаки;

Потомъ, узнавъ меня, раскаянья полна,
 Визжа у ногъ моихъ, ласкалася она,
 Какъ будто говоря:—Прости мнѣ, что за вора
 Я приняла тебя, но близкіе не скоро
 Тебя узнали бы: такъ измѣнился ты! —

И далѣе прошелъ, и тутъ изъ темноты
 Услышалъ я коней встревоженное ржанье:
 — А гдѣ товарищъ нашъ? Его въ своемъ скитаньѣ
 Не въ безднѣ-ль гдѣ-нибудь оставилъ ты на днѣ?—
 И домъ, родимый домъ, сказалъ съ укоромъ мнѣ:
 — Для всѣхъ трудящихся пришло отдохновенье;
 Не знавшій о твоёмъ нежданномъ возвращеньѣ,
 Служитель твой заснулъ, заснуло все кругомъ, —
 И только ты не спишь: что сдѣлалъ ты со сномъ?

Тогда во тьмѣ ночной присѣлъ я у порога,
 И звѣзды яркія и темный небосводъ,
 И пламенная даль необозримыхъ водъ—
 Заговорило все торжественно и строго:
 — Гдѣ пѣсни дивныя—успада для сердець?
 Скажи, что сдѣлалъ ты съ душой своею, пѣвецъ?—
 И такъ отвѣтилъ я и морю, и свѣтлдамъ:
 — Я цѣль и счастье нашелъ во взорѣ млдомъ
 И вотъ, отверженный, бреду я одинокъ,
 Лишнень пристанища, печаленъ и убогъ. —

1897 г.

Сказка.

Прелестная фея (не болѣе пчелки),—
 Но съ женскимъ лукавымъ умомъ,
 Который острѣе и тощше иголки,—
 Любима была мотылькомъ.

И молвила фея:—Ко мнѣ, легкокрылый,
 Изъ свѣтлой лазури спустись!

Хочу я на крыльяхъ подняться, о, мимий,
Съ тобою въ лазурную высь.

Обвѣяна гѣжнымъ дыханьемъ зефира,
Хочу надъ цвѣтами парить,
Тобою, въ предѣлахъ свободныхъ эфира,
И жажду любимую быть! —

— Ты мною любима!—отвѣтилъ онъ гѣжно, —
Со мной отъ предѣловъ земныхъ
Умчимся далеко мечтою безбрежной
На радужныхъ крыльяхъ моихъ!

Страхнуть ты не бойся ихъ пыль золотую;
Вѣдь фея легка, какъ мечта,
Любовью зовусь я, тебя же зову я,
Какъ всѣ на землѣ: *красота*.

На все я готовъ для красавицы крошки,
Скорѣ садись! Но бокамъ
Безъ страха спусти обнаженные ножки
И вмѣстѣ взлетимъ къ облакамъ!

— Постои на мгновенье!—она отвѣчала,
— Опасность пугаетъ меня...
Дозволь, я тебя осѣдлаю сначала,
Какъ всадникъ сѣдласть коня.

— Но я не согласенъ!—возвысилъ онъ голосъ.
— А я послушанія жду! —
И онъ покорился. Взяла она волосъ
И сдѣлала тутъ же узду.

Нашлись и шпоры; листочекъ отъ розы
Послужитъ ей вмѣсто сѣдла...
И фея садится. На крылышкахъ грезы,
Въ лазурь голубую—гонъ-ла!

Но виднѣть она: опускаются крылья...
Забыла капризница вповь:
Любовь—мотылекъ не выноситъ насилья,
Узда убиваетъ любовь.

1897 г.

Изъ Жана Ришпена.

Пробужденіе.

Когда любовь живетъ въ душѣ у насъ,
 Лунатиковъ мы все напоминаемъ,
 И, какъ они, погружены въ экстазъ,
 Надъ пронастью довърчиво блуждаемъ.

Онѣ къ мірамъ, сіяющимъ вдали
 Молитвенно объятъя простиралъ,
 Идутъ впередъ, пути не разбирая,
 Какъ бы паря надъ уровнемъ земли.

Для нихъ ничто—законы таготѣнья,
 Слѣпой инстинктъ ведетъ повсюду ихъ,
 И въ шорохѣ и въ вѣяньяхъ починныхъ —
 Имъ слышится чарующее гѣнье.

Безбрежная, какъ голубой эфиръ —
 Имъ въ этотъ мигъ доступна безконечность,
 И языкомъ глаголетъ съ ними вѣчность,
 Котораго не понимаетъ міръ.

И кажется еще одно усилье —
 И отъ земли, не знающей чудесъ,

Въ святилище сіяющихъ небесъ
 Ихъ унесутъ развернутыя крылья!

Но рѣзкій звукъ, неосторожный крикъ —
 Нарушено тотчасъ очарованье,
 Оконченъ сонъ, — и пробужденья мигъ
 Несетъ съ собою все ужасы сознанья.

Духъ отлетѣлъ, и страстью оныяленный,
 Остался звѣрь—на камни мостовой
 Упавшій внизъ, съ разбитой головой,
 И гибелью отъ грѣзы отрешленный.

Л ю б о в ь .

(Трилогія).

I.

ДРЕВНЕРИМСКІЙ СОНЕТЪ.

Прекрасная Клея въ бѣлой одеждѣ весталки
 Безстрастно на боѣ гладиаторовъ въ циркѣ глядитъ
 И дѣва не видитъ тотъ взоръ умоляюще жалкій,
 Какимъ на нее побѣжденный взираетъ самнитъ.

Зависитъ вся жизнь отъ ея одного мановенья,
 Но что ей до всѣхъ, до покрытаго кровью бойца!
 Въ мечтахъ затаянныхъ является въ это мгновенье

Ей образъ сирійца, Венеры восточной жреца.

Прекрасный собою, онъ голосомъ тихимъ и стрелнымъ

Поетъ о любви, и сливается вечеромъ яснымъ
 Съ рыданіемъ гонга напѣвъ сладострастный его.
 И вся замирая подъ нѣжные звуки напѣва,
 Готова погибнуть засыпанной заживо дѣва,
 Чтобъ дивную тайну въ объятыхъ познать у него.

II.

СРЕДНЕВѢКОВЫЙ СОНЕТЪ.

Владѣлица замка въ покоѣ старинномъ
 За лютней своею сидитъ у окна,
 И рыцаря пѣнею славить она,
 Стязавшаго славу въ бою съ сарацинномъ.

Высокая, въ платьѣ закрытомъ и длинномъ
 И въ длинной вуали изъ тонкаго льна,
 Тому, кто явился ея властелиномъ —
 Она неизмѣнно пребудетъ вѣрна.

Герою послужить наградой желанной
 Бя красоты и дѣвчества цвѣтъ,
 А если падетъ онъ въ бою бездыханный —
 Она цѣломудрія сдержитъ обѣтъ:
 Дыханіе знойное страсти мятежной
 Собою не коснется груди бѣлоснѣжной.

III.

СОНЕТЪ ВОЗРОЖДЕНІЯ.

Въ беретѣ съ перьями и въ мантіи расшитой,
 Рукою опершись на стройнаго паяка,
 Другую на эфесъ рапиры положи,
 Выходитъ на берегъ сенъоръ съ своею свитой.

За плату мадригалъ педантомъ сочиненъ,
 И въ честь красавицы послышалась изъ сада,
 Исполнена пѣвцомъ наемнымъ серенада, —
 Но замокъ въ тишину и сумракъ погруженъ.

Въ своемъ убѣжищѣ графиня пѣснѣ внимлетъ,
 Межъ тѣмъ, какъ старый мужъ красавицы не
 дремлетъ:

Вездѣ разставлены капканы для волковъ.
 Но тутъ-же, къ общему устраиваясь благу,
 Подкупленный бандитъ отгачиваетъ шнагу,
 Съ ревнивымъ старикомъ расправиться готовъ.

Послѣдніе листья.

Въ поляхъ и въ лѣсу обнаженномъ
 Ложатся снѣга пеленой,
 И въ сердцѣ моемъ истомленномъ
 Повѣяло также зимой.

Съ собою умчало несчастье
 Послѣдніе листья березъ,
 И также недолгое счастье
 Порывъ урагана унесъ.

На югъ изъ холоднаго края
 Пѣвцовъ улетаетъ семья,
 И также меня покидая,
 Любовь отлетѣла моя.

Тогда и теперь.

Помнишь ты вонъ то свѣтило,
 Какъ оно во тѣмѣ почей
 Съ нашей комнаты очей
 Любопытныхъ не сводило?

Какъ смѣялись мы надъ нимъ,
 Надъ его гримасой постной,
 Надоѣдливо несносной,
 Полны счастьемъ своимъ?

И припомнивъ то, что было
 И навѣки отомло —
 То-же самое свѣтило
 Надо мной смѣется зло.

Э х о.

Въ докучной суетѣ нныхъ заботъ и думъ,
 Порой печально приходитъ мнѣ на умъ
 Когда-то слышанное слово,
 И тутъ-же, цѣлый міръ собою пробудивъ,
 Оно звучитъ въ душѣ, какъ дружескій призывъ,
 Какъ эхо дальняго былого.

Мнѣ вспоминаются и годъ, и день, и часъ...
 Невольная слеза туманитъ взоры глазъ
 И слышу я, въ порывѣ горя,
 Въ немѣ эхо радостей, давно пережитыхъ,
 Какъ въ раковинахъ слышится пустыхъ
 Намъ отдаленный голосъ моря.

Безъ исхода.

Гдѣ жить? Во тьмѣ какихъ ночей
 Укрыть заплаканныя очи?
 Мое отчаянье мрачнѣй,
 Чѣмъ сумракъ ночи,

Гдѣ умереть? Въ волнахъ какихъ
 Мнѣ потопить избытокъ горя?
 Оно мятежнѣй волнъ морскихъ
 И глубже моря.

Куда бѣжать? въ какую даль?
 Надежды призраку не вѣрьте!
 Въ душѣ живущая печаль —
 Сильнѣе смерти.

Изъ Жана Рамо.

Лунный лучъ.

I.

Ночью благовонной падъ заснувшей чащей,
Словно легкокрылый, свѣтлый мотылекъ,
Лунный лучъ явился, юный и блестящій,
Призывая къ жизни голубой вьюнокъ.

Онъ скользнулъ по вѣткѣ съ бѣлыми цвѣтами,
Онъ ея коснулся мягко на лету
Въ часъ, когда сіяютъ счастья слезами
Молодые вѣтви яблони въ цвѣту.

Онъ звенѣлъ, казалось, радостенъ и свѣтелъ,
Нотою кристальной, какъ нагорный ключъ,
И пастухъ красавецъ тутъ его замѣтилъ
И залюбовался на блестящій лучъ.

— О, поидемъ,—шеннулъ онъ съ нѣжною мольбою:
— Озари собою мой унылый домъ!—
И за нимъ тянулся юноша рукою,
Словно за крылатымъ, бѣлымъ мотылькомъ.

Но мольба не внемля, межъ листьями чащпой
Благовонной розы пріютился онъ.
Юноша наивный, торжествуя тайно,
Потянулся къ розѣ, счастьемъ упоенъ.

Тщетная надежда! Горькая кручина!
Лучъ не ожидаетъ... Вотъ не вдалекѣ
Онъ его увидѣлъ на кустѣ жасмина,
Кинулся—и снова лепестки въ рукѣ!

Увлеченъ погоней страстною за тѣнью,
Жадно обрывалъ онъ вѣнички цвѣтовъ,
И усталъ, измученъ, подъ густою сѣнью
Простиранныхъ вѣтви молодыхъ дубовъ.

Тутъ надъ нимъ раздался голосъ дѣвы юной:
— Отчего ты плачешь?—О, краса моя!
Здѣсь, въ зеленой чащѣ, лучъ нашелъ я лунный,
И его сейчасъ-же вновь утратилъ я!—

Онъ цвѣты отдалъ ей. Вѣтеръ благовонный
Поднялся, играя волосами ихъ,
И смотря ей въ очи, молвилъ онъ, смущенный:
— Лунный лучъ сіяетъ изъ очей твоихъ!

О, мой лучъ завѣтный, дѣвственный и чистый,
Озари собою мой пустынный домъ! —
И въ отвѣтъ лишь вѣтеръ зацепталъ душистый
Ласковыя рѣчи въ сумракѣ ночномъ.

Засіялъ слезами взоръ ея молящій,
Дрогнули рѣсеницы, и уста его
Ихъ коснулись тихо, и какъ лучъ блестящій,
Счастье засіяло въ сердцѣ у него.

— Ты меня полюбишь?—О, навѣки милый!—
— Чѣмъ ты поклянешься?—Я клянусь моею
Жизнью и любовью... Нѣтъ, волшебной силой
Этихъ серебряныхъ мѣсяца лучей!

Юноша-красавецъ утонулъ въ заливѣ,
Жениха другого избрала она.
Лунный свѣтъ бываетъ часто прихотливѣй
И непостояннѣй, чѣмъ сама волна...

На поля ложился сумракъ ночи брачной,
У окна стояла юная жена
И вздыхала она въ полутьмѣ прозрачной,
Памятью былого свѣтлаго полна.

Расцвѣтали грезы, радости и юны,
Въ сердцѣ новобрачной, — вдругъ въ ея окно
Тихо, незамѣтно лучъ пробрался лунный,
И зашлось сердце, замерло оно...

— Отвѣчай, ты любишь? — Милый, о, навѣки! —
Поднялся въ ней голосъ властенъ и могучъ.
И она заямурить попыталась вѣки,
Но смотрѣлъ ей прямо въ сердце этотъ лучъ!

И въ тоскѣ простерла руку молодая
За лучемъ блестящимъ — но бѣглецъ исчезъ.
Съ липы на жасмины вмигъ перебѣгая,
Увлекалъ ее онъ за собою въ лѣсъ.

По винуясь силѣ страсти безотчетной,
Липы, жасмины — все рвала она...
— Ты вѣрна мнѣ будешь? вѣтерокъ залетный
Ей шепталъ немолчно: — навсегда вѣрна?

Лучъ мелькалъ предъ нею надъ лѣсной поляной,
Но вѣтвямъ, плакучихъ, бѣлокурыхъ нивъ,
И затѣмъ, какъ призракъ блѣдный и туманный,
Онъ скользнулъ неожиданно въ голубой заливъ.

Вслѣдъ за нимъ мелькнуло странно, молчаливо
Бѣлое видѣнье... Еле слышимый всплескъ —
И сомкнулись воды тихія залива,
Отражая лунный серебристый блескъ.

Въ эту ночь, подобно тѣнямъ молчаливымъ,
Посреди безлюдья и лѣсной тиши,
Поднялись къ сіяющимъ въ небесахъ свѣтиламъ
Два луча блестящихъ, двѣ родныхъ души.

Изъ А. де-Виньи.

Гнѣвъ Самсона.

Безмолвна пустыня, шатеръ одинокъ.
 Въ предѣлахъ, гдѣ вихрится желтый песокъ.
 И львы обитаютъ, кто смѣетъ отважно
 Раскинуть подъ небомъ холщевый павѣсъ?
 Но сводъ раскаленныхъ отъ зноя небесъ
 Не дышетъ и въ полночь прохладою влажной;
 Лишь легкою рябью ночной вѣтерокъ
 Вдываетъ зыбучій, какъ море, песокъ,
 И тихо колеблетъ холщевыя ткани.
 Лампада у входа сіяетъ въ туманѣ
 Звѣздою, и пламя ея въ темнотѣ
 Едва освѣщаетъ на бѣломъ холстѣ
 Двѣ темныя тѣни.

Одна — величавою мощью полна,
 Другая — склонилась предъ нею колѣни,
 Обвивъ ихъ руками, прильнула она
 Къ ногамъ господина, чья дивная сила
 Покорна рабинѣ. Прекрасна Далила,
 Тяжелыя косы по плечамъ скользятъ,
 Какъ сѣть золотая, къ ногамъ ниспадая.

Она, какъ шатера гибка молодая,
 И очи ея наслажденье сулятъ,
 И молитъ о немъ отуманенный взглядъ,
 Гдѣ искрится въ тайнѣ огонь сладострастья.
 На стройныхъ рукахъ золотыя запястья,
 И кольца при каждомъ движеніи звенять,
 И перси ея, гдѣ блестятъ амулеты,
 Сирійскою тканью стыдливо одѣты.

Колѣни могучія сдвинулъ Самсонъ;
 Подобенъ гиганту Аубису онъ,
 Она же, охвачена властной рукою,
 Склонилась къ колѣнамъ его головою:
 Ее убаюкалъ гортанный напѣвъ,
 Гдѣ слышится горе и сдержанный гнѣвъ,
 Ей чужды слова и языкъ незнакомый,
 Но, вся отдаваясь чувству истомы,
 Подъ тихіе звуки забылась она.

— Въ присутствіи Бога, во все времена
 Идетъ роковая борьба повсемѣстно,
 И мужа съ душою правдивой и честной
 Всегда побѣждаетъ лукавствомъ жена.

Не съ первыхъ-ли дней до мгновенья развязи
 Томится онъ жаждою нѣги и ласки,
 Впервые проникшей во все существо.
 Когда у груди согрѣвала его
 И нѣжила мать! Безотчетно тоскуя,
 Какая-бы цѣль ни ждала впереди,
 Онъ грезитъ всегда теплотою груди,
 Мечтаетъ о жгучемъ огнѣ поцѣлуя,
 О ласкахъ съ зарею, о волнахъ кудрей,
 О шопотѣ нѣжномъ во мракѣ ночей...
 Его на пути безотчетно тревожитъ,

Преслѣдуютъ всюду видѣнія ложа, —
И съ этою жаждой любви безъ границъ,
Стремится онъ въ сѣти коварныхъ блудницъ.

И чѣмъ онъ сильнѣе и духомъ и тѣломъ —
Тѣмъ гибнетъ въ ригѣ: чѣмъ глубже рѣка,
Тѣмъ болѣе зыбь на волнахъ велика.
Борьба человеку явилась удѣломъ;
Когда же отъ ужасовъ вѣчной войны,
Онъ жаждетъ забвенья въ объятіяхъ жены —
Тогда начинается втайнѣ другая,
Межъ нимъ и межъ нею, борьба роковая:
Въ разгарѣ лобзаній ведется она,
Губя безнаочно и разумъ и силу, —
И въ каждой женѣ онъ находитъ — Даліу.

Въ объятіяхъ страсти всегда холодна,
Она не знакома съ любовнымъ недугомъ.
И въ этомъ, смѣясь, сознается подругамъ.
Ей страшнѣе бываетъ ея властелинъ,
Онъ грубъ и беретъ отъ нея наслажденье.
Но дать не умѣетъ его ни одинъ.
Женѣ драгоценнѣй, чѣмъ всѣ украшенья —
Побѣда надъ сильнымъ: гдѣ кровь пролита,
Тамъ ярче сіяетъ ея красота.
И та, отъ которой мы жизнь получаемъ,
Чьи первыя ласки намъ кажутся расмъ,
И сердце свое мы кому отдаемъ —
Намъ стала врагомъ въ ослѣпленъ своемъ.
Два царства враждебныхъ созидутся вскорѣ,
И жены, позорно замкнувшись въ Гоморрѣ,
Безумью мужей предоставятъ Содомъ.
И тѣ, и другіе съ тоской и стыдомъ
Сойдутъ, проклиная другъ друга, въ могилу.

О, Господи сильныхъ! Велѣнья Твои,
Свершилъ я, и черпалъ въ безумной любви
Мою, изумлявшаго смертнаго, силу;
О, Боже, Ты съ нею меня разсуди!
Заснувшая мирно на этой груди,
Въ упорствѣ и злобѣ, для насъ не понятной,
Она предавала меня троекратно,
И трижды притворная слезы лила,
Которыми злобы укрыть не могла,
Сверкавшей во взорѣ холодномъ и лживомъ.
Сердцамъ раздраженнымъ и жалко трусливымъ
Прощеніе чуждо, чужда доброта,
И ихъ подавляетъ его высота.

И я сокрушавшій колонны, бывало,
Измученъ я духомъ и тѣло устало:
Печали, гнетущей мнѣ душу давно,
Не въ силахъ выдерживать дольше оно!
Все лучшее въ жизни дѣлится со змѣею,
Которая вьется, своей чешуею
Влачась въ грязи и на солнцѣ блестя!
Нечистое сердцемъ, большое дитя!
Себя ослѣпляя, стараться не видѣть,
Не знать, — и кипучаго гнѣва не выдать,
Въ святилищѣ сердца его схороня,
Покуда, какъ тлѣвшая искра огня,
Не вспыхнетъ онъ сразу злобѣщимъ пожаромъ!
Довольно! склоняю главу подъ ударомъ,
И гостемъ желаннымъ здѣсь явится тотъ,
Кто съ вѣстью о смерти къ Самсону придетъ.
Да будетъ, какъ Ты предназначилъ, о, Боже! —

И, молвивъ, спокойно заснулъ онъ на ложѣ,
Покуда, скрывая свое торжество,
Враги не явились, за волосъ его

Платившіе каждый цѣной дорогою.
 Его ослѣпивъ; увели за собою
 Они, отягченнаго гнетомъ оковъ,
 Влачимыхъ съ усильемъ десяткомъ быковъ.
 И въ кашницѣ бога, къ подпожью Дагона
 Они привязали слѣпного Самсона,
 И дважды на цоколѣ дрогнулъ кумирь,
 И дважды жрецовъ охватило смятенье...
 Но вотъ задымились подъ сводомъ куренья!
 И шумень, и веселье языческій пирь.
 Вблизи распростертой предъ богомъ телицы, —
 Далила въ вѣнцѣ и уборѣ царницы;
 И шепчетъ блудница, укору гоня:
 „Онъ слѣпъ и не можетъ увидѣть меня“.

Исполнясь восторгомъ и вы задрожали —
 Небесная твердь и пустынный просторъ,
 Когда ослѣпленный, безжизненный взоръ,
 Преступныя очи со страхомъ встрѣчали.
 Когда, напрягая все силы, Самсонъ
 Потрясъ основанье гигантскихъ колоннъ,
 Подъ сводами храма навѣкъ погребая
 Три тысячи навшихъ на мѣстѣ враговъ,
 И ихъ алтари, и безсильныхъ боговъ!

О, если бы кара постигла такая
 Измѣну, падѣвшую маску любви,
 Когда, опьяненные нѣгой лобзаній,
 Въ минуты безумныхъ и лживыхъ свиданій
 Мы ей открываемъ все тайны свои!

1897 г.

Изъ Венгерскихъ поэтовъ.

Въ чардѣ.

(Сандора Петёфи).

Надъ рѣкой темнѣетъ кровля старая чарды,
 Но она не отразилась въ зеркалѣ воды:
 Тьма ночная все объемлетъ сумракомъ и сномъ
 На рѣкѣ въ тѣни деревьевъ, дремлетъ и паромъ.

А въ чардѣ поютъ цыгане, пляски и кутежь...
 Веселитесь, до упаду пляшетъ молодежь.
 — Эй, хозяйка, подавай намъ добраго вина,
 Не жалѣй его, красotka, наливай до дна!

Пусть оно старѣе будетъ, чѣмъ мой дѣдъ съдой,
 Горячѣ поцѣлуйте дѣвы молодой!
 Эй, цыгане, плясовую! Всѣхъ озолочу!
 Ничего денегъ я и душу проплясать хочу.

Вдругъ въ окошко постучали: Не шумите тамъ!
 Вы покоя не даёте ночью господамъ! —
 — Убирайтесь вмѣстѣ съ ними прямо къ сатанѣ!
 Эй, цыгане, веселите ретивое мнѣ...

Плясовую, да живѣе! Не жалѣй смычковъ!
 Я послѣднюю рубашку вамъ отдать готовъ!—
 Но опять стучатся тихо въ переплетъ окна:
 — Ради Бога не шумите... Наша мать больна! —

И ни слова не отвѣтя, всѣ встаютъ кругомъ,
 Допиваютъ тихо чарки, полныя виномъ,
 И, съ цыганомъ расплатившись, длинною гурьбой,
 Всѣ немедленно уходятъ изъ чарды домой...

1892 г.

На чужбинѣ.

При Дунаѣ бѣдная хата есть одна..
 О, какъ мнѣ, изгнаннику, дорога она!
 Часто вспоминаю я съ нѣжностью о ней,
 И слезой туманится взоръ моихъ очей.

Лучше бы съ отчизною не прощался я,
 Но влекутъ желанья насъ въ дальніе края;
 Имъ окрыляемый, порѣшивъ искать
 Счастья, оставилъ я родину и мать.

Какъ она терзалася горемъ и тоскою
 Въ часъ, когда прощалася бѣдная со мною!
 И страданья жгучаго угасить не могъ
 Хлынувшій изъ глазъ ея горькихъ слезъ потокъ.

Какъ меня съ рыданіемъ обнимала мать,
 Какъ меня пыталася тщетно удержать, —
 Боже! Если-бъ въ будущемъ ясно видѣлъ я—
 Не были-бъ напрасными всѣ мольбы ея...

Но горитъ надежда намъ яркою звѣздой,
 Будущее кажется чудною страпою,
 Только заблудившись на пути своемъ,
 Мы ошибку горькую поздно сознаемъ.

1893 г.

Что же мнѣ рассказывать, какъ ласкалъ меня —
 Лучъ надежды радостной, за собой маня?
 Но съ тѣхъ поръ, какъ въ мѣрѣ я осужденъ брести—
 Я одинъ лишь тернии встрѣтилъ на пути.

Вотъ идутъ знакомые въ край далекій мой..
 Вѣсть какую матери я пошлю домой?
 О, когда придется вамъ повидаться съ нею—
 Я прощу, родимые, передайте ей:

Чтобъ она не плакала ночи на пролетъ,
 Что любимыи сыпъ ея счастливо живетъ..
 Если-бъ знала бѣдная, какъ страдаю я —
 Сердце разорвалось бы съ горя у нея! —

Лунная ночь.

Въ окно мое сіянье звѣздной ночи
 Вливается во всея красъ своей,
 И къ небесамъ я устремляю очи,
 И мыслью рвусь къ возлюбленной моей.

И небеса сіяющія эти,
 И та, кого люблю я — краше нѣтъ,
 Милѣе ихъ нѣтъ ничего на свѣтѣ, —
 А я брожу по свѣту много лѣтъ.

Уходитъ ночь! Въ гористой, синей дали
 На западѣ луна еще видна,
 Но уменьшаяся, какъ гнетъ моей печали,
 Блѣднѣе все становится она.

Высоко звѣздъ блестящихъ плеяды
 Стоять теперь.. Вотъ заалѣлъ востокъ,
 И вѣтухъ заплѣлъ... и — утренней прохлады
 Предвѣстанкомъ — поднялся вѣтерокъ.

Ф. В. Чюмина-Михайлова.

Пора во снѣ искать успокоенья,
 Но не для сна построена душа!
 Дѣйствительность,— прекраснѣйшій сонидѣнья
 И въ этотъ мигъ—жизнь чудно хороша!

Кто пойметъ ихъ—безумныя шѣни мои,
 Сочетаніе мрака и свѣта?
 Въ сердцѣ ярко горитъ пламя свѣтлой любви,
 Мраченъ духъ гражданина—поэта.

Умиленія слеза застилаетъ мнѣ взоръ,
 Если къ милой стремлюсь я мечтами,
 И отчужды мои созерцая позоръ,
 Я кровавыми плачу слезами.

Грудь мою ароматнымъ махровымъ цвѣткомъ
 Украшаетъ рука дорогая,
 А чело увѣшали терновымъ вѣнкомъ
 Мнѣ страданья родимаго края.

Подъ нагѣвъ непогодъ я на лирѣ пою
 И страданья и свѣтлыя грезы,
 Умиленія слезы порою я лью
 И беспильнаго бѣшенства слезы.

Ты видишь островокъ—объятыя Дуная
 Охваченный со всѣхъ сторонъ?
 Такъ въ сердцѣ у меня твой образъ, дорогая
 Навѣки заключенъ?

Взгляни скорѣе: счастья привѣтомъ
 Къ намъ вѣтвь цвѣтущая плыветъ;
 Ужель и для меня надежда яркимъ свѣтомъ
 Не зацвѣтетъ?

Изъ Арани.

Аистъ въ плѣну.

Плѣнный аистъ одиноко
 За стѣной стоитъ высокой,
 Заключенный какъ въ тюрьму,
 Улетѣлъ бы онъ за море—
 Да отрѣзали на горе
 Крылья быстрыя ему.

Онъ въ сознаніи беспильна
 Прячетъ голову подъ крылья,—
 Вдаль смотрѣть желалъ бы онъ,—
 Но напрасно! Аистъ плѣнный
 Видитъ сумрачныя стѣны
 Предъ собой со всѣхъ сторонъ.

Изъ его темницы тѣсной
 Виднѣтъ только сводъ небесный,
 Но туда не смотритъ онъ...
 Тамъ, сиѣша въ нныя страны,
 Вьются птичекъ караваны—
 Онъ же, плѣну обреченъ.

Ожидаетъ онъ съ тоскою,
 Чтобъ скорѣе за стѣною
 Снова крылья отросли,
 И тогда изъ злой неволи
 Въ царство свѣта, въ царство воли—
 Улетитъ онъ отъ земли.

Вѣсть осенью холодной
 И въ далекой путь свободно
 Снова апетя летить,—
 Только онъ, какъ рабъ несмѣлый,
 Бродитъ адѣсь опротѣлый,
 Горькой думою объять.

Воздухъ крикомъ оглашая,
 Журавлей несется стая
 И знакомый слыша звукъ—
 Молча взлететь онъ съ кручиной
 Крикамъ стая журавлиной,
 Отлетающей на югъ.

Хочетъ сдѣлать онъ усилья,
 И отрѣзанныя крылья
 Тщетно пробуетъ опять,—
 Но увы на вольной—вольъ,
 Межъ другихъ, не въ силахъ болѣ
 Онъ по прежнему летать.

Бѣдный апеть! Узникъ бѣдный
 Въ небѣ съ силою побѣдной
 Крыльевъ ты не развернешь!—
 Еслибъ выросли и снова
 Крылья эти—то сурово
 Ихъ опять обрѣжешь ножъ.

(Изъ Андрея Сабо).

Не тотъ бѣднякъ, кто сдерживая стоны,
 Ждетъ подаяннй или черстваго куска,
 Но тотъ, кому его миллионы
 Не могутъ посулить лавроваго вѣнка.

Не тотъ больной и страждущій несчастень,
 Кто горько плачетъ надъ собой,
 Но тотъ, кто болѣе не въ силахъ и не властенъ
 Страданья облегчить единою слезой.

Жизнь измѣряется не нашими годами,
 Не въ томъ вопросъ, какъ долго мы живемъ?
 А въ томъ, что выстрадаю нами,
 Что пережили мы и сердцемъ и умомъ.

Три скорби.

Глубокая печаль и тяжкая забота
 Лежитъ на домѣ всемъ,
 И, день за днемъ, семья, напрасно ждетъ кого-то,
 Печалаяся о немъ.

И говоритъ женѣ глава семьи въ волненьѣхъ:

— Не плачь, жена моя:

Герою онъ погибъ, и въ этомъ утѣшеньѣ
Въ печали вижу я!

И говоритъ сестра:—Я жизнь отдать готова,
Была бы для того,

Чтобъ онъ когда нибудь, подъ сѣнь родного крова
Вернулся своего.

И тихо молвить мать:—О, легче бы кручина
Была въ дунѣ моеи,

Когда бы я могла найти могилу сына,
Чтобъ умереть на ней.—

Сонеты Петрарки.

1.

Мадонна! страсть моя угаснуть не успѣла,
Она живетъ во мнѣ, пока мнѣ жить дано,
Но ненависть къ себѣ до крайняго предѣла
Въ измученной душѣ достигла ужъ давно.

И если я умру—пусть будетъ это тѣло
Подъ безыменной плитой погребено:
Ни слова о любви, которой такъ всецѣло
Владѣть душой моеи здѣсь было суждено!

Лучи сочувствія блеснутъ ли благотворно
Для сердца, полнаго любовью непритворной,
Которое отъ васъ награды ждетъ давно?

Но если вами гнѣвъ руководить упорно—
Оковы столько лѣтъ носимыя покорно—
Быть можетъ, разорветъ въ отчаяньѣ оно.

2.

Четырнадцатый годъ томлюсь я мукой страстной
Какъ въ первый день его, такъ и въ послѣдній день.
Отраду мнѣ сулятъ собой напрасно
Дыханье вѣтерка и роицъ зеленыхъ тѣнь.

Любовь, съ которою все мысли пераздѣльны,
Владѣть мной всецѣло и вполнѣ;
Въ лучахъ любимыхъ глазъ, таящихъ ядъ смер-
тельный,

Сгораю я на медленномъ огнѣ.

Такъ гасну я—невидимо для свѣта,
Но только самъ я замѣчаю это

И та, чей дивный взоръ былъ гибелью моеи.

Мой духъ готовъ земныя сбросить ткани,
Недолго мнѣ влачить ярмо страданій:
Уходитъ жизнь, и смерть идетъ на смѣну ей.

3.

Когда бы свои затаенныя думы
Излить я сумѣлъ въ душевныхъ стихахъ—
У тѣхъ, что суровы и правомъ угрюмы,
Я вызвалъ бы жалость въ сердцахъ.

Очамъ же, которыми сердце разбито
Вѣрнѣй, чѣмъ ударомъ меча или копья,
Всегда это сердце бывало открыто,
Хотя и безмолвствовалъ я.

Тутъ было бы каждое слово бесплодно—
Они проникали мнѣ въ душу свободно,
Какъ солнце сквозь грани стекла;

Увы! та же вѣра, чья дивная сила
Петра съ Магдалиной отъ горя хранила,
Меня одного не спасла.

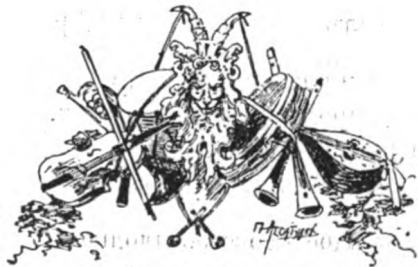
4.

Увы! мнѣ вѣдомо: добычей невозбранной
Мы все бываемъ той, что похищаетъ насъ
Изъ міра этого, въ урочный мигъ неожиданно
Предъ нами появивъ.

Награды я себя не заслужилъ желанной,
И скоро для меня пробьетъ послѣдній часъ,
Но сердце мнѣ Амуръ терзаетъ постоянно
И прежней дани слезъ онъ требуетъ отъ глазъ.

Я знаю: дни бѣгутъ, какъ быстрыя мгновенья.
Чредою унося года и поколѣнья,
Но это разумъ лишь холодный говоритъ.

Четырнадцатый годъ въ слѣпномъ ожесточеньѣ
Другъ съ другомъ борются разсудокъ и влеченье,
И то, что истинно и вѣрно—побѣдить.

П. 1956 г.
Лит. № С-109/1